

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 7

Москва 2017

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Н.А. Макаров (ответственный редактор)
С.В. Шполянский (составитель),
М.Е. Родина, И.Е. Зайцева

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 7 / отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. – М.: ИА РАН; 2017. – 224 с.

ISBN 978-5-94375-229-2

В сборнике публикуются материалы 7-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 18–19 октября 2016 г. в г. Владимире.

В рамках работы семинара были представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований ряда средневековых памятников верхнего Поволжья и Новгородских земель.

Традиционно в докладах, освещались исследования территорий исторических городов, средневековых сельских поселений и погребальных памятников, некоторые общие вопросы изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-229-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2017
© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2017
© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М., Угулава Н.Д. Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополе в 2016–2017 гг.	7
Михайлова Е.Р. Погребальные памятники комплекса Рапти-Наволоч: О сложении и развитии древнерусской обрядности	19
Соболев В.Ю. Погребальные памятники населения Новгородской земли. Вопросы хронологии и периодизации	30
Исланова И.В. Древнерусский археологический комплекс Воронцово на р. Волчине	38
Леонтьев А.Е., Александровский А.Л., Бейлекчи Вал. В., Кашкин А.В. Исследования городища Выжегша в 2016 г.	51
Трошина А.А. Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов культурного слоя городища Выжегша	64
Федорина А.Н. Группа памятников Кибол 2-3-4 по результатам разведочных работ 2002–2014 гг.	68
Шполянский С.В. На границе княжеств: новые данные о средневековом археологическом комплексе у села Павловское	81
Уткин А.В., Костылёва Е.Л. Древнерусские селища в верховьях р. Ухтохмы .	93

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Милованов С.И. Археологические исследования на месте расположения Знаменской (Пятницкой) церкви в г. Владимире в 2015 г.	100
Щербаков В.Л. Археологические исследования летописной Унжи в 2014–2015 гг.	110
Антонов Д.А. К вопросу о структуре средневекового г. Городца и его роли в освоении заволжских земель	123

Кабаев Д.А., Володина Т.Е. Археологические раскопки в Суздале на ул. Ленина, 89	132
Тимофеева Т.П. Археологическая тема в переписке Н.Н. Воронина и А.Д. Варганова	139
Томсинский С.В. Остатки языческого святилища на территории Углического кремля по материалам раскопок 2014 г	154
Турова Е.А. Работы Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на территории Государственного музея-заповедника «Александровская Слобода» на участке раскопа 3	164

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Лапшин А.Г., Бисерова А.В. Гончарные клейма древнего Владимира: трех-частная розетка	176
Сатурин А.А. Глиняные игрушки XIV–XVIII веков из археологического собрания Костромского музея-заповедника	188
Данилов О.В., Абрамов Д.В. Результаты археологической разведки в Собинском районе Владимирской области в 2015 году	197
Список сокращений	208
Цветные иллюстрации	209

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

Makarov N.A., Zaitseva E.I., Krasnikova A.M., Ugulava N.D. Archaeological investigations at Shekshovo burial site in Suzdal Opolye in 2016–2017	7
Mikhailova E.R. Burials of the complex Rapti-Navolok: to the addition and development of medieval rites	19
Sobolev V.Yu. Funerary sites of the population of the Novgorod land. The issues of chronology and periodization	30
Islanova I.V. The old Russian archaeological site Vorontsovo on the river Volchina	38
Leontiev A.E., Alksandrovski A.L., Beilekchi V.V., Kashkin A.V. Exploration of Vyzhegsha fortified settlement in 2016	51
Troshina A.A. The results of spore-pollen analysis of samples of the cultural layer of the settlement, Vyzhegsha	64
Fedorina A.N. Group of the sites Kibol 2–3–4 on the results of exploration of 2002–2014	68
Shpolyanskiy S.V. On the border of principalities: New data on the medieval archaeological complex near the village Pavlovskoe	81
Utkin A.V., Kostilyova E.L. Old Russian settlements in upper courses of river of Ukhtokhma	93

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

Milovanov S.I. Archaeological researches on the location of Znamenskaya (Pyatnitskaya) Church in Vladimir in 2015	100
Scherbakov V.L. Archaeological research chronicle of Unzha in 2014–2015	110
Antonov D.A. The structure of the medieval city of Gorodets and its role in the development of lands behind Volga	123

Kabayev D.A., Volodina T.E. Archaeological excavations in Suzdal on Lenin St., 89 .	132
Timofeeva T.P. The archaeological theme in the correspondence of N.N. Voronin and A.D. Varganov	139
Tomsinskiy S.V. The remains of a pagan sanctuary on the territory of the Uglich Kremlin on materials of excavations of 2014	154
Turova E.A. Works of the Old Russian archaeological expedition of the State Hermitage in the territory of State Museum-reserve “Alexandrovskaya Sloboda” on the section of an excavation 3	164

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Lapshin A.G., Biserova A.V. Potter hallmarks from medieval Vladimir: a three–rosette	176
Saturin A.A. Clay toys of the XIV–XVIII centuries from archaeological collection of the Kostroma museum-reserve	188
Danilov O.V., Abramov D.V. Results of a research reconnaissance in the Sobinka district of Vladimir region in 2015	197
List of abbreviations	208
Color illustrations	209

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева, А.М. Красникова, Н.Д. Угулава

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА ШЕКШОВО В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ В 2016–2017 гг.

N.A. Makarov, E.I. Zaitseva, A.M. Krasnikova, N.D. Ugulava

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS AT SHEKSHOVO BURIAL SITE IN SUZDAL OPOLYE IN 2016–2017

Summary. The paper summarizes the results of the field work of 2016–2017 in the burial mound's field and the subterranean burial ground Shekhovo 9 (Gavrilovo-Posad district of Ivanovo region). Shekhovo's burial ground 9 is the only medieval necropolis in the territory of the Rostov-Suzdal land on which the broad excavation pursuing the scientific aims was developed in the last decade. In two years the excavations covered an area of about 930 sq. m, uncovered the foundation of the seven burial grounds, surrounded by ditches: three sites with ditches on the perimeter is fully included in the limits of the excavations and four are revealed partially. Eight burials were investigated (the inhumation rite) relating to the XI–XII centuries, and two of burial by cremation (second half of X century). Excavations of 2016–2017 considerably brought us closer to understanding the general spatial organization of the necropolis, the chronological correlation of its various sites, the diversity of the burial rites practiced by the inhabitants of Shekhovo.

Ключевые слова: средневековая Русь, средневековые могильники, погребальный обряд, Ростово-Суздальская земля, славяно-финское взаимодействие, курганы, бескурганные погребения.

Keywords: medieval Russia, the medieval cemeteries, funeral rites, Rostov-Suzdal land, Slavic-Finnish interaction, barrows, subterranean burials.

Могильник Шекшово 9 – единственный средневековый некрополь на территории Ростово-Суздальской земли, на котором в последнее десятилетие были возвращены широкие раскопки, преследующие научные цели. Задача полевых работ, начатых здесь Институтом археологии РАН совместно с Государственным историческим музеем в 2011 г., – получение новых данных о некрополях крупных поселенческих центров X–XII вв. на землях Северо-Восточной Руси с использованием современных методов раскопок и анализа материалов, с применением технических

средств, открывающих возможность более полного документирования погребальных памятников, облик которых известен сегодня, главным образом, по материалам раскопок середины XIX в.

Выбор могильника Шекшово как объекта для широких продолжительных раскопок объясняется несколькими обстоятельствами. Этот памятник некогда выделялся своими размерами среди прочих некрополей Суздальского Ополья: в 1852 г. здесь насчитывалось 244 кургана. Рядом с могильником находится один из наиболее крупных поселенческих комплексов X–XII вв. в Суздальской земле (*Федорина, Красникова, 2015*). Могильник, получивший известность после раскопок А.С. Уварова (*Уваров, 1872*), впоследствии оказался прочно забыт. Новые раскопки дают перспективу более надежного «прочтения» документации середины XIX в. и атрибуции старых находок, сохранившихся в собрании ГИМ. Наконец, обращение к этому памятнику, ныне представляющему собой пахотное поле без каких-либо следов курганных насыпей или других объектов, отмечающих местоположение могил, стимулирует совершенствование методов полевой археологии, поиски подходов, которые дадут возможность идентифицировать «невидимые» некрополи и получить значимые научные данные при повторном изучении объектов, первоначальный облик которых существенно трансформирован предшествующими раскопками и хозяйственной деятельностью. Материалы раскопок могильника в 2011–2015 гг. частично уже введены в научный оборот (*Макаров, 2012; Макаров и др., 2013 а,б, 2014, 2015 а,б; Макаров, Зайцева, 2016; Makarov et al. 2015, 2016*).

В 2016–2017 гг. раскопки проводились в центральной и южной части могильника, на участке между раскопом 1, в котором в 2011 г. была вскрыта выделяющаяся своими размерами курганная площадка с остатками погребения, сопровождавшегося боевым топором с инкрустированным серебром изображением знаков Рюриковичей (*Макаров, Зайцева, Красникова, 2013б*), и раскопом 2 (2012–2013 гг.), в котором были исследованы основания четырех курганов с остатками разрушенных распашкой погребений по обряду кремации и ингумации и ненарушенным захоронением с ингумацией (*Макаров, Зайцева, Красникова, 2013а*). Выбор участка для раскопок был сделан с учетом данных геофизической разведки, с тем, чтобы полностью или частично вскрыть четыре округлых в плане аномалии, выявленные электротомографической съемкой и предположительно идентифицированные как основания курганных насыпей, проверить достоверность интерпретации геофизических данных и получить более полную картину пространственной организации некрополя. Раскоп 2016 г. был заложен с таким расчетом, чтобы охватить аномалию правильной округлой формы диаметром около 9 м, которая, как выяснилось, соответствует основанию кургана того же размера (курган 8), окруженного концентрическим ровиком. Соответствия выявились и на других участках, где пятна аномалий не образуют правильных окружностей.

За два года раскопками была охвачена площадь около 930 кв. м, вскрыты основания семи курганных площадок, окруженных ровиками: три площадки с ровиками по периметру полностью вошли в пределы раскопов и четыре раскрыты частично. Исследовано 8 погребений по обряду ингумации и 2 погребения по обряду кремации. В пахотном слое собраны костные остатки, вещевые находки, и керамика, происходящие из разрушенных погребений: всего 173 средневековых предмета и 4,9 кг керамики.

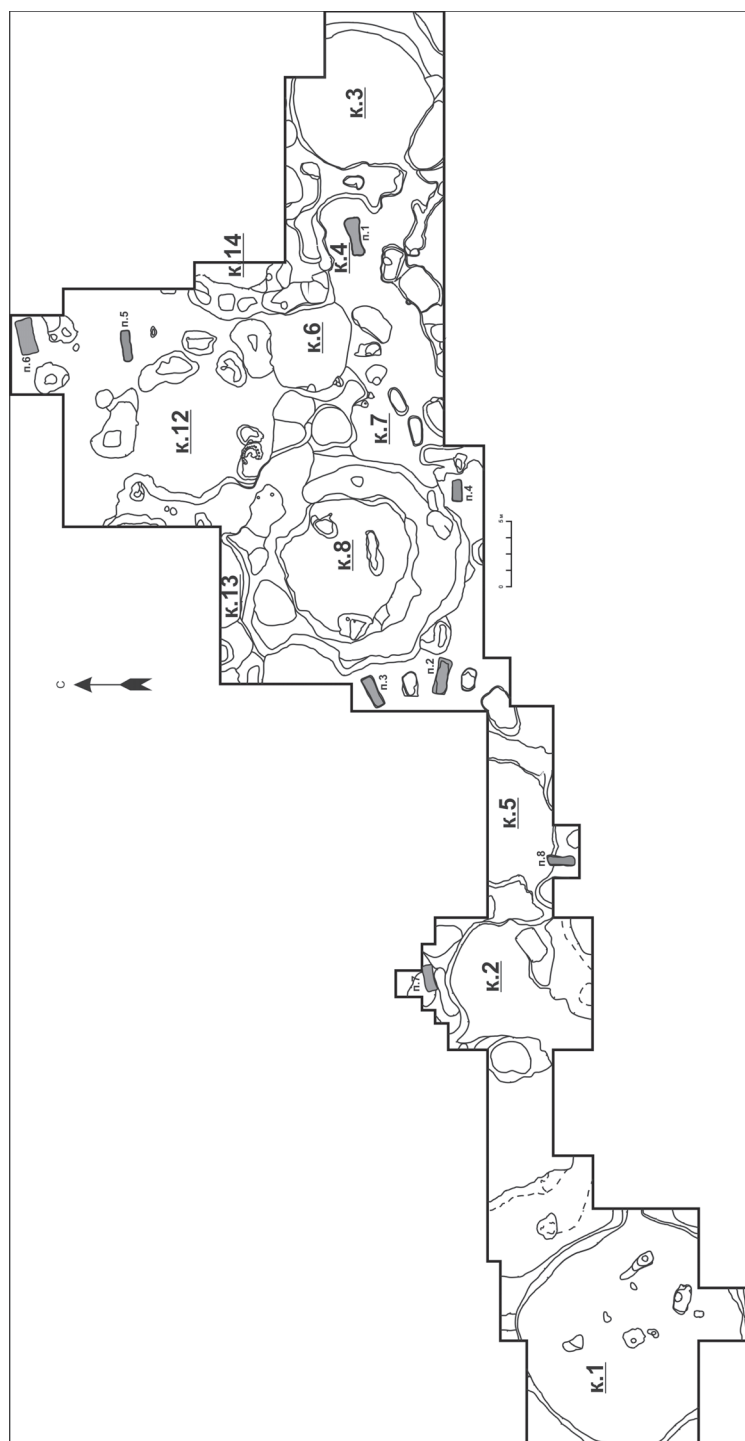

Рис. 1. Шекшово 9. План раскопов 1 и 2 по материке

Центральным объектом, исследованным в раскопе 2016 г., были остатки кургана 8 – площадка овальной в плане формы размером 9,4×12,1 м, покрытая слоем темного почвенного гумуса толщиной до 10 см, окруженная кольцевым ровиком, имеющим вид канавы с пологими стенками и плоским дном, шириной 3–4 м и глубиной до 0,65 м, заполненная серо-коричневым гумусированным суглинком. В северной части ровика и на северном краю площадки прослежены остатки переложенной курганной насыпи – прослойка светло-коричневого материкового суглинка. Погребение не обнаружено: очевидно, это была ингумация, совершенная в насыпи или на площадке, и уничтоженная в результате распашки. В пахотном слое, перекрывающем насыпь, и в ровиках собраны отдельные предметы, которые могли входить в состав погребального инвентаря: фрагмент весов для малых взвешиваний, 6 весовых гирек, ланцетовидный наконечник стрелы, железный нож, перстнеобразное височное кольцо, несколько стеклянных и каменных бус.

В юго-западной части ровика кургана 8 найдены фрагменты костей и зубов крупного рогатого скота и лошади. От крупного рогатого скота зафиксированы фрагменты нижних челюстей обеих сторон тела от взрослого (*adultus*) животного. От лошади, в той же юго-западной части ровика, расчищен, находящийся *in situ* набор зубов от верхней челюсти взрослой молодой особи.

К северо-востоку от кургана 8 выявлена площадка кургана 12, исследование которой было начато в 2016 г. и продолжено в 2017 г. Площадка имела вид овала, вытянутого в направлении СЗ – ЮВ, размерами 8,4×8,8 м. С западной и южной сторон площадка была окружена ровиком в виде канавы шириной 3,5–4,2 м, глубиной 0,7 м от уровня современной дневной поверхности. С северной и восточной сторон площадки ровик был представлен серией ям овальной формы. В северной части ровика, в его дне, зафиксирована яма подквадратной в плане формы размерами около 1,3×1,1 м глубиной около 0,8 м, заполненная в нижней части слоями угля и обожженной глиной.

Распашкой уничтожена не только насыпь кургана, но и почвенный горизонт на значительной части площадки, однако на юго-западном ее краю, обнаружено погребение по обряду кремации. Это скопление пережженных костей человека и животных и перегоревших вещей (более 80 предметов из цветного металла, железа, рога и глины) с остатками золы и углей и частицами обожженной глины, занимающее площадь примерно 1,5×1,5 м и находившееся на краю курганной площадки, на участке со следами сильного прокала. Толщина слоя с костями составила от 4–5 см в периферийных частях до 9 см в центральной. Хотя погребение и было частично повреждено распашкой, оно имеет высокую степень сохранности. Всего при его расчистке собрано около 4,2 кг пережженных костей разной степени обжига. Судя по форме скопления, можно полагать, что принесенные с места сожжения останки были помещены в прямоугольную емкость размером не менее 1,1×0,85 м, скреплявшуюся двумя железными скобами. Очевидно, эта емкость находилась в небольшом округлом в плане сооружении (шалаш или навес (?) диаметром около 1,1 м), каркас которого составляли вбитые в землю деревянные жерди диаметром 8–10 см, ямки от которых четко прослеживаются в основании кургана.

Среди кальцинированных костей определяются кости мужчины старше 40 лет, крупного рогатого скота (теленка), мелкого рогатого скота или свиньи, мелких

пушных зверей. На костях сохранились бронзовые и железные окислы от сгоревших вместе с ними предметов. Мелкие капли бронзы, серебра и железной окалины были собраны в ходе промывки грунта из кремации. Вперемешку с кальцинированными костями располагались обломки расколотых пищевых костей крупного рогатого скота без следов пребывания в огне.

Среди костей находились обожженные обломки односторонней наборной роговой расчески с геометрическим орнаментом в роговом футляре типа B1:3 по К. Амброзиани (первая половина X в.; *Ambrosiani*, 1981), железный клин от топора, прямоугольная подпружная пряжка с иглой, маленькая призматическая весовая гирька, бронзовая призматическая головка от фибулы, тоже, вероятно, использовавшаяся в качестве гирьки, а также частично подплавленные бронзовые детали уздечного набора и железная пряжка (*Зайцева*, 2017). Вместе с ними расчищены глиняные фрагменты лепного горшка, который был помещен в погребение уже разбитым (рис. 2, 4), миниатюрный лепной сосуд (рис. 2, 3), модель лапы бобра (рис. 2, 2) и кольцо (рис. 2, 1). Модель лапы и кольцо лежали в восточной части скопления костей и были прикрыты сверху крупным обломком сосуда. Часть того же сосуда находилась в южном ровике кургана в 250 см к востоку. Склеенная форма представляет лепной горшок очень низких пропорций с сильным расширением к верхней трети. Идентичный горшок найден при раскопках в Суздале в постройке датированной началом – первой третью XI в. (*Лапишин*, 1991. С. 138. Рис. 2, 7). Миниатюрный сосуд (рис. 2, 3) со слабовыраженным плечом морфологически близок большим горшкам из Тимерёвских курганов (*Смирнова*, 1987. С. 94. Группа VI). Как отмечает Л.И. Смирнова, аналогии подобным формам можно найти как в финских древностях Волго-Окского междуречья второй половины I тыс. н.э., так и среди раннесредневековых материалов Швеции.

Металлические детали уздечного набора были перемешаны с костями, некоторые предметы дошли до нас сильно оплавленными, но большинство не имело следов огня. Вероятно, уздечка была брошена на уже прогорающий костер. Если бы она была положена в емкость, то ее детали сохранили бы порядок расположения. Некоторые обломки обнаружены в перекрывающем участок пахотном слое. Поскольку верхняя часть погребения была распахана, у нас нет уверенности в том, что удалось собрать все бывшие на ремнях металлические детали, тем не менее, можно полагать, что большая их часть дошла до нас. В набор входили 4 разделителя ремня, 2 бляхи-подвески, задняя пластинка листовидной формы от бляхи, не менее 8 гладких наконечников с бортиком, 23 (24?) накладки трех видов и железная пряжка (рис. 3). Возможно, к уздечному набору относится фрагмент бронзового грушевидного крестопорезного бубенчика. Среди костей собраны также два маленьких бронзовых параллелепипеда с выпуклыми сторонами, которые, возможно, вкладывались внутрь полостей блях как бубенцы. Обнаружены также мелкие кусочки тонких пластинок, вероятно, от тыльных пластин разделителей ремней. По аналогиям набор следует отнести к последней четверти X в. (*Зайцева*, 2017). Наиболее близкие шекшовскому набору уздечки обнаруживаются в кочевнических комплексах Нижнего Поволжья и полукочевнических Южного Урала и Зауралья (*Дворниченко* и др., 1975. Рис. 527; *Скрипкин*, 1980. Рис. 28; *Мажитов*, 1981. С. 171. Рис. 55). Найденное в Шекшово суголовье

сделано в «тюркской» традиции, продолжавшей свое существование в X–XI вв. на этой кочевнической территории.

В лабораториях радиоуглеродного датирования ГИН РАН (Москва) и Университета Оксфорда произведено датирование трех образцов угля и древесного тлена из кремации в кургане 12. Калиброванные даты всех трех образцов близки: ОхА-35668, 970–1017 AD(1 σ), 896–1021 AD(2 σ); ГИН-15514, 892–990 гг. (1 σ); 777–1023 гг. (2 σ); ГИН-15515, 882–978 (1 σ), 776–990 (2 σ). Они дают основание отнести погребение к хронологическому интервалу между рубежом IX–X и началом XI в., с наибольшей вероятностью – к последней четверти X в. Эта датировка хорошо согласуется с датой уздечного набора из погребения.

Кремация, открытая в кургане 12, существенно отличается от остатков трупосожжений, затронутых раскопками 2012–2015 гг. Последние представляли собой отложения, содержавшие небольшую массу сильно измельченных пережженных костей и отдельные пережженные артефакты, размещенные дисперсно, без специального сохранения их в отдельных погребальных сооружениях.

Возможно, кремация, расчищенная в юго-западной части площадки была не единственным погребением в кургане 12: с разрушенными погребениями связаны, вероятно, находки части коромысла весов для малых взвешиваний и фрагмента модели второй глиняной лапы, найденные в заполнении ровика этого кургана.

Площадки курганов 2 и 5, диаметром 8,3 м и 9 м соответственно, выявлены в раскопе 2017 г. к юго-западу от кургана 8. На большей их части не сохранилась погребенная почва, находившаяся в подошве курганов, не зафиксировано и следов старых раскопок. Прорезающие друг друга ровики кургана 2 свидетельствуют о сложной истории (по меньшей мере, двух этапах) сооружения курганной насыпи, некогда находившейся на площадке. Никаких остатков погребений на площадке кургана 2 не зафиксировано. Однако, очевидно, что с разрушенными погребениями связаны отдельные средневековые предметы (навершие плети в виде головы птицы, оплавленные бусы), обнаруженные в ровиках кургана 2. Кроме того, в ровиках курганов 2 и 5 расчищены развалы 6 средневековых сосудов: 5 лепных и одного кругового позднесредневекового. Очевидно, погребения в курганах находились в их основании или в насыпях и были полностью уничтожены распашкой. Подтверждением этому служит находка черепа, обнаруженного в подошве пахотного горизонта в юго-западной части площадки кургана 5. Череп просел в верхнюю часть заполнения могильной ямы погребения 8, описанной ниже, и оказался «в ногах» у погребенного.

В западной части раскопа 2017 г. вскрыта часть ровика, окружавшего площадку кургана 1, в котором в 2011 г. были расчищены остатки погребения с боевым топором с инкрустированным серебром изображением знаков Рюриковичей (Макаров и др., 2013б). Ширина ровика этого кургана составляла 6 м, что, очевидно, указывает на значительные размеры насыпи кургана 1.

В раскопах были расчищены 8 погребений по обряду ингумации в грунтовых ямах и яма, содержавшая кальцинированные кости и пережженные средневековые вещи. Все они находились за пределами курганных площадок.

Погребения 2 и 3 располагались к юго-западу от кургана 8 параллельно друг другу. Погребение 2 находилось в яме размерами 270×90 см глубиной 63 см от

уровня современной дневной поверхности, вытянутой в направлении запад – восток с небольшим отклонением к северу. Вдоль длинных стенок прослежены остатки дерева от гроба. Костяк мужчины 30–39 лет лежал на спине головой на запад с вытянутыми вдоль тела руками. Около левого бедра расчищены железный нож с остатками деревянной рукояти и железное калачевидное кресало. В районе левого колена находился целый лепной горшок с заглаженной поверхностью, выраженные округлыми плечами и невысоким слабоотогнутым венчиком.

Погребение 3 находилось в яме подпрямоугольной формы размерами 250×90 см и глубиной 44 см, ориентированной в направлении запад – восток с отклонением к югу. Костяк женщины 40–49 лет лежал на спине головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль тела (рис. 4). Около черепа погребенной расчищены два перстнеобразных височных кольца: бронзовое (рис. 4, 5) и из легкоплавкого сплава (рис. 4, 3). В районе груди находились четыре стеклянные кольцевидные бусины: три синие и одна голубая (рис. 4, 7–9) и монета-подвеска с ушком из белого металла (рис. 4, 2; подражание куфической монете IX – нач. XI вв., определение А.А. Гомзина). У левой стопы лежал кожаный кошелек с прослойкой бересты, полотна которого были скреплены бронзовыми пластинчатыми обоймицами с заклепками (рис. 4, 1). В ногах погребенной были расчищены два глиняных горшка. Один, «раннекруговой» (рис. 4, 11), обнаружен целым. Сосуд покрыт плотным линейным орнаментом почти на всю высоту емкости. От уровня максимального расширения плеча и вниз по стенке линейный орнамент разделен поясом многорядной волны, выполненной гребенкой. За годы исследований в могильнике Шекшово встречено небольшое количество фрагментированных круговых сосудов с линейным орнаментом, в некоторых случаях в сочетании с волной, однако, впервые подобный сосуд обнаружен в ингумации. По характерным следам, зафиксированным на поверхности сосуда, уровень развития функций круга может быть определен как РФК-3 (*Бобринский*, 1978. С. 49–51).

Второй сосуд (рис. 4, 10) зафиксирован в погребении в опрокинутом и поврежденном состоянии. Значительная часть стенки и венчика отсутствовали, это позволяет полагать, что перед погребением горшок был разбит и помещен в яму изначально не весь. По форме сосуд близок ряду лепных горшков могильника, обнаруженных также в ингумациях: высота всегда меньше максимального диаметра, размещение которого приходится на верхнюю треть горшка, профилировка верхней части плавная с невысоким венчиком и округлым его завершением, плечо и край имеют близкий диаметр. Но, в отличие от морфологически сходных горшков, данный экземпляр изготовлен на круге. С большой долей вероятности уровень развития функций круга, также как и в первом случае, можно определить как РФК-3.

Погребение 4 находилось к юго-востоку от кургана 8. Контур могильной ямы прямоугольной формы размерами 172×82 см и глубиной 65 см от уровня современной дневной поверхности, ориентированной в направлении запад – восток зафиксирован в слое темного почвенного гумуса. В западной части ямы расчищены имеющие плохую сохранность череп и шейные позвонки ребенка 5–6 лет. Другие кости посткраниального скелета не сохранились. Около нижней челюсти найдены лежащие в ряд 4 стеклянные бусины (желтая лимоновидная, треугольная коричневая, четырехгранная печеночного цвета и винтообразная), справа от черепа – бронзовое перстнеобразное височное кольцо.

Погребение 5 располагалось к северо-востоку от кургана 12 в грунтовой яме размерами 230×70 см глубиной 35 см от уровня современной дневной поверхности. Костяк мужчины 20–25 лет был ориентирован головой на запад. Погребенный был помещен в могильную яму в вытянутом положении с немного подогнутыми ногами и руками, вытянутыми вдоль тела. Поскольку он лежал по диагонали узкой ямы, можно предположить, что он был захоронен без гроба. В области груди мужчины находился нож, в области живота – половинка дирхема без отверстия для подвешивания (Симджуриды, Абу' Али, Найсабур, 994/995 г., определение А.А. Гомзина), в ногах стояли развалы двух лепных сосудов, один из которых был помещен в засыпку ямы во фрагментах, а второй представлял из себя приземистый горшок с заглаженной поверхностью, выраженным расширением к верхней трети тулова и невысоким плавноизогнутым венчиком.

Исключительный интерес представляет бескурганное погребение 6, располагавшееся в 6 м к северу от погребения 5 в ряд с ним. Погребенная женщина 20–29 лет была помещена в большую четырехугольную яму размерами 265×120 см глубиной 50 см от уровня современной дневной поверхности головой на запад на спине с раскинутыми и немного согнутыми в локтях руками и прямыми ногами. В могиле расчищено около 140 средневековых предметов, большая часть которых является украшениями костюма и деталями одежды. Убор включал проволочные височные кольца, бронзовые грушевидные крестопорезные бубенчики, ожерелье из стеклянных бус и бисера с 3 подвесками из монет, подковообразную фибулу (находилась на груди справа), 2 бронзовых пластинчатых браслета, серебряный завязанный пластинчатый широкосрединный перстень, бронзовые и черный стеклянный перстни. За головой погребенной справа находилась бронзовая массивная каркасная треугольная подвеска с шумящими привесками с остатками луба, которая, могла быть положена в могилу отдельно или составлять часть наконсника. У колен находились 2 арочные подвески с волутами, у стоп расчищены прямоугольные пластинчатые подвески с лапчатыми привесками, которые, судя по их положению, использовались как украшения обуви. Из трех монет, находившихся в ожерелье, две – восточные (брактеаты подражаний саманидским дирхемам Насра б. Ахмада, получившие распространение, по наблюдениям А.А. Гомзина, во второй половине X в.), одна – византийская, милиарисий императоров Константина VII и Романа II 945–959 гг. Византийская монета занимала центральное положение в ожерелье. У правой руки погребенной обнаружен нож, в ногах – шило (?) и развал лепного невысокого горшка, подлощенного по внутренней и внешней поверхностям, с переходом округлых плеч в прямой слабоогнутый венчик, уплощенный по краю, отмеченный ребром по внутренней стороне.

Погребение 7 находилось к северу от кургана 2. Плохо сохранившиеся костные останки ребенка 2–3 лет и погребальный инвентарь расчищены под современным пахотным горизонтом над слоем желтого суглинка, перекрывающим ровик кургана 2. Вероятно, это остатки небольшой курганный насыпи, возведенной вплотную к кургану 2. Погребенный ориентирован головой на запад, в области шеи расчищен стеклянный бисер, в области живота – железный нож и фрагментированная округлая пластинка из медного сплава (монета?), в ногах – развалы двух лепных сосудов: приземистого горшка с заглаженной поверхностью, выраженным

расширением к верхней трети тулова и невысоким плавноизогнутым венчиком и невысокого сосуда, поверхность которого за счет выступающих крупных включений дресвы, можно определить как «грубую», с менее выступающими плечиками и уплощенным венчиком.

Погребение 8 прорезало южную часть ровика кургана 5 и имело необычную для могильника южную ориентировку. Размеры подпрямоугольной в плане ямы 2,1×0,82 м. Мужчина 40–49 лет был погребен в вытянутом положении на спине со сложенными на животе руками, в гробу, скрепленном 2 железными гвоздями. У головы слева расчищено калачевидное кресало с кремнем и два шила.

Остатки еще одного погребения по обряду кремации обнаружены к северу от кургана 12. Они собраны в северной части грунтовой ямы овальной формы размерами 2,6×2,15 м глубиной 0,7 м с чашевидными стенками, заполненной слоем серо-коричневой супеси (яма 10) и в слое черного почвенного гумуса к северу от нее. Всего обнаружен 31 г костей, вместе с которыми находились 2 мелких фрагмента оплавленного дирхема с отверстием, 5 мелких обломков серебряных проволочных височных колец, синие и желтые стеклянные бисерины (оплавленные и без следов пребывания в огне).

После семи лет раскопок Шекшово, где на площади около 2500 кв. м частично или полностью вскрыты основания 14 курганных площадок, 25 целых и нарушенных погребений по обряду ингумации и собран значительный объем пережженных костей и оплавленных металлических предметов, происходящих из кремаций, можно считать одним из наиболее полно исследованных в последние десятилетия могильников Северо-Восточной Руси. Раскопки показали, что электротомографическая съемка дает точные ориентиры для выявления остатков курганных площадок, окруженных ровиками, но не дает возможности выявить бескурганные захоронения в грунтовых ямах.

Из восьми ингумаций, вскрытых в раскопах 2016–2017 гг., семь определенно можно считать бескурганными. Их датировка предварительно может быть установлена как начало – первая половина XI в. (погр. 6) XI в. (погр. 2, 3, 4, 5) и XII в. (погр. 8). Новыми раскопками установлено, что бескурганные ингумации, ранее выявленные в северной части могильника (Макаров, Зайцева, 2016), совершались на различных его участках. Погребение 6 – самое богатое из исследованных за все годы в могильнике захоронений по обряду ингумации. В костюме погребенной сочетаются украшения финских и славянских типов. Присутствие прямоугольных подвесок с привесками в области стоп дает возможность установить функциональное назначение этих украшений, которое ранее оставалось неясным. Редкость находок византийских серебряных монет на древнерусских памятниках неоднократно отмечалась археологами. В Суздальском Ополе ранее были известны лишь четыре находки милиарисиев, две из них были сделаны А.С. Уваровым при раскопках курганов в Василькове, еще две – находки последнего десятилетия из Шекшова и Тарбаева (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016. С. 61–62, 65). Новая находка – еще одно свидетельство широких международных контактов и высокого благосостояния обитателей «большого поселения» в Шекшове.

Особого внимания заслуживает кремация из кургана 12. Погребения с глиняными лапами и кольцами неизменно вызывают повышенный исследовательский

интерес, как в силу особой выразительности ритуальных предметов, специально изготавливавшихся для языческого погребального обряда, так и в связи с особой географией этих находок. Конкретное назначение этих предметов в погребальном обряде и связанные с ними религиозные представления неизвестны, однако большинство исследователей солидарно в том, что лапы и кольца так или иначе связаны с почитанием бобра, являвшегося важным объектом промысла в IX–X вв. За все время исследования погребальных памятников Древней Руси в них зафиксированы находки 113 глиняных лап и 56 глиняных колец, все они, за единственным исключением (могильник Шестовицы под Черниговом), происходят из курганов Волго-Окского региона, наиболее крупная серия (66 лап и 16 колец) – из Тимеревских курганов под Ярославлем. За пределами Руси погребения с глиняными лапами известны лишь на Аландских островах (около 70 комплексов) и в единственном погребении в материковой Швеции (*Фехнер, Недошивина*, 1987. С. 83; *Кураев*, 2000. С. 160; *Недошивина, Зозуля*, 2012. С. 190). Глиняные лапы традиционно рассматриваются как отражение скандинавского присутствия на Руси, славяно-скандинавских связей и торговых отношений, связывавших Волго-Окский регион и Балтику (*Kivikoski*, 1980; *Дубов*, 1984; *Jansson*, 1987. S. 782; *Callmer*, 1994; *Talvio*, 2017. P. 285). В Суздальском Ополе глиняные лапы и кольца были обнаружены при раскопках 1851–1852 гг. в трех могильниках: в Шекшове, Веси и Васильках (*Макаров*, 2012. С. 200). Со времен исследований А.С. Уварова археологам ни разу не удалось выявить здесь погребения с этими предметами. Находка 2016 г. из кургана 12 в Шекшове, таким образом, впервые после полуторовекового перерыва документирует этот редкий погребальный обряд в центре Суздальской земли и дает новый импульс для обсуждения соотношения и взаимосвязи ритуальных предметов, происходящих из Волго-Окского региона и с Аландских островов. Впервые в истории изучения погребений с глиняными моделями лап в Волго-Окском междуречье получены данные для определения абсолютного возраста подобных комплексов на основе радиоуглеродного датирования.

Раскопки 2016–2017 гг. существенно приблизили нас к пониманию общей пространственной организации некрополя, хронологического соотношения различных его участков, многообразия погребальных обрядов, практиковавшихся жителями Шекшова. Они дали новые подтверждения того, что курганы и площадки с грунтовыми могилами без курганных насыпей располагались в некрополе чересполосно. Раскопки показали, что древнейшая часть могильника, с остатками кремаций, помещенными на поверхности земли, локализуется в северной и центральной части площадки, тогда как в южной и юго-западной ее частях подобные погребения не встречены. Очевидно, этот участок начал использоваться для совершения погребений позднее, не ранее рубежа X–XI вв., когда ингумация стала преобладающим обрядом. С учетом новых данных выясняется, что курган 1 с мужским погребением, сопровождавшимся топором со знаками Рюриковичей, был сооружен не в центре некрополя, а на его периферии, к юго-западу от древнейшего ядра могильника, сложившегося в X в.

Литература

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М. 272 с.
- Дубов И.В., 1984. Глиняные лапы в погребальном обряде Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. С. 95–99.
- Зайцева И.Е., 2017. Уздечный набор X в. из Шекшова в Суздальском Ополе // КСИА. Вып. 246. М. С. 306–322.
- Кураев И.В., 2000. Погребения с глиняными лапами и кольцами из Ярославского Поволжья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья // Труды ГИМ. Вып. 122. М.
- Мажитов Н.А., 1981. Южный Урал в IX начале X в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. С. 80–82. (Археология СССР).
- Макаров Н.А., 2012. Суздальское Ополе // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. С. 195–2011.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М., 2013а. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. Вып. 230. М. С. 219–233.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М., 2013б. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск. С. 435–444.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е., 2014. Новые исследования средневековых могильников Суздальской земли // Вестн. РГНФ. № 1. С. 157–177.
- Макаров Н.А., Красникова И.Е., Зайцева И.Е., 2015а. Новые исследования средневекового могильника Шекшово в Суздальском Ополе // Археологические открытия 2010–2013 годов. М. С. 215–218.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М., 2015б. Могильник Шекшово в Суздальском Ополе // Институт археологии: новые экспедиции и проекты. М. С. 101–103.
- Макаров Н.А., Гайдюков П.Г., Гомзин А.А., 2016. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополе // РА. № 1. С. 48–74.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 2016. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 6. М.; СПб. С. 185–198.
- Смирнова Л.И., 1987. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2.
- Уваров А.С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда в Москве. Т. 2. М.
- Федорина А.Н., Красникова А.М., 2015. Средневековое расселение в Шекшовском микро-регионе // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 5. М. С. 147–158.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2.
- Ambrosiani K., 1981. Viking Age combs, comb making and comb makers in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm Studies in Archaeology 2. Stockholm.
- Jansson I., 1987. Communication between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age: The Archaeological Evidence // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil 4. Göttingen. S. 773–807.
- Callmer J., 1994. The Clay Paw Burial rite of the Åland islands and Central Russia: A Symbol in Action // Current Swedish Archaeology. 2. P. 13–46.
- Kivikoski E., 1980. Långängbacken: ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 80. Helsingfors.

- Makarov N., Zaytseva I., Krasnikova A.*, 2015. Medieval burial site in Shekshovo. New insight into the burial rituals in North-Eastern Rus' // *Ruralia XI: religious places, cults and rituals in medieval rural environment: abstr. book and excursion guide*. Luxemburg. P. 23.
- Zaytseva I., Makarov N., Dobrovolskaya M., Krasnikova A.*, 2016. Cremations in Shekshovo: new evidence of the Viking Age burial rituals in Central Russia // 22nd Annual meeting of the EAA: abstracts. Vilnius. P. 158–159.
- Talvio T.*, 2017. Dirham Hoards from the Gulf of Finland region // *Identity formation and diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond*. Leiden-Boston; Brill. P. 281–292.

Архивные материалы

- Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в Черноморском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астраханско-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5250.
- Скрипкин А.С.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8082.

Е.Р. Михайлова

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОМПЛЕКСА РАПТИ-НАВОЛОК: О СЛОЖЕНИИ И РАЗВИТИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОБРЯДНОСТИ

E.R. Mikhailova

BURIALS OF THE COMPLEX RAPTI-NAVOLOK: TO THE ADDITION AND DEVELOPMENT OF MEDIEVAL RITES

Summary. The article discusses the results of excavations of the complex Rapti-Navolok in the south of modern Leningrad Region. Studied here medieval Russian burials of the 11th – the beginning of the 12th century belong to different types (cremation, inhumation in simple graves and under wooden buildings, chamber grave). Most probably, inhumation in medieval cemeteries appear as a result of the baptism of the local population. Data of excavations allow us to trace the formation and gradual unification of medieval funerary rites.

Ключевые слова: древняя Русь, погребальный обряд, кремации, ингумации, христианизация.

Keywords: medieval Rus, funeral rites, cremation, inhumation, Christianization.

Характерной чертой древнерусской культуры является ее единообразие на значительной территории, особенно заметное в пределах Верхней Руси. Памятники территорий Северо-Западной, Северо-Восточной Руси, Русского Севера очень похожи друг на друга, их анализ и сравнение могут многое дать для понимания сложения и развития древнерусской культуры в целом. Формирование древнерусской погребальной обрядности, выразившееся, в частности, в появлении многочисленных курганных кладбищ XI–XIII вв. на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, было важной частью этих процессов.

В настоящем сообщении речь пойдет о ранних древнерусских захоронениях, изученных в комплексе памятников Рапти-Наволоки на берегу Черемнецкого озера, относящегося к бассейну верхнего течения р. Луги, на юге современной Ленинградской области. Эти сведения представляют интерес как яркий пример процесса сложения новой погребальной обрядности, прослеженного на материале конкретных могильников.

Регион, где расположен описываемый комплекс – Верхнее Полужье – в настоящее время является одним из наиболее изученных археологически на территории Северо-Запада (*Лебедев, Платонова, Лесман, 1982; Лапшин, 2001*). Здесь представлен практически весь спектр средневековых погребальных памятников: длинные курганы, сопки, курганы с чисто песчаными насыпями и с обкладкой из валунов, жальники. Выявленные селища немногочисленны и в основном характеризуются находками древнерусской круговой керамики, несколько поселений можно связать с культурой длинных курганов. Здесь же известна серия городищ, из которых несколько идентифицируются с новгородскими погостами (*Платонова, 1991; Платонова, Жеглова, Лесман, 2007*).

Врево-Череменинское поозерье, где расположен комплекс Рапти-Наволока, представляет собой систему из пяти узких озер (Череменинское, Верхнее и Нижнее Вревские, Раковичское и Толони), связанных системой коротких речек, одна из которых (Вревка) впадает в Лугу чуть ниже устья р. Оредеж. В эпоху Средневековья и раннего Нового времени в районе Врево-Череменинского поозерья заканчивался водный путь по Луге и начинался сухопутный участок пути к центру Новгородской земли.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСА РАПТИ-НАВОЛОК

Комплекс памятников Рапти-Наволока расположен примерно в 15 км к юго-востоку от г. Луга, в сосновом бору на северо-восточном берегу Череменинского озера, на территории заказника «Череменинский» (рис. 1). Он был выявлен в 1970 г. Г.С. Лебедевым, обозначившим найденные им памятники по их нахождению между пос. им. Дзержинского (бывшая д. Рапти) и д. Наволок. Исследования комплекса памятников проводились Г.С. Лебедевым в 1970–1971 гг. и мной в 1996–1997 гг. и 2005 г. (*Лебедев, 1971а; Михайлова, 1996а, 1997а, 2005а*).

Природные условия, в которых расположены памятники, своеобразны. Прибрежные террасы сложены белым кварцевым песком, в котором органические материалы практически не сохраняются, но оставляют яркие отпечатки. Это позволило при раскопках детально проследить подробности устройства насыпей и конструкций в них.

К настоящему времени здесь зафиксировано несколько курганных групп и одиночных курганов, а также три селища, приуроченных к устьям впадающих в озеро ручьев. Поселения и могильники в Рапти-Наволоке следует считать рядовыми, сельскими памятниками: ближайшие городища – раннесредневековые погосты находятся в 9 км (городище Петровская горка – погост Петровский – у южной оконечности Череменинского озера) и в 13 км (городище Городец под Лугой – Дремянский погост – к западу от озера Врево) (*Лебедев, 1973; Lebedev, 1982; Платонова, 1991. С. 72. Рис. 1*).

В развитии комплекса средневековых памятников¹ можно выделить два последовательных этапа.

Первый из них связан с культурой псковских длинных курганов (КДК) и может быть датирован всем периодом существования этой культуры. К нему относится довольно крупная курганная группа (ставшая позднее северо-западной ча-

¹ Определение В.М. Потина (Гос. Эрмитаж).

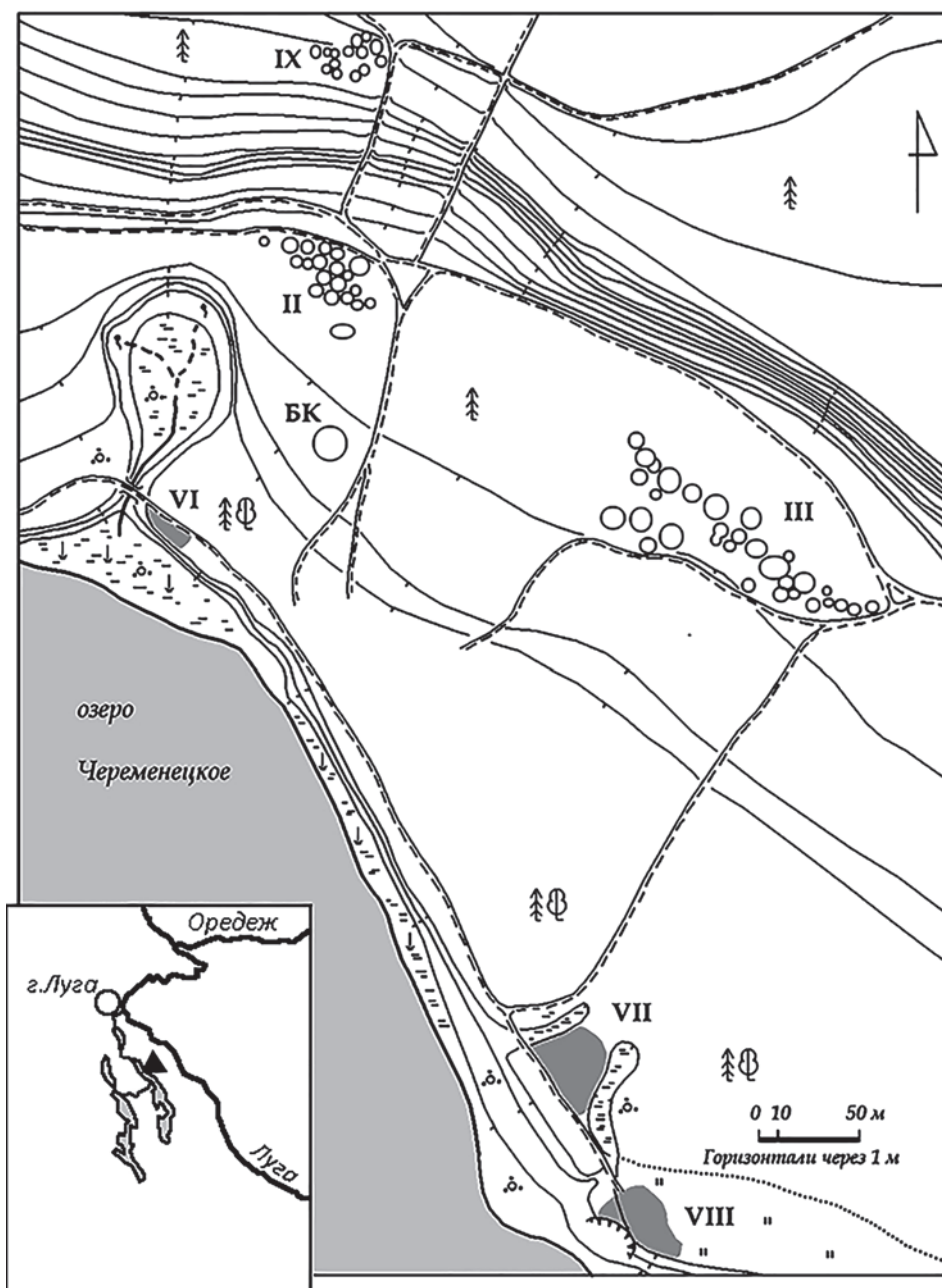

Рис. 1. План комплекса памятников Рапти-Наволоок.

Римскими цифрами обозначены индексы памятников, БК – одиночный курган в урочище Боровское Купалище. На врезке – местоположение комплекса Рапти-Наволоок на схематической карте Врево-Черемнецкого поозерья

стью могильника Рапти-Наволоок III) и расположенные к западу от нее несколько одиночных насыпей, в том числе раскопанная Г.С. Лебедевым одиночная насыпь Боровское Купалище. К той же культуре относятся поселения Рапти-Наволоок VI в северо-западной части комплекса и Рапти-Наволоок VII и VIII, расположенные юго-восточнее, на противоположных берегах пересыхающего ручья (подробнее см. Михайлова, 2014а).

Древнерусский период представлен тремя курганными кладбищами, два из которых (Рапти-Наволоок II и III) функционировали в XI–XII вв. и раскопаны практически полностью, а еще одно (Рапти-Наволоок IX) полностью разрушено грабительскими ямами (следами раскопок колодезем?), а по ряду косвенных признаков может считаться более поздним. На поселенческих памятниках круговая керамика и вещи XI–XII вв. представлены только на поселении Рапти-Наволоок VII.

Материалы могильника Рапти-Наволоок III и селища Рапти-Наволоок VII свидетельствуют о непрерывном развитии на протяжении обоих периодов. Курганы двух периодов в могильнике Рапти-Наволоок III, как кажется, располагаются в соответствии с его постепенным развитием: насыпи КДК сосредоточены в северо-западной части кладбища и образуют две неровные цепочки, вытянутые с северо-запада на юго-восток, древнерусские курганы образуют еще одну неровную цепочку, вытянутую в направлении восток – запад и расположенную в юго-восточной части кладбища.

ДРЕВНЕРУССКИЕ КРЕМАЦИИ

Погребения по обряду кремации относятся к обоим периодам существования комплекса. Курганы КДК отчетливо выделяются на фоне древнерусских своим внешним видом и внутренним устройством, исследованные в них погребения типичны для этой культуры. Находки также в основном типичны для КДК (баночная и слабопрофилированная лепная керамика, В-образная пряжка с щитком на основании язычка). В одном из курганов группы Рапти-Наволоок III встречены оплавленные бочонковидные бусы темно-красного («печеночного») цвета, которые следует датировать последней четвертью I тыс. или даже позднее (Михайлова, 2014б. С. 117).

Курган 5 в группе Рапти-Наволоок III по своей структуре близок к насыпям КДК. До раскопок он представлял собой плоскую песчаную насыпь размерами 5×7 м и высотой до 0,5 м, ограниченную с северо-запада тремя мелкими ямами. В восточном поле кургана было расчищено погребение: кальцинированные кости лежали на дне впущенной в готовую насыпь небольшой ямки. Сверху на костях острием на восток был положен железный черешковый дротик с треугольным пером плоского сечения и остатками деревянного древка, без следов пребывания в огне (рис. 2, 1). Вместе с тем целый ряд деталей отличает этот курган от насыпей КДК. Найденный в погребении дротик аналогичен серии дротиков, встреченных в древнерусских ингумациях XI в. (Соболев, 2010. Рис. 2, 5; 4, 8; 5, 4; 6, 7), в то время как для культуры длинных курганов находки оружия не характерны, а единственный встреченный в КДК дротик относится к совершенно иному типу (Михайлова, 2014б. С. 149–152). Столь же не характерно для насыпей КДК отсутствие окружающего насыпь ровика (Исланова, 2016. С. 141). К тому же курган 5 располагается среди курганов с древнерусскими ингумациями XI в., о которых речь пойдет ниже.

Еще одна кремация, исследованная в могильнике Рапти-Наволоок III, вероятно, связана с какими-то экстраординарными обстоятельствами. Курган 2 располагался в восточном конце кладбища и имел уплощенную почти квадратную в плане насыпь размером 6×6 м и высотой около 1 м. Под насыпью располагалась прямоугольная могила размером 12,1 м и глубиной 0,6 м, вытянутая почти по линии восток – запад. На дне могилы расчищено прямоугольное пятно древесного тлена (0,65–0,701,15 м), по углам которого лежало несколько сильно корродированных железных костылей или гвоздей. Внутри пятна древесного тлена было прослежено скопление кальцинированных костей, вместе с которыми лежали фрагмент сильно оплавленной серебряной монеты и обломок железного стержня; сверху пятно было перекрыто двумя обломками камня-плитняка, лежавшими наклонно. В восточной части могилы («в ногах»?) был расчищен набор предметов (лобзик, сланцевый оселок, удила, крупный рыболовный крючок, нож и обломки различных железных изделий), спекшихся в компактный плоский массив размерами ок. 20×15 см. По всей вероятности, здесь в обычную по размерам и ориентации могилу был поставлен деревянный сундук с наклонной или сводчатой крышкой, содержавший кремированные останки, а рядом с ним, в ларце или просто лукошке, помещены вещи (рис. 3, 1). Этот комплекс также может быть датирован XI в.

ИНГУМАЦИИ

В восточной части могильника Рапти-Наволоок III, по соседству с описанными выше курганами, располагались несколько курганов с остатками наземных деревянных конструкций над ингумациями.

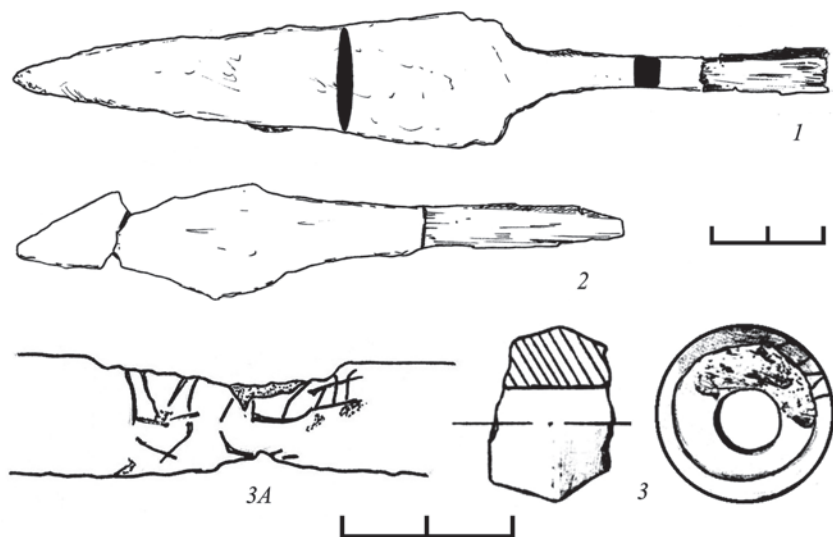

Рис. 2. Комплекс памятников Рапти-Наволоок.

1 – дротик из кургана 5 группы Рапти-Наволоок III; 2 – дротик (?) из кургана 3 группы Рапти-Наволоок III; 3 – пряслице с селища Рапти-Наволоок VII (3A – развертка изображений на пряслице. 1, 2 – железо; 3 – камень)

Курганы 3 и 4 реконструируются как низкие песчаные насыпи, обшитые деревом. В кургане 4 была расчищена наземная конструкция почти квадратной в плане формы размером 2,1×2,25 м, ориентированная углами по сторонам света, перекрытая сверху досками или плахами, уложенными в два слоя перпендикулярно друг другу. Под этим сооружением находилась могила с женским захоронением, сопровождавшимся вещами конца XI в. В кургане 3 конструкция сохранилась плохо, но понятно, что она была аналогична. Следов погребения здесь не встречено (возможно, костяк полностью истлел), на материке найден сильно корродированный дротик (?) (рис. 2, 2).

Курган 6 содержал женскую ингумацию на горизонте, датированную по вещам второй половиной XI – началом XII в. Над погребением была возведена конструкция высотой 0,6 м из деревянных плах или толстых досок, скрепленных коваными гвоздями. Несколько гвоздей лежали в одну линию непосредственно над захоронением: возможно, они крепились к одной длинной доске – коньку перекрытия (рис. 3, 2).

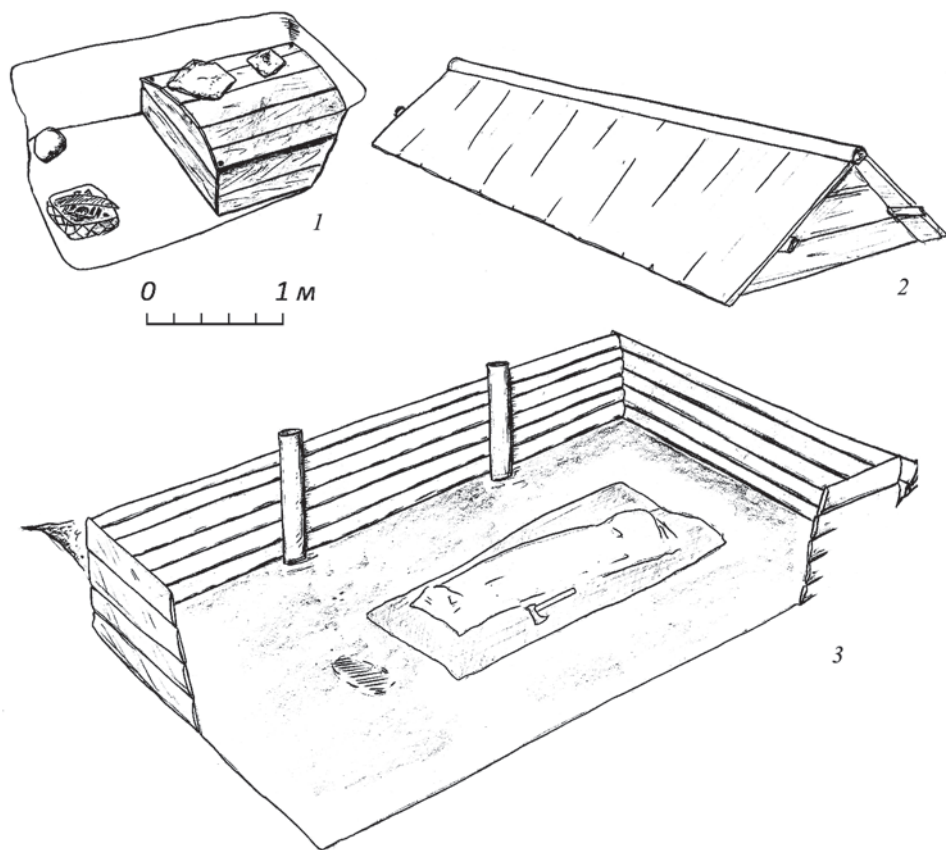

Рис. 3. Возможные реконструкции погребальных сооружений под курганами: 1 – Рапти-Наволоки III, курган 2; 2 – Рапти-Наволоки III, курган 6; 3 – Рапти-Наволоки II, курган 8

Расположенный несколько западнее, могильник Рапти-Наволоок II примечателен прежде всего исследованным под курганом 8 камерным захоронением.

Курган 8 до раскопок ничем не выделялся на фоне других и представлял собой расплывчатую насыпь размером 5,5×6,5 м и высотой 0,4 м. Контур погребальной камеры (полоса песка, окрашенного древесным тленом) был прослежен с уровня погребенной почвы. Камера размером 4,8×2,9 м и глубиной 0,8–0,9 м имела форму неправильного прямоугольника, вытянутого длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Дно камеры плоское, стенки имели перелом примерно посередине своей высоты: сверху они были покатыми, ниже перелома – отвесными. В нижней части заполнения сохранились основания столбов, вбитых вдоль стен ямы, и упавшие фрагменты обшивки стен. По продольной оси камеры располагались два округлых пятна песка, перемешанного с древесным тленом. Между ними на дне камеры были расчищены остатки почти полностью истлевшего костяка, уложенного головой на северо-запад и сопровождавшегося железным топором, ножом в кожаных ножнах, ремнем с бронзовой лировидной пряжкой, калачевидным кресалом и кремнем. В косом освещении просматривался также контур прямоугольного пятна серого органического тлена под останками погребенного. Погребение широко датируется в пределах XI–XII вв. (рис. 3, 3).

Остальные исследованные в обоих могильниках погребения представляют собой типичные для XI–XII вв. подкурганные ингумации в могилах. Во многих могилах прослежены перекрытия из жердей или плах, чаще всего уложенных взаимно перпендикулярно в два яруса.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Описанные выше погребальные комплексы, как уже говорилось, связаны с рядовым поселением, без заметных перерывов, существовавшим в удобном месте на берегу озера на протяжении как минимум нескольких веков. Возможность проследить последовательное культурное развитие и представляет для нашей темы основной интерес.

Ингумации появляются здесь в течение XI в., смыкаясь хронологически и планиграфически с наиболее поздними захоронениями культуры длинных курганов. К сожалению, ни одна из ингумаций, раскопанных в составе могильника Рапти-Наволоок III, не может быть датирована уже, чем в пределах XI в. Хронологически наиболее значимы здесь находки в кургане 4 группы Рапти-Наволоок III (рис. 4): навитая бусина глухого красного стекла с широкой поперечной желтой полосой и фаянсовая продольно-рифленая бусина², узкопластинчатые перстни с выпуклым литым орнаментом (Зайцева, 2008а. С. 280; Зайцева, 2008б. С. 120), миниатюрная привеска-ложечка с круглой лопастью (Седова, 1981. С. 26; Покровская, 2010. С. 260, рис. 2, 7), а также 14-гранные мозаичные оранжевые бусы в кургане 21 (Лесман, б/г. П. II.6) и серебряная монета – подражание денариям Оттона III и Адельгейды из кургана 6³.

Могильник Рапти-Наволоок II, полностью состоящий из древнерусских курганов с ингумациями и в целом датирующийся в несколько более широких преде-

² Благодарю за любезную устную консультацию Я.В. Френкеля (Гос. Эрмитаж).

³ Определение В.М. Потина (Гос. Эрмитаж).

лах (XI–XII вв.), вероятно, представляет собой кладбище, сменяющее могильник Рапти-Наволоок III непосредственно или в течение непродолжительного времени сосуществующее с ним.

Наиболее раннее погребение в этом могильнике – погребение 2 под курганом 6 может быть датировано 2–3-й четв. XI в. (рис. 5). Здесь найдены провололочные височные кольца, датирующиеся по новгородской хронологической шкале 1025–1268 гг. (Платонова, Жеглова, Лесман, 2007. С. 182), и выразительный набор бус, находящихся аналогии, в частности, в подробно проанализированном материале Мининского комплекса на Кубенском озере, в т. ч. навитые из стеклянной нити пронизки синего и черного цвета, навитые из стеклянного жгута синие прозрачные биконические бусы, непрозрачный желтый бисер (Захаров, Кузина, 2008. С. 153, 196, рис. 138, 2–7). Датировка по материалам севернорусских памятников соответствует дате по новгородской хронологической шкале, что дополнительно подтверждается наличием здесь маленькой лимоновидной бусины голубого стекла – до 1076 г. (Лесман, 1984. С. 140).

В целом инвентарь погребений в могильнике Рапти-Наволоок II выглядит несколько архаично: в одно из погребений был поставлен лепной горшок, височные кольца представлены небольшими провололочными и трехбусинными изделиями (лишь в одном случае в сочетании с трехбусинным кольцом встречено маленькое колечко с небольшими овальными щитками – ранняя разновидность щитковых колец) (Лесман, 1989. С. 85).

Предложенная датировка наиболее ранних ингумаций совпадает с появлением захоронений по этому обряду на западе Новгородской земли в целом – в течение середины – третьей четверти XI в. (Лесман, 1984. С. 132–133). Исследователи рассматривают это явление, не в последнюю очередь по хронологическим причинам, как следствие христианизации русских земель (Мусин, 2002. С. 215 сл.; Соболев, 2015). В течение XI в. ингумации как совершенно новый тип погребальной обрядности, связанный с христианским вероучением, распространяются и на других территориях Древней Руси (Недошивина, 1983; Макаров, 1991; Степанова, 2010; Макаров, Красникова, Зайцева, 2013 и др. работы).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Материалы рассмотренных здесь могильников иллюстрируют несколько аспектов, важных для изучения формирования древнерусской погребальной обрядности в ее «классическом» виде.

По всей вероятности, вновь усваиваемый обряд в течение некоторого времени не был устойчив и единообразен. В комплексе Рапти-Наволоок на двух соседних кладбищах, практически одном, одновременно существуют сразу несколько вариантов погребальных сооружений. Можно предположить, что вариативность обряда – показатель его неустойчивости в период формирования, когда недавно крещеное население только вырабатывает способы погребения, подходящие к вновь предписанным нормам. Не исключено, что предписания эти могли быть в первую очередь запретом хоронить так, как было принято раньше. Интересно, например, что на могильнике Рапти-Наволоок III, захоронения издавна существовавшей курганной традиции (КДК) поначалу сменяются ингумациями под на-

земными деревянными конструкциями и лишь затем – в перекрытых курганами могилах.

Ингумации в могильнике Рапти-Наволок II все совершены в подкурганных могилах, в соответствии с уже выработанной формой обряда, которая с конца XI – нач. XII в. станет самым типичным вариантом погребения на значительной территории от Чудского озера до бассейна Оки, сменяя самые разные культурные традиции (Хвоцинская, 2004; Зеленцова, Милованов, 2015). Особенности грунта позволили заметить в погребениях в Рапти-Наволок II широкое применение разнообразных деревянных конструкций: перекрытия могил из жердей и плах, крепление плахами верхних краев могилы, широкие доски, вбитые в стенки могилы и т.п. Пока не ясно, насколько широко распространены деревянные конструкции (помимо гробов) в древнерусских погребениях: очень многое зависит от методики раскопок, степени сохранности древесины на конкретном памятнике и других обстоятельств, но можно предположить, что они применялись повсеместно. Например, сходные со встреченными на Черемнецком озере внутримогильные клетки из широких досок, с дощатым перекрытием, обнаружены в погребениях курганного могильника в Суздале (Сабурова, Седова, 1984. С. 112–113).

Камерное погребение также не уникально для древнерусского кладбища. В конце X–XII в. камерные погребения встречаются почти на всей древнерусской территории, правда, чаще в составе крупных могильников. Интересно, что камерные захоронения конца XI–XII в. особым богатством инвентаря не выделяются (Лесман, 2014. С. 79), что справедливо и для нашего случая. Однако назвать камерное погребение заурядным тоже трудно – это, безусловно, способ захоронения, подчеркивающий статус или, по крайней мере, амбиции погребенного в ней человека и его окружения.

В этой связи следует упомянуть еще один предмет, случайно найденный на территории селища Рапти-Наволок VII. Это пряслица из так называемого розового шифера, с процарапанными на нем изображениями корабля и княжеского знака (Белецкий, Михайлова, Соболев, 1998) (рис. 2, 3, 3А). Набор изображений, безусловно, выделяет находку из общей массы шиферных пряслиц.

Яркие, неординарные предметы и комплексы, исследованные на берегу Черемнецкого озера, иллюстрируют характерные черты древнерусского общества XI – нач. XII в. Оно, вероятно, сильно отличалось от более позднего: люди XI века предстают в археологических свидетельствах более зажиточными, более мобильными. Отчетливая граница между периодами древнерусской культуры на Северо-Западе приходится на 1120–1130-е гг., ее археологическим маркером служит массовая смена типов вещей, приходящаяся на время формирования 20-го яруса Неревского раскопа (1116–1134 гг.). Комплексы захоронений, датирующиеся временем с 1130-х гг., относятся уже к следующему периоду развития древнерусской культуры.

Литература

- Белецкий С.В., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., 1998. Пряслице с граффити X в. из уроч. Боровское Купалище // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. СПб. С. 119–120.
- Зайцева И.Е., 2008а. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса // Сельская Русь в IX–XVI веках. М. С. 275–287.
- Зайцева И.Е., 2008б. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М. С. 57–142.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М. С. 142–215.
- Зеленцова О.В., Милованов С.И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда. С. 122–133.
- Исланова И.В., 2016. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М. С. 136–220. (Раннеславянский мир. Вып. 17).
- Латишин В.А., 2001. Археология Ленинградской области // Археологическая карта России / под ред. А.В. Кашкина. М. С. 238–276. (Очерки археологии регионов. Кн. 1).
- Лебедев Г.С., 1973. Городец под Лугой: (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76.
- Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М., 1982. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая пол. I – первая пол. II тыс.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 45–49.
- Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 118–153.
- Лесман Ю.М., 1989. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (тез. науч. конф.). Вып. 2. Новгород. С. 82–87.
- Лесман Ю.М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum Plus. № 5. С. 45–87.
- Макаров Н.А., 1991. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. Вып. 205. С. 11–21.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е., 2013. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. Вып. 230. С. 219–233.
- Михайлова Е.Р., 2014а. Раннесредневековые поселения и курганы в комплексе памятников Рапти-Наволоки на Черемнецком озере // Stratum Plus. № 5. С. 273–285.
- Михайлова Е.Р., 2014б. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken.
- Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Недошивина Н.Г. Крестовидные привески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 222–225.
- Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991. С. 68–88.

- Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.
- Покровская Л.В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 259–272.
- Сабурова М.А., Седова М.В., 1984. Некрополь г. Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М. С. 91–130.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Соболев В.Ю., 2010. Погребения с южной ориентировкой в курганный группе Которск XI (Плюсский район Псковской области) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб. С. 169–177.
- Соболев В.Ю., 2015. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // Археологические вести. Вып. 21. С. 352–366.
- Степанова Ю.В., 2010. Хронология древнерусских курганных комплексов Верхневолжья // КСИА. Вып. 224. С. 285–296.
- Хвоцинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли: (по материалам могильника Залахтовые). СПб.
- Lebedev G.S., 1982. Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga (Zur Probleme den ost- und westslawischen Beziehungen) // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte: Festschrift Werner Coblentz. Bd. 2. Leipzig. S. 225–238.

Архивные материалы

- Лебедев Г.С., 1971. Отчет о работах Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ 1971 года на Верхней Луге // Архив ИА РАН. Р-1. № 4848.
- Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (XI–XV вв.). Рукопись. Хранится в Секторе архитектурной археологии Гос. Эрмитажа (СПб.). Б/г.
- Михайлова Е.Р., 1996. Отчет о раскопках курганных групп Рапти–Наволоки II и Рапти–Наволоки III в 1996 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 23457–23459.
- Михайлова Е.Р., 1997. Отчет о работе 3-го отряда Северо-западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия в 1997 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23462, 23463.
- Михайлова Е.Р., 2005. Отчет об археологических разведках на территории Лужского района Ленинградской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

В.Ю. Соболев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

V.Yu. Sobolev

FUNERARY SITES OF THE POPULATION OF THE NOVGOROD LAND. THE ISSUES OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION

Summary. The author presents a historiographical review of the researches devoted to the chronology of the medieval funerary sites of the Novgorod land since the beginning of the XX century to the present. The methods to creation of chronology of the Novgorod antiquities offered by Yu.M. Lesman, are offered by the author, as the most responsive to the challenges of creating a reference of the timeline of the antiquities of the region. As a result it is claimed that the developed scale on the whole reflects the general Russian tendencies of distribution and existing of types of things and jewelry, ornamental motives, jewelry technologies and techniques. However, the possibility of extending it on this or that separated from Veliky Novgorod the site or the region requires additional check and a detailed justification.

Ключевые слова: погребальные памятники, хронология, Новгородские древности.

Keywords: funeral sites, chronology, Novgorod antiquities.

Вопросы хронологии и/или периодизации занимают одно из ведущих мест в работах археологов. Действительно, любое исследование, посвященное реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших на той или иной территории, опирается на комплекс данных, важнейшими из которых являются определенные теми или иными способами временные рамки изучаемых процессов и явлений и отдельные хронологические вехи, позволяющие распределить общую массу материала. “Хронологический анализ, являясь одной из основных частей источниковедческой обработки археологического материала, необходимо предшествует интерпретационной части исследования” (Лесман, 1984: С. 118).

На протяжении всего русского средневековья материальная и духовная культура Новгорода и Новгородской земли обладали целым рядом специфических черт, выде-

лявшихся на общерусском фоне. Представляется интересным проследить основные хронологические системы, применявшиеся исследователями, изучавшими древнерусские погребальные памятники рассматриваемого региона и соседних, наиболее близких к нему, охарактеризовать их, оценить их пользу и перспективность.

Одним из первых работы по построению хронологической шкалы древнерусских вещей начал А.А. Спицын. Подчеркивая важность определения возможно более точных датировок найденных в захоронениях предметов, он, анализируя материалы из раскопок Л.К. Ивановского, не приводит в своем труде, публикуя материалы этих работ, никаких обоснований предлагаемых периодов бытования тех или иных вещей, ограничиваясь лишь простым указанием на датировку отдельных украшений, бытовых предметов, тех или иных захоронений и погребальных сооружений в целом в пределах одного или нескольких столетий (*Спицын*, 1896. С. 5–11).

В предисловии к своей следующей публикации, посвященной материалам древнерусских погребальных памятников Новгородской земли (из раскопок В.Н. Глазова в Причудье), А.А. Спицын писал: “В предлагаемом издании представляется улучшенная, хотя, конечно, далеко не окончательная хронология изучаемых памятников древности” (*Спицын*, 1903. С. 1). При работе со значительно лучше документированной коллекцией он «оболащал себя надеждою» сузить датировки вещей, однако, вынужден был констатировать невозможность определения хронологии находок с точностью до одной трети столетия (*Спицын*, 1903. С. 1). Здесь же, в предисловии к книге, А.А. Спицын кратко описал методику своей работы с коллекцией и процедуру определения хронологических периодов распространения различных типов украшений и вещей. Основанием предлагаемых им датировок вещей служили типологические ряды отдельных категорий предметов и встречаемость вещей в захоронениях, хронологическими реперами стали обряд погребения и нумизматические материалы. Монетные находки оказались находимыми, по мнению А.А. Спицына, лишь в погребениях XI и XV вв., таким образом, весь материал оказался “зажат” в этом хронологическом промежутке¹, что позволило определить абсолютные даты, «принимая во внимание позднейшее развитие типов вещей XI в. и более ранние типы предметов XV в.” (*Спицын*, 1903. С. 2–3). Результаты работы получились «довольно благоприятные» и позволили А.А. Спицыну уточнить на основании обработанной коллекции из Северо-Восточного Причудья датировки некоторых предметов и комплексов из коллекции Л.К. Ивановского. В целом, предложенная А.А. Спицыным хронологическая шкала оказалась удачной и стала основой для датировки погребальных и поселенческих памятников на протяжении всей первой половины XX столетия – вплоть до 1960-х гг., а ее применение исследователями не ограничивалось границами Новгородской земли.

¹ Возможность датирования археологических памятников на основании нумизматического материала дискутировалась в специальной литературе. Применительно к средневековым памятникам Новгородской земли представляется наиболее обоснованной точка зрения В.М. Потина, считавшего, что монетные находки могут с относительной точностью датировать закрытые и открытые археологические комплексы лишь в том случае, когда чеканка ведется в том же центре, что и анализируемые материалы, или приток монет из центра чеканки имеет мощный и равномерный характер. В случае же нерегулярного и/или слабого поступления, а именно такая ситуация фиксируется для средневековой Новгородской земли, где XII–XIV века определяются как безмонетный период, нумизматические материалы могут определить лишь *terminus post quem* (Потин, 1982. С. 129–133).

Работы по расширению и совершенствованию хронологической шкалы, основанной на анализе совстречаемости типов вещей в закрытых комплексах, и построению локальных (региональных) хронологических шкал наиболее активно продолжались на протяжении 1920–1930-х гг. (*Арциховский*, 1930; *Третьяков*, 1931; *Рыбаков*, 1932) и лишь эпизодически – в более позднее время (*Сакса*, 2010), и позволили, по мнению ряда исследователей, “установить даты целого ряда типов женских украшений: браслетов, височных колец, перстней, бус и т.п.” (*Журжалина*, 1961. С. 122).

Однако, методические разработки Ю.М. Лесмана показали, что датировки на основе типологического метода, нельзя считать вполне надежными, даже если они подкреплены стратиграфическими наблюдениями и нумизматическими находками. Забегая вперед, необходимо подчеркнуть, что Ю.М. Лесман в ряде своих работ (*Лесман*. 1981. С. 98–99; *Лесман*, 1996. С. 53–56; *Лесман*, 2011) подробно рассмотрел возможности сериационного метода применительно к древнерусским материалам и указал на целый ряд факторов, остающихся вне поля зрения исследователя и существенно снижающих точность данного метода. В итоге развернутого и обеспеченного доказательной базой критического разбора исследователем были высказаны обоснованные сомнения в правомерности и осмысленности применения указанного метода для датировки вещевых комплексов древнерусского времени. В одной из своих работ Ю.М. Лесман (*Лесман*, 1996) сравнил датировки вещевых комплексов из погребальных памятников конца IX – первой половины XIII столетия из Юго-Восточного Приладожья с датировками, синхронизированными с новгородской хронологической шкалой². Выявленное «радикальное расхождение» датировок убедительно доказывает низкую точность корреляционно-комбинаторного метода (одного из вариантов сериационной методики) и малую достоверность полученных при его использовании результатов (*Лесман*, 1996. С. 54–56).

Принципиально новые возможности для разработки вещевой хронологии Новгорода и, как оказалось, для всей Новгородской земли, открылись после окончания Второй мировой войны. Масштабные археологические исследования на территории Великого Новгорода позволили проследить историю замощения средневековых улиц и дворовых участков, и расчлнить всю толщу культурных напластований города на отдельные ярусы, соответствующие ярусам замощения улиц. Установленные дендрохронологически порубочные даты деревьев, использованных в уличных и внутридворовых настилах, стали надежным основанием для определения времени сооружения того или иного уровня мостовых и в конечном итоге позволили определить хронологические рамки бытования в культуре многих категорий древностей (*Арциховский*, 1959; *Колчин*, 1956. С. 44 и далее; *Колчин*, 1958; *Колчин*, 1959), найденных в культурных напластованиях.

Возможности применения дендрохронологии для датировки находок вызвали жаркие споры, правомерность ее использования подверг сомнению Б.А. Рыбаков (*Рыбаков*, 1959; *Рыбаков*, 1961), ошибочно интерпретировавший часть текста грамоты № 206 как дату (*Рыбаков*, 1961. С. 141)³.

² О новгородской хронологической шкале и синхронизации погребальных памятников Новгородской земли с ней см. ниже.

³ Истории этой дискуссии посвящена статья П.Г. Гайдукова (*Гайдуков*, 2010), а на одном из

Новгородская хронологическая шкала стала основанием для датировки отдельных категорий вещевых находок, в первую очередь украшений (*Журжалина*, 1961; *Левашова*, 1967; *Фехнер*, 1967; *Успенская*, 1967; *Мальм*, 1967), которые в свою очередь послужили основанием датирования комплексов находок и целых археологических памятников. Исследователи сочли успешным результатом своей работы определение даты отдельных категорий находок с точностью до одного века: «Сопоставляя приблизительные даты разных предметов, найденных в курганах совместно с гривнами, и принимая во внимание погребальные обряды, присущие населению северо-восточной и северо-западной Руси в определенные эпохи, удалось датировать отдельные типы шейных обручей с точностью до ста лет. Это делает возможным использовать гривны для датировки археологических памятников, в которых они встречены» (*Фехнер*, 1967. С. 56). Прделанная работа, при безусловной ценности ее в качестве свода находок указанных предметов и погребальных комплексов, их содержащих, не смогла решить основных противоречий, заложенных в самом методе исследования (*Лесман*, 1984. С. 120). Кроме того, следует отметить, что возможность интерполяции датировок новгородских находок на всю древнерусскую территорию не получила методического обоснования.

Говоря о методах датирования археологических памятников Новгородской земли и Руси, необходимо обратить внимание на серию работ А.Н. Кирпичникова, посвященных типологии и хронологии предметов вооружения и снаряжения коня и всадника (*Кирпичников*, 1966а; *Кирпичников*, 1966б; *Кирпичников*, 1971; *Кирпичников*, 1973). Исследования, ставшие классическими трудами по истории русского оружия, выявили распространение различных типов наступательного и оборонительного оружия в пределах тех или иных территорий в границах Древнерусского государства и, частично, в пограничных с ними областях, установили периоды бытования отдельных видов вооружения, позволили соотнести северо-европейскую и русскую типологии наконечников копий и топоров. В то же время, в цели исследования не входили, по всей видимости, задачи проверки хронологии бытования каждого предмета. А.Н. Кирпичников принимал в своей работе датировки, предлагавшиеся авторами раскопок и/или публикаций изучаемого материала. В результате отдельные предметы вооружения или снаряжения оказались имеющими период бытования продолжительностью по 150–200 лет. Позднее работы по уточнению времени распространения того или иного вида или предмета оружия, или воинского снаряжения практически не проводились. Редкие и в целом малочисленные находки в комплексах мужских захоронений затрудняют проведение такого исследования, заставляя авторов, определяя хронологию погребальных комплексов, пользоваться широкими данными, приведенными А.Н. Кирпичниковым.

Следует отметить, что, несмотря на все успехи новгородской ярусологии, установление точных порубочных дат мостовых настилов улиц, ставшего эталонным Неревского раскопа, при использовании новгородской хронологической шкалы для датирования того или иного памятника или объекта до середины 1980-х гг. исследователи продолжали оперировать традиционными хронологическими ин-

последних заседаний конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» Е.А. Рыбина сделала сообщение, в котором показала, что ставшее «камнем преткновения» число из грамоты № 206 не является записью календарного года.

тервалами – «первая половина», «середина», «последняя треть» и т.п. – в рамках столетия, избегая указания точных календарных годов (Колчин, 1958. С. 94 и далее; Левашова, 1967).

Продолжением разработки хронологии вещевых находок, основанной на новгородской ярусологии и дендрошкале, стали исследования Ю.М. Лесмана, проведенные на качественно новом методическом и методологическом уровне. Исследователь методически обосновал и доказал применимость новгородской хронологии за пределами территории самого города (Лесман, 1981. С. 99; Лесман, 1984. С. 118–123; Лесман, 1988а) и возможность датировки с помощью городских материалов погребальных памятников Северо-Запада, показал и статистически обосновал отсутствие заметной хронологической разницы между бытованием украшений, деталей костюма и убора, бытовых вещей в самом Новгороде и в сельских районах Новгородской земли.

В начале исследования им было выделено 53 типа предметов, серийно встреченных в новгородских слоях, и имеющих надежную датировку на основании их распределения в культурных напластованиях Новгорода (Лесман, 1984. С. 134–140), за семь первых лет это число увеличилось до 135, а к 2013 г. число датирующихся типов выросло до 453.

Ю.М. Лесман в работе уделял большое внимание не только учету не всегда общедоступных, зачастую неопубликованных находок из новых раскопок, проводившихся на протяжении 1984–2013 гг. на всей территории Новгорода, но и детальному анализу сведений о месте залегания и условиях обнаружения каждой находки, т. к. эти данные имели важное значения для определения хронологии⁴. Также постоянно автором велась проверка применимости системы в целом, ее корректировка на основании находок в узкодатированных погребальных комплексах Новгородской земли (Лесман, 1981. С. 99–100; Лесман. 1996. С. 54).

Свое развитие исследование получило в более дробной хронологической шкале, основой которой стало представление о вещи как совокупности взаимосвязанных признаков (форма, сечение, орнамент, технологические приемы производства и т.д.), каждый из которых имеет свой период бытования (Лесман, 1989; Лесман, 1990; Лесман, 1991)⁵. Таким образом, датировка каждого отдельного предмета дается не только на основании стратиграфического распределения аналогичных вещевых находок в слоях Новгорода, но и как временной отрезок, являющийся пересечением дат одновременного бытования всех хронологически значимых деталей конкретного изделия.

Одним из наиболее ярких примеров возможностей, предоставляемых применением описанного метода, является датирование очень популярных в средневековой Новгородской земле ромбоштитковых височных колец. Собственно сами укра-

⁴ При анализе материала автором отдельно рассматривались предметы, происходящие из примыкающих к бортам раскопок линий квадратов, и предметы, полученные из квадратов, смежных с водоотводными траншеями и колодцами, как имеющие менее надежную стратиграфическую привязку.

⁵ Обобщающий труд, суммировавший все наработки в области хронологии ювелирных украшений и бытовых предметов, был практически закончен Ю.М. Лесманом, однако так и не был сдан в печать при жизни автора.

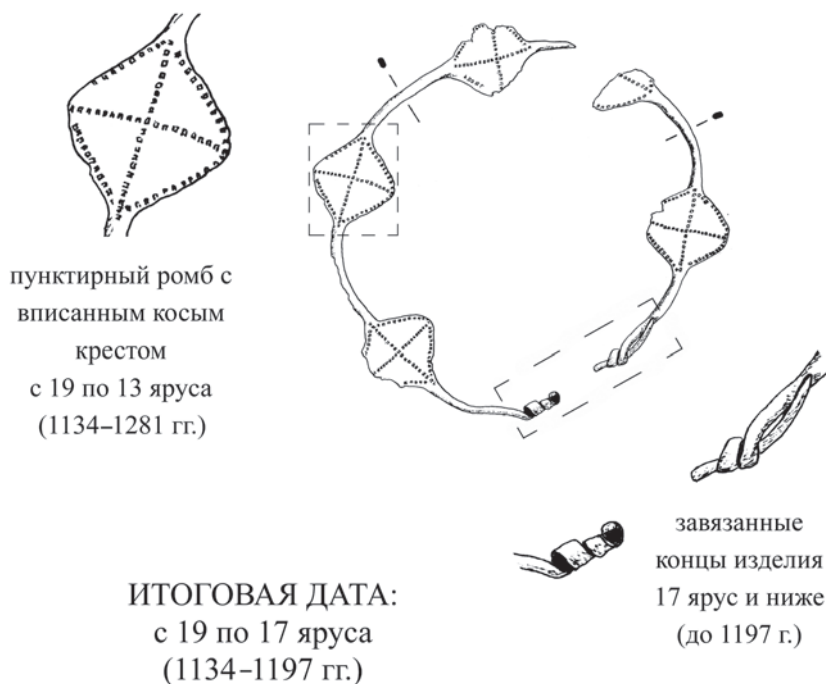

Рис. 1. Вещь как набор датирующих признаков

шения этого типа не были найдены в новгородских слоях, но на основании встречаемости декора и оформления концов изделий установлен достаточно узкий хронологический интервал их бытования (рис. 1).

Правомерность использования новгородской шкалы для датировки погребальных памятников была дополнительно проверена на материалах Восточной Карелии (Лесман, 2012). Для этого региона, православного и входившего в зону Новгородского влияния, и в тоже время тесно связанного с Западной Европой, выполнена синхронизация не только с новгородской, но и с рядом иных внешних хронологических шкал, кроме того часть погребений была датирована при помощи естественно-научных методов (Бельский, 2012. С. 172–183). Непротиворечивость полученных результатов свидетельствует об обоснованности применения метода в целом. Ожидаемый, но интересный результат – большая точность датирования по археологическим материалам по сравнению с радиоуглеродным.

В тоже время следует отметить, что удобные и привычные всем календарные даты все-таки вторичны, первичны порубочные даты ярусов именно яруса Неревского раскопа. Все крупные новгородские раскопы имеют разное число яру-

сов уличных мостовых с разными порубочными датами (Колчин, Хорошев, 1978; Хорошев, 1978; Гайдуков, 1992). Таким образом, строго говоря, при синхронизации того или иного погребения с новгородской шкалой обязательно надо указывать не только ярусы и/или соответствующие их порубочным датам года, но и раскоп.

Подводя итоги, стоит еще раз вернуться к вопросу универсальности и применимости новгородской хронологической шкалы за пределами собственно Новгородской земли. В настоящее время можно уверенно говорить о ее надежности для всех культурно-исторических областей Северо-Запада – Карелии, Ижорского плато, Восточного Причудья, Повеличья, Приильменя, Верхней Волги (по крайней мере до начала – первой половины XIII столетия) и др. Не вызывает сомнения, что разработанная шкала в целом отражает общерусские тенденции распространения и бытования типов вещей и украшений, орнаментальных мотивов, ювелирных технологий и приемов. Однако, возможность ее распространения на тот или иной отделенные от Великого Новгорода памятник или регион (Томсинский, 2004; Моргунов, 2012) требует дополнительной проверки и развернутого обоснования.

Литература

- Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Арциховский А.В., 1959. О новгородской хронологии // СА. № 4. С. 107–127.
- Бельский С.В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладжье (археологические исследования 2006–2009 гг.). СПб.: Наука.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Гайдуков П.Г., 2010. К 50-летию начала дискуссии «О новгородской хронологии» (Б.А. Рыбаков – А.В. Арциховский и Б.А. Колчин) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 24. Великий Новгород. С. 101–111.
- Журжалина Н.П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2. С. 122–140.
- Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л. (Археология СССР).
- Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л. (Археология СССР).
- Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л. (Археология СССР).
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. (Археология СССР).
- Колчин Б.А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. М. № 55. С. 44–137.
- Колчин Б.А., 1958. Хронология Новгородских древностей // СА. № 2. С. 92–111.
- Колчин Б.А., 1959. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // СА. № 4. С. 82–106.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., 1978. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.
- Левашова В.П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 7–54. (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Лесман Ю.М., 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА. Вып. 166. С. 98–103.

- Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: межвуз. сб. Л.
- Лесман Ю.М., 1988. Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV (синхронизация вещевых комплексов): дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М.: Истфак МГУ.
- Лесман Ю.М., 1989. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород. С. 82–87.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли, 1988. Новгород, 1990. С. 29–98.
- Лесман Ю.М., 1991. Этюд об украшениях // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., С. 305–314.
- Лесман Ю.М., 1996. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // Archaeologia Petropolitana / Археология Петербурга. Вып. 1. СПб. С. 52–61.
- Лесман Ю.М., 2011. Сериационная хронология: иллюзии и реальность // ЗИИМК. №. 6. С. 186–198.
- Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Труды ГИМ; Вып. 43. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 149–190.
- Моргунов Ю.Ю., 2012. Летописный город Снепород и его округа в X–XIII вв. СПб.
- Потин В.М., 1971. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды ГЭ. Вып. 12. Л. С. 49–119.
- Равдина Т.В., 1975. Археологические замечания к нумизматическим работам // СА. № 1. С. 316–329.
- Рыбакоў Б.А., 1932. Радзімічы // Працы сэкцыі археалёгіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук. Т. 3. Менск. С. 81–151.
- Рыбаков Б.А., 1959. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // СА. № 4. С. 82–106.
- Рыбаков Б.А., 1961. Что нового вносит в науку статья А.В. Арциховского «О новгородской хронологии»? // СА. № 2. С. 141–163.
- Сакса А.Н., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Спицын А.А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. СПб. (Материалы по археологии России; № 20).
- Спицын А.А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова. СПб. (Материалы по археологии России; № 29).
- Томсинский С.В., 2004. Угличе полу в IX–XIII веках. СПб., Из-во Гос. Эрмитажа.
- Третьяков П.Н., 1931. Костромские курганы // Известия ГАИМК. Т. 10, вып. 6–7.
- Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 88–132. (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 55–87. (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Хорошев А.С., 1978. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.

И.В. Исланова

ДРЕВНЕРУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВОРОНЦОВО НА р. ВОЛЧИНЕ

I.V. Islanova

THE OLD RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SITE VORONTSOVO ON THE RIVER VOLCHINA

Summary. There is a large complex of old Russian archaeological sites, consisting of two settlements and a burial ground in the Tver region near the village of Vorontsovo on the river Volchina (left tributary of the Mologa river, a left tributary of the Volga river). The excavations of the hills and the mounds were held in the XIX – early XX centuries here. The cremations in the hills can be dated by the end of the I millennium AD based on the found inventory, and the inhumations in the burial mounds – the end of X–XII centuries.

There are some random finds: dirhems of the 10th century, clay and slate whorls, iron knives, fragments of modelled (end of the I millennium AD) and circular (end of the X–XIII centuries) vessels which occur from the settlement Vorontsovo 1. Based on the character, location and dating of the archaeological complex, the village of Vorontsovo 1 can be identified with the Volchino point mentioned in the Novgorod birch-bark letters № 789 and 902.

Ключевые слова: древнерусские курганы и селища, Новгородская земля, культура сопкок, берестяные грамоты.

Keywords: Old Russian burial mounds and settlements, the land of Novgorod, the culture of sopkas, birch bark manuscripts.

Археологические памятники у д. Воронцово известны с 40-х годов XIX в., когда весьегонский помещик Н.А. Ушаков, опубликовал результаты своих раскопок на курганном могильнике (*Ушаков*, 1843б. С. 82–85). Сведения об археологических объектах Вышневолоцкого уезда Тверской губернии вошли в обзор древностей А.А. Спицына (*Спицын*, 1897. С. 282, 290) и в свод В.А. Плетнева (*Плетнев*, 1903. С. 358–361). В 1906 г. слушатель Санкт-Петербургского археологического института А.А. Баталин, проводивший разведку по берегам р. Волчины и оз. Молдино, раскапывает здесь 4 кургана (*Баталин*, 1906а). Сведения о сопках близ д. Воронцово содержатся в сводах Н.Н. Черныгина (*Черныгин*, 1941. С. 128. № 474) и В.В. Седова

(Седов, 1970. С. 48. № 210); о курганах – в своде А.В. Успенской и М.В. Фехнер (Успенская, Фехнер, 1956. С. 208).

В 1951 г. курганный могильник обследует директор Вышневолоцкого краеведческого музея А.Х. Репман (Репман, 1951). Он составляет первый инструментальный план. В 1966 г. на селище Воронцово 1 собирают подъемный материал сотрудники историко-этнографической экспедиции Калининского областного музея (Фонды ТГОМ). В 1974 г. новый план могильника был снят Г.В. Харитоновым, который также фиксирует и обследует селище Воронцово 1 (Харитонов, 1974а). В том же году им составляются паспорта на эти памятники.

В 1979 г. курганы и селище Воронцово 1 обследуются тверским археологом Е.В. Бодуновым и И.В. Ислановой, составляются планы памятников (Леонтьев, 1979). Территория селища тогда была занята полем под картофель, поэтому мощность культурного слоя была определена после небольшой зачистки борозды и с незадернованной поверхности собраны керамика и вещи. В 1996 г. А.Д. Максимовым было зафиксировано селище 2 (поселение Воронцово)¹, а И.В. Ислановой – селище Воронцово 3 (АКР, 2012. С. 269–270). При посещении комплекса в последующие годы отмечены следы активной «деятельности» грабителей. В 2013 г. И.В. Ислановой была зафиксированы крупные раздернованные участки на селище Воронцово, уточнены размеры распространения культурного слоя и собран подъемный материал (Исланова, 2013а).

Древнерусский археологический комплекс находится к юго-западу от д. Воронцово Удомельского района Тверской области. Расположен на левом берегу р. Волчины (левом притоке р. Мологи – левом притоке Верхней Волги). Комплекс состоит из курганного могильника, разделенного на две группы небольшим ручьем, и расположенных рядом двух селищ Воронцово 1 и 3 (рис. 1).

Селище Воронцово 1 (основное поселение) имеет протяженность вдоль берега р. Волчины 260 м при ширине от 50 до 100 м. Высота над водой – 2–3 м. Поверхность задернована, но ранее распахивалась. Мощность культурного слоя 0,4 м. По сведениям конца XIX в., эта местность «изстари зовется Жилищем; берег ее, подмываемый водою, усыпан черепками глиняной посуды, пережженными камнями и кусками глины и мелкими костями» (Плетнев, 1903. С. 359).

Селище Воронцово 3, расположенное в 140 м к юго-западу от селища 1, примыкает с СВ к юго-западной курганной группе (курганному могильнику 2, по АКР (АКР, 2012. С. 271). Отделено от реки заболоченной поймой шириной 120–180 м. Размеры селища 50×30 м, высота над водой – 1,5–2 м. Поверхность задернована, но ранее распахивалась. Мощность культурного слоя 0,24 м. Нельзя исключать того, что обнаруженный здесь культурный слой, содержащий мелкие фрагменты стенок лепных сосудов IX–X вв., связан не с поселением, а с культовой зоной могильника.

Две группы курганов – 1 (северо-восточная) и 2 (юго-западная)² – фактически являются единым могильником вытянутым по направлению береговой террасы, имеющей высоту над рекой 3–4 м. Общая протяженность могильника – 450 м при ширине от 40 до 120 м. Он отделен от реки селищами и заболоченной пой-

¹ Так как селище Воронцово 2 относится к третьей четверти I тыс. н.э. далее оно не анализируется.

² Здесь используется терминология, принятая в своде «Археологическая карта России», где сопки называются курганами.

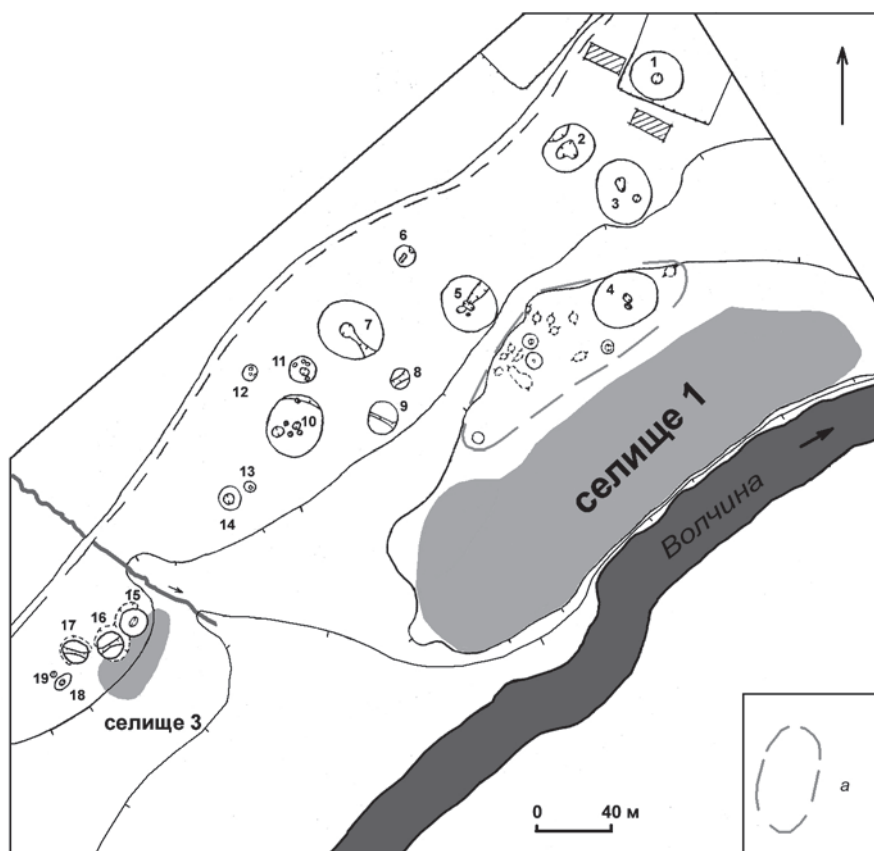

Рис. 1. Археологический комплекс Воронцово

а – предполагаемые границы группы курганов с обкладкой из камней

мой. Находится в смешанном лесу, носящем название «Воронцовский бор». На плане (рис. 1) оставлена (с дополнениями) сквозная нумерация, которая была дана А.Х. Репманом, хорошо «читаемая» на поверхности курганов.

Могильник состоит из 11 крупных насыпей: восемь в группе 1 и три в группе 2. Это т. н. «классические сопки» высотой от 5 до 6,5 м диаметром основания от 25 до 35 м. Все сопки имеют задернованные повреждения на вершинах и склонах. В этом же массиве находятся и курганы меньших размеров. В южной части – это две насыпи: одна овальная поперечниками 10×6 м высотой 0,7–1 м, вторая округлая диаметром основания 3 м, высотой 0,5 м, имевшая ранее обкладку из валунов. В северной части (между сопками) – 6 курганов высотой от 1 до 3 м поперечниками в основании от 7 до 14 м. Остальные курганные насыпи концентрировались около сопки 4 и 5 на площади не менее 140×50 м. Судя по результатам раскопок, эта особая курганная группа возникла на заключительном этапе функционирования погребального комплекса. Первоначальное количество курганов здесь неизвестно, так как большинство раскопано и разрушено в XIX – начале XX в. Судя

по описаниям Н.А. Ушакова и А.А. Баталина, курганы имели обкладку из валунов в основании – «древние могилы, обнесенные камнями» (Ушаков, 1843б. С. 84). К середине XX в. обкладка сохранилась только у одного кургана (Репман, 1951). В конце 70-х гг. XX в. здесь прослеживались 15 полуразрушенных округлых насыпей высотой от 0,6 до 1 м, диаметром основания от 3 до 6 м.

В 1838 или в 1839 г. раскопки в могильнике вел Н.А. Ушаков. Вещевые находки в настоящее время хранятся в ГИМе. Он копает 5 сопки (две – в группе 1 и три в группе 2) и обследует остатки погребения по обряду сожжения, вскрытого крестьянами на вершине одной из сопки. В группе 1 раскопан курган с ингумацией и несколько насыпей (количество неизвестно) с обкладкой из камней.

Три сопки в группе 2 (это насыпи 15, 16, 17) были «копаны широкою канавою с востока на запад». Действительно, две насыпи имеют задернованные траншеи, но на вершине одной сейчас прослеживается яма – «колодец». По сообщению Н.А. Ушакова, насыпи состояли из песка с камнями; «у подошвы» встречены камни с следами жжения, а рядом – «земля... с признаками жжения, небольшое количество золы с чистым белым песком» (Ушаков, 1843). О находках жженных костей не сообщается. Увидев «признаки жжения» и «познакомившись» до этого (при раскопках в Сорогожском и Бустрыгино) с обрядом сожжения, где вещи не сохраняются, Н.А. Ушаков прекращает раскопки этих насыпей.

В северной части группы 1 помещик начинает копать еще две сопки. В верхней части одной насыпи на глубине 0,36 м было обнаружено погребение по обряду трупосожжения. В слое углей находилось «множество разбросанных человеческих и животных костей и кусков от многих черепов» (Ушаков, 1843б. С. 84). В верхней части насыпи другой сопки около жженных черепных костей найден инвентарь: оплавленные «стеклянные и металлические вещи» и поврежденное в огне «медное украшение в виде венца» (Ушаков, 1843б. С. 84). В фондах ГИМа это изделие выглядит, как сильно поврежденная в огне оплавленная бляха из цветного металла (рис. 2: 3). Аналоги ей неизвестны. Отдаленное сходство есть с ажурными привесками IX – начала XI в. мордвы (Воронина, 2007. Рис. 42: 3; 62: 11,12; 83: 2, 3). Рядом с этими сопками также была обследована яма на крупной насыпи, где крестьянами, копавшими сопку, были присыпаны остатки сожжения и фрагменты сосудов-урн. Н.А. Ушаковым найдены обломки только одной урны, изготовленной с помощью круга, судя по опубликованному рисунку орнамента.

В юго-западной части группы 1 при раскопках кургана (по всей видимости, № 14) было обнаружено погребение по обряду трупоположения с инвентарем. В литературе, при описаниях этого погребения и вещевого инвентаря, есть ошибки и много неточностей, поэтому на данном объекте и находках следует остановиться особо.

Насыпь кургана состояла «из чистого песка»; в публикации не сказано на какой глубине (в насыпи или в основании кургана) было обнаружено погребение. Однако при описании этого кургана в Каталоге древнерусских погребальных памятников Верхневолжья сообщается об обкладке насыпи камнями и о погребении в основании кургана. Неверно указывается и дата раскопок – 1843 г. (Жукова, Степанова, 2010. С. 64). Можно только предполагать, что авторы использовали сведения, почерпнутые из отчета А.А. Баталина (об этих работах см. ниже), а ин-

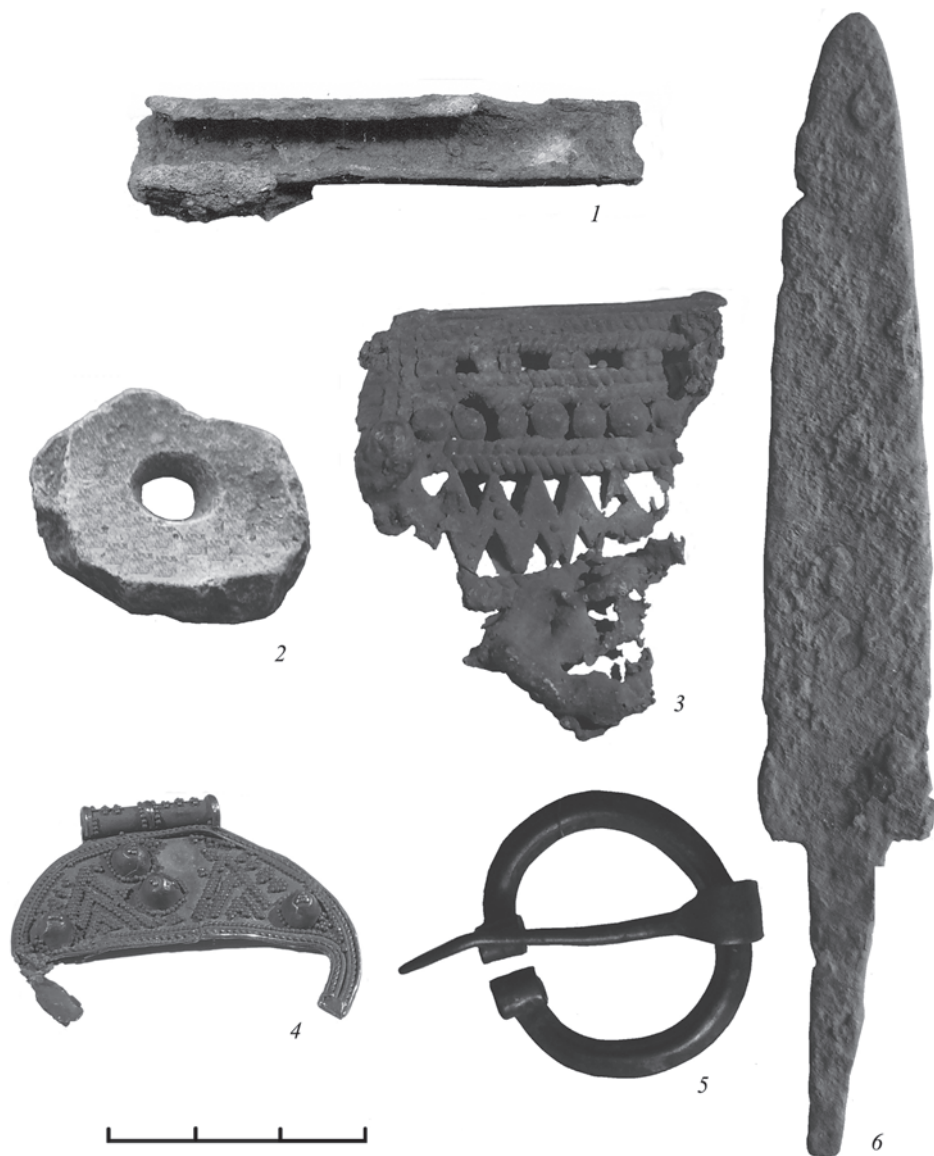

Рис. 2. Находки из могильника и с селища 1 Воронцово. 1, 2, 6 – подъемный материал с селища 1; 3–5 – могильник; 1 – фитильная трубочка (?), 2 – пряслице из стенки белоглиняного сосуда, 3 – оплавленная бляха, 4 – лунница, 5 – подковообразная фибула, 6 – нож, 1, 6 – железо, 3–5 – цветной металл

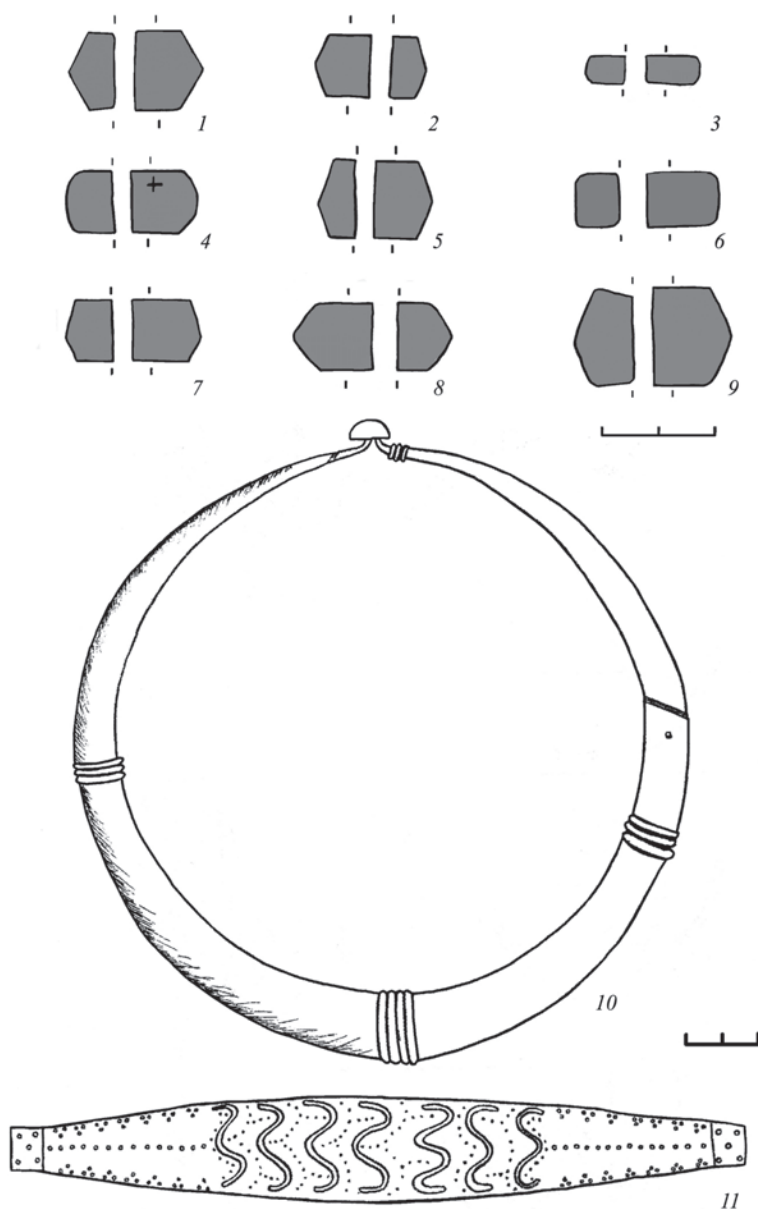

Рис. 3. Находки из могильника и с селища 1 Воронцово

1–9 – пряслица, 10 – гривна (по М.В. Фехнер), 11 – браслет (по В.П. Левашевой),
1 – глина, 2–9 – шифер, 10, 11 – цветной металл

формации о погребальном обряде и инвентаре раскопанных этим археологом четырех курганов в Воронцово в указанном Каталоге нет.

При костяке находились серебряные проволочные височные кольца с заходящими концами, полая гривна с застежкой-фермуар (XI в.) (*Фехнер*, 1967. С. 80), ширококорая лунница с зернью (X в.) (*Седова*, 1981. С. 24), ожерелье из бус и шести подвесок-дирхемов (рис. 2: 4; 3: 10). Ожерелье состояло из «9 металлических боченкообразных», 4 сердоликовых, 9 горного хрусталя, 2 синего стекла, 4 «каменных» бус. На правой руке был кованый серебряный браслет (рис. 3: 11). По мнению В.П. Левашевой, браслет является примером копирования иноземной формы русским ювелиром. Техникойковки, тиснения и штампа переданы особенности скандинавских ладьевидных браслетов (X–XI вв.) (*Левашева*, 1967. С. 245). В области пояса лежала пряжка; в ногах – «глиняный плохой работы горшок» (*Ушаков*, 1943. С. 83).

Вернемся к ожерелью. В фондах ГИМа в коллекции из Воронцово хранятся три низки бус:

- 1) из бусинного бисера,
- 2) из хрустальных и сердоликовых бус, где присутствует одна бипирамидальная сердоликовая буса;
- 3) из хрустальных, сердоликовых (в том числе 9 бипирамидальных), золото- и серебростеклянных, 10 пастовых и стеклянных бус (темно-синей, голубой, черной, темно-красной с желто-синими глазками).

К инвентарю анализируемого кургана можно отнести явно не все находящиеся (даже на одной низке) бусы, а только те, о которых сообщает автор раскопок. Предположительно, «металлическими» были названы золото и серебростеклянные бусы. Кроме стеклянных темно-синей и голубой, в погребении могли быть шарообразные сердоликовые и хрустальные бусы. Что же касается сердоликовых бипирамидальных бус, то они, видимо, происходят или из других курганов, или из других памятников. Дело в том, что такие бусы бытовали значительно позже (конец XI – конец XIII в.), чем вещи присутствующего в погребении остального инвентаря (*Лесман*, 1984. С. 140). Не совсем ясна ситуация с т. н. «пряжкой». Возможно, Н.А. Ушаков так назвал подковообразную фибулу со спиральными головками треугольного сечения, которая хранится в коллекции (рис. 2: 5). Такие фибулы бытуют на Новгородской земле до конца XII в. (*Лесман*, 1990. С. 75).

Присутствие вещей из других могильников подтверждается поступившими от Н.А. Ушакова дирхемами-подвесками: в насыпи 14 было 6 подвесок, а поступило 13 из Сарагожских курганов и с берега р. Волчины. По определению П.С. Савельева, 6 монет из Воронцово были Саманидскими (*Савельев*, 1847. С. 113–114). По мнению Т.В. Равдиной, эти 6 монет были в составе атрибутированных Х.М. Френом 9 саманидских монет из Сарагожского и Воронцова: Исмаил ибн Ахмад, 906 г., Наср ибн Ахмад (914–943 гг.), Мансур ибн Нух (961–976 гг.), Нух ибн Мансур, 983 г., места чеканки: аш-Шаш, Бухара, Самарканд (Равдина, 1988. С. 36–37).

Остальные предметы (за исключением бус и височных колец), хранящиеся в воронцовской коллекции ГИМа, по всей видимости, происходят из других могильников, которые копал Н.А. Ушаков. На это указывают и неточности в катало-

ге А.С. Уварова и в картотеке: там неверно указаны и река, и уезд – «р. Волчица Весъегонский уезд» (*Уваров*, 1907. С. 60, 63). Так, вне всякого сомнения, две цепочки (с крестом и копоушкой с бубенчиком) происходят из раскопок Н.А. Ушакова, но не у д. Воронцово, а около с. Мотыли и д. Бустрыгино на р. Сарагоже (*Исланова*, 1990. С. 101). Об этих работах упоминается в другом сообщении помещика (*Ушаков*, 1843а. С. 15). Но в публикациях, из-за указанных выше неточностей, находки с р. Сарагожи приписаны к комплексу Воронцово (см., например, *Голубева*, 1973. С. 39; *Жукова*, *Степанова*, рис. 25: 6).

В группе курганов с каменной обкладкой Н.А. Ушаков раскопал «некоторые» курганы (количество неизвестно), не поврежденные до этого крестьянами (*Ушаков*, 1843. С. 84). Здесь обнаружены труположения с инвентарем – височными кольцами и ожерельями. Находки в коллекции сохранились: это некоторые из проволоочных височных колец и, видимо, некоторые бусы, оказавшиеся на одной низке с бусами из кургана 14.

О погребальном обряде курганов с обкладкой из камней можно судить по раскопкам четырех объектов А.А. Баталиным (*Баталин*, 1906). Погребения по обряду труположения (по одному) находились в основании кургана, головой на запад и северо-запад. Два захоронения были безинвентарными. В третьем кургане найдена серебростеклянная бусина (конец X – конец XIII в.) (*Лесман*, 1984. С. 139). В четвертом – при костяке был т. н. крест-тельник с шариками на концах, датируемый второй четвертью XI – третьей четвертью XIII в. (*Лесман*, 1984. С. 136), 10 серебряных полых бус, грушевидный крестопрорезной бубенчик (бытовали до первой трети XII в.) (*Лесман*, 1990. С. 60), пять больших височных колец с заходящими концами, два перстнеобразных височных кольца, трапезиевидная пластинчатая привеска с отверстиями для подвесок. Аналоги последней находке в Новгороде есть в слое рубежа X–XI вв., однако дата таких изделий широкая: от середины I тыс. н.э. до XIII в. (*Седова*, 1981. С. 35. Рис. 10: 7). Находки из раскопок А.А. Баталина хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН.

Таким образом, крупный могильный комплекс Воронцово состоит из разновременных объектов: из сопок – сакрально-погребальных насыпей конца I тыс. н. э., сооруженных между сопками курганов с ингумацией, относящихся к концу X – началу XI в., и курганов с каменной обкладкой XI–XIII вв., расположенных компактной группой.

На селище Воронцово 1 раскопки не проводились, но многочисленный подъемный материал, позволяет судить о хронологии этого памятника. В 2002 г. в Тверской государственной объединенный музей поступило пять дирхемов, происходящих с этого памятника. Монеты определены В.С. Кулешовым.³ Саманиды: Исмаил ибн Ахмад, место чеканки и имя правителя обломано, 29 [4] г.х. (906–907 гг.); Ахмад ибн Исмаил, Андараба, 297 г.х. (909–910 гг.); Мансур ибн Нух (961–976), место чеканки и год не читаются. Аббасиды: ар-Рашид, ал-Мухаммадийя, год обломан, по типу это 189-е гг.х., т.е. (796–803 гг.). Умаййады: Васит, 124 г.х. (741–742 гг.). По мнению В.С. Кулешова, эти дирхемы можно считать отдельными находками, не имеющими отношения к кладу длительного на-

³ Пользуюсь возможностью поблагодарить В.С. Кулешова любезно согласившего провести определение монет.

копления, так как существует большой хронологический разрыв между ранней и поздней монетами.

Среди подъемного материала 1979 и 2013 гг. следует отметить два железных древнерусских ножа, обломок фитильной трубочки (?) (рис. 2: 1, 6), два точильных камня, 8 шиферных пряслиц, среди которых пять биконических, одно с овальными стенками и с прочерченным небольшим крестом, одно цилиндрическое и одно дисковидное (рис. 3: 2–9). Одно пряслице – из стенки белоглиняного сосуда (рис. 2: 3) и одно – глиняное биконическое (рис. 3: 1). Пряслища бытовали в этом регионе преимущественно в третьей четверти I тыс. н.э., но встречаются и на памятниках IX–X вв. (Исланова, 1997. С. 48, 86. Рис. 80: 2, 6, 10; 147: 3, 4).

Найденная керамика представлена фрагментами лепных и круговых сосудов. Это обломки лепных хорошо профилированных горшков, в глиняном тесте которых находится примесь дресвы, а внешняя поверхность шероховатая (рис. 4: 1, 2). На некоторых фрагментах есть орнамент – нарезные зигзагообразные линии, отпечатки веревочки, намотанной на палочку, в месте перехода от плеча в тулова (рис. 4: 3, 5). Аналогичная посуда известна на поселениях культуры сопок бассейна Мсты (Носов, Плохов, 1991. С. 128. Рис. 2: 12; Исланова, 1997б. С. 67.

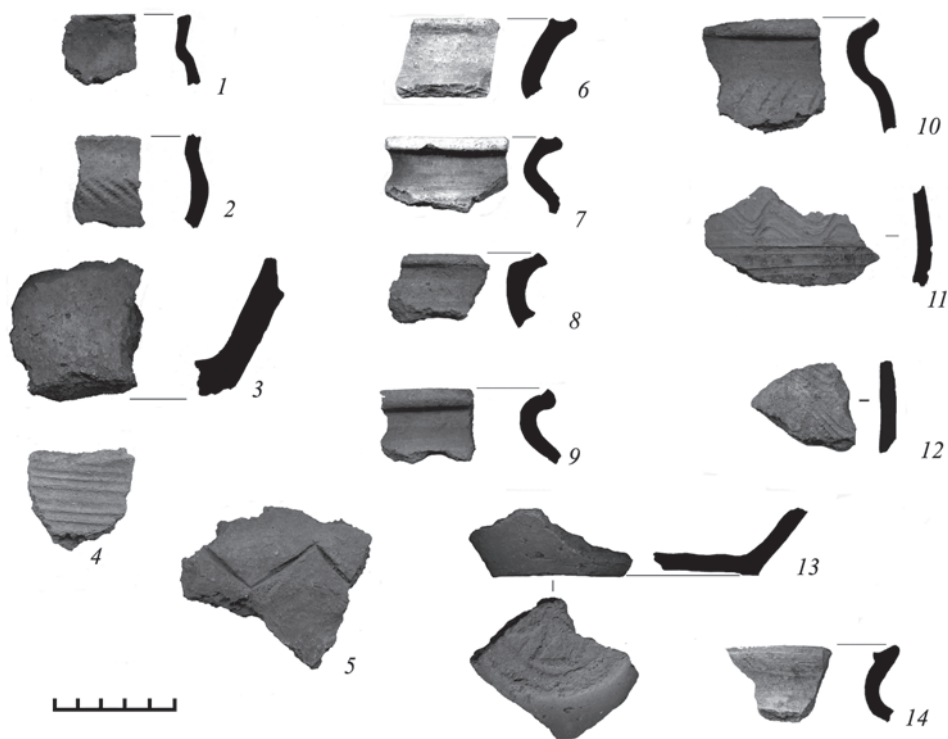

Рис. 4. Керамика с селища 1 Воронцово: 1–3, 5 – фрагменты лепных сосудов; 4, 6–14 – фрагменты круговых сосудов

Рис. 103: 13; 106: 2). С памятников той же культуры и того же региона происходят аналоги фрагменту раннекругового сосуда с линейным орнаментом (рис. 4: 4) (Исланова, 1997б. Рис. 108: 5). Среди фрагментов, сделанных на круге, преобладают находки из красножгущейся глины, в т. ч. с волнистым и линейным орнаментом относящихся к XI–XIII вв. (рис. 4: 8–12, 14) (Малыгин, Гайдуков, Степанов, 2001. Табл. 3. Рис. 10: 1; 12: 1; 13). На обломке одного днища находилось клеймо (рис. 4: 13). Единичны фрагменты круговой керамики из беложгущейся глины типа 8 по П.Д. Малыгину (рис. 4: 6, 7). Керамика такой фактуры появляется на поселениях Новгородской земли во второй половине XII в. (Малыгин, 1991. С. 201, 202. Рис. 10А).

После анализа имеющихся материалов, можно говорить, что археологический комплекс Воронцово функционировал с конца I тыс. н. э по XIII в. На участке Новгородской земли, включающем верховья рек Мсты, Съежи и р. Волчину, лишь около д. Воронцово известно крупное скопление сопок (рис. 5). Только восточнее – в бассейне Верхней Мологи и на Средней Мологе находятся или находились аналогичные могильники из сопок и древнерусских курганов: Бежицы, Узмень, Рыбинское, Большое Рашино, Малая Мотолоша, Мокшицы, Огрызково (Исланова,

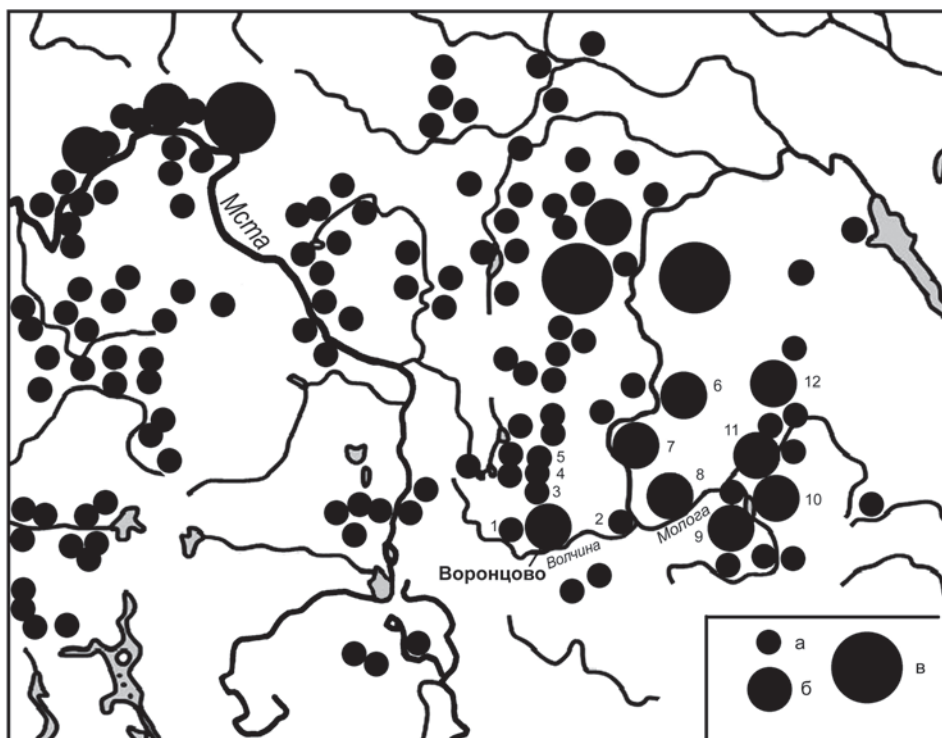

Рис. 5. Восточная часть ареала сопок

а – менее 5 сопек, б – от 5 до 10 сопек, в – более 10 сопек, 1 – Ватутино, 2 – Селищи, 3 – Треть Молдино, 4 – Шептуново, 5 – Поддубье, 6 – Огрызково, 7 – Мокшицы, 8 – Рыбинское, 9 – Бежицы, 10 – Узмень, 11 – Б. Рашино, 12 – М. Мотолоша

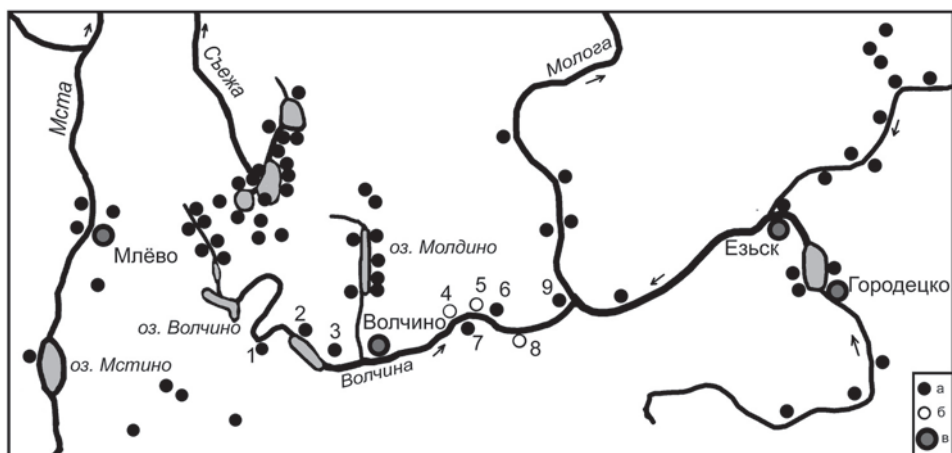

Рис. 6. Населенные пункты X–XIII вв. в бассейнах Волчины, Верхних Мологи, Сьежи и Мсты. а – памятники известны по археологическим материалам, б – памятники известны по данным начала XX в., в – памятники известны по берестяным грамотам и археологическим материалам, 1 – Урвитово, 2 – Ватутино, 3 – Карзово, 4 – Покров, 5 – Макеевское, 6 – Астафьево, 7 – Столбиха, 8 – Никольское-Засека, 9 – Селищи.

1986. С. 66–71; Исланова, 1997а. С. 22–32). Кроме Воронцова, непосредственно на берегах р. Волчины сопки известны еще в двух пунктах: в д. Ватутино и д. Селищи (рис. 6). Здесь стоят по две высокие насыпи; поселения не выявлены. Вблизи последнего пункта есть и древнерусский курганный могильник. По одной сопке находятся в трех пунктах (Треть Молдино, Шептуново, Поддубье) на оз. Молдино, расположенном в 4 км к северо-западу от комплекса Воронцово. Выше по р. Волчине и на оз. Волчино, откуда река вытекает, выявлены курганные могильники только культуры псковских длинных курганов⁴ (Исланова, 2006. С. 35. Рис. 3). Ниже по течению известны: небольшой курганный могильник древнерусского времени (Столбиха – 23 насыпи) и курганы, датировка и культурная принадлежность которых неясна (Никольское-Засека – три могильника из одного, четырех и двух курганов, Макеевское – два кургана, Покров – два кургана, Астафьево – 6 курганов) (Баталин, 1906; Половичук, 2012; АКР, 2010. С. 176–177).

Вне всякого сомнения, неординарный археологический комплекс Воронцово является самым крупным для конца I – начала II тыс. н.э. на р. Волчине. По предположению В.Л. Янина, река Волчина и, или податной округ на р. Волчине упоминаются в новгородских берестяных грамотах № 789 (80–90-е гг. XI в.) и № 902 (рубеж XI/XII вв.) (Янин, 2001. С. 49, 66). По мнению А.А. Зализняка, встреченное в грамотах «Волчино» – это населенный пункт на р. Волчине или вся волость на этой реке (Зализняк, 2004. С. 245–247). Путь из Новгорода (и сухопутный, и водный) на Верхнюю Мологу к Езьску и Городецко, звучащих в тех же грамотах, шел по р. Волчине или вдоль нее.

⁴ Высокие курганы у с. Овсище, считавшиеся ранее сопками, относятся к объектам культуры псковских длинных курганов.

В итоге можно с уверенностью говорить, что на основании характера, местоположения и датировки археологического комплекса у д. Воронцово, только селение Воронцово I можно идентифицировать с пунктом «Волчино» новгородских берестяных грамот.

Литература

- АКР. Тверская область. Ч. 3 / авт. сост. А.В. Кашкин и др. М.: ИА РАН, 2010. 311 с.
- АКР. Тверская область. Ч. 4 / авт. сост. И.В. Исланова и др. М.: ИА РАН, 2012. 483 с.
- Воронина Р.Ф., 2007. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – XI. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука. 164 с.
- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука. 216 с.
- Жукова Е.Н., Степанова Ю.В., 2010. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Науч. кн. 351 с. (Археология Верхневолжья. Вып. 1).
- Зализняк А.А., 2004. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995–2003 гг. М.: Яз. славян. культуры. 872 с.
- Исланова И.В., 1986. Сопки бассейна Мологи и Верхней Мсты // КСИА. Вып. 187. С. 65–75.
- Исланова И.В., 1997а. Бежецкий Ряд по археологическим материалам // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь. С. 21–38.
- Исланова И.В., 1997б. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.
- Исланова И.В., 2006. Верхнее Помостье в раннем Средневековье. М. 286 с.
- Левашева В.П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 207–252. (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблемы синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л. С. 118–153.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли, 1988. М. С. 29–98.
- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого IX раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород. С. 82–97.
- Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М. С. 198–216).
- Носов Е.Н., Плохов А.В., 1991. Поселение Золотое Колоно на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М. С. 117–149.
- Плетнев В.А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь. 519 с.
- Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М.: Наука. 149 с.
- Седов В.В., 1970. Новгородские сопки // САИ. Е1-8. М. 56 с.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.
- Спицын А.А., 1897. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. 9. Вып. 1–2.
- Уваров А.С., 1907. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. III–VI. М. 202 с.

- Ушаков Н.А.*, 1843а. О курганах Тверской губернии // Отечественные записки. Т. 31, кн. 11. С. 12–15.
- Ушаков Н.А.*, 1843а. О курганах Тверской губернии // Отечественные записки. Т. 31, кн. 12. С. 82–85.
- Фехнер М.В.*, 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 55–87. (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Чернягин Н.Н.*, 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6. С. 94–134.
- Успенская А.В., Фехнер М.В.*, 1956. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 139–253. (Тр. ГИМ. Вып. 32).
- Янин В.Л.*, 2001. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород. 151 с.

Архивные материалы

- Баталин А.А.*, 1906. Краткий отчет о раскопках А.А. Баталина в 1906 г. в Вышневолоцком уезде // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 74.
- Исланова И.В.*, 1990. Население бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты в VI–XIII вв. Дис... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2429.
- Исланова И.В.*, 2013. Отчет о разведочных работах в Осташковском, Вышневолоцком Удомельском и Калининском районах Тверской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2013.
- Леонтьев А.Е.*, 1979. Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7442.
- Половичук В.Д.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях курганных групп Зачека 1 и 2 в Максатихинском районе Тверской области в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 35339.
- Репман А.Х.*, 1951. Отчет об археологических работах // Архив ИА РАН. Р-1. № 544-546).
- Савельев П.С.*, 1847. Мухаммеданская нумизматика в отношении русской истории. Т. 1. СПб.
- Харитонов Г.В.*, 1974. Отчет о работе Калининского отряда ВВАЭ ИА АН СССР в Удомельском районе Калининской области в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5940.

**А.Е. Леонтьев, А.Л. Александровский,
Вал. В. Бейлекчи, А.В. Кашкин**

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ВЫЖЕГША В 2016 г.¹

A.E. Leontiev, A.L. Aleksandrovski, V.V. Beilekchi, A.V. Kashkin

EXPLORATION OF VYZHEGSHA FORTIFIED SETTLEMENT IN 2016

Summary. Field works performed in 2016 provided new information about the archeological monument. The area of the cultural layer turned out to be wider than it was thought (imagined) previously. The territory of settlements included not only limited top and central locations inside the ramparts, but also plot at the grounds of the cape. Traces of ancient hollows for tracks that connected parts of the hillfort were discovered. 14C dates are obtained and find of a “heraldic” plaque allowed reconsidering monument dating. The medieval settlement arose not in the 700s, as it was assumed, but at least a century earlier. As yet archaeological materials do not corroborate the existence of a settlement in the 10th century though such existence is valid according to the results of the radiocarbon analysis.

The existence of an early iron age settlement that preceded the medieval settlement is confirmed only by rare finds in pits and random finds. The cultural layer of the early iron age could not be found.

Ключевые слова: городище, топография, средневековье, культурный слой, стратиграфия, хронология, шурфы, бурение.

Keywords: hillfort, topography, middle ages, cultural layer, stratigraphy, chronology, test pits, drilling.

Памятник получил название одноименное с ближним населенным пунктом и находится в 0,8 км к юго-востоку от деревни на противоположном правом берегу р. Черной, правого притока р. Колокши, в свою очередь являющейся левым притоком Клязьмы (рис. 1). Ранее р. Черная именовалась также как деревня, сохраняя субстратный гидроним – Выжекша. Это название сохранялось на картах землепользования до недавнего времени. Речка небольшая, обладает узкой, слабо разработанной долиной с высокими, изрезанными оврагами берегами.

¹ Работы 2016 г. велись по проекту РГНФ № 16-01-18057 «Исследования городища Выжегша на р. Колокше в Юрьевском районе Владимирской области».

Городище было открыто В.П. Глазовым в 1972 г. (Глазов, 1973. С. 57). Известность оно получило после случайной находки в 1983 г. клада куфических монет середины IX в. (Фомин, 1988. С. 103–131). В 1984–1986 гг. был доследован участок находки монетного клада, где оказался еще один клад: стандартных слитков оловянисто-свинцового сплава, сокрытый, судя по обстоятельствам находки, в то же время. Разведочные раскопки были проведены на окраине центральной площадки, в результате которых были обнаружены следы средневекового поселения, а также следы заселения мыса в раннем железном веке. Результаты работ опубликованы (Леонтьев, 1988. С. 94–102; АКР, 1995. С. 286, 287. № 666; Леонтьев, 1996. С. 196–209).

Городище Выжегша является редким археологическим памятником VII–IX вв. н.э. По хронологии, многочастной структуре территории, разнообразию материалов памятник схож с известным, ныне не существующим, Сарским городищем, находившимся в 85 км северо-западнее, в бассейне оз. Неро. Другие объекты схожих характеристик в области Волго-Окского междуречья не известны.

Программа полевых исследований, предполагала выяснение современного состояния памятника, съемку нового топографического плана, уточнение состояния и стратиграфии культурного слоя разных участков его территории с помощью шурфов и ручного бурения, получение при этом образцов для последующих радиокарбонового и палинологического анализа. Также была запланирована разведка в окрестностях поселения для поиска синхронных археологических объектов (селищ, возможного могильника) и осмотра известных близко расположенных городищ бассейна р. Колокши.

Новый уточненный план памятника² с сечением горизонталей 1 м дал детальное представление о местоположении городища и позволил выявить ранее неизвестные особенности микротопографии его территории (рис. 1).

Городище занимает вытянутый, вдающийся в пойму гребневидный мыс, залесенного правого коренного берега р. Черной с общей ориентировкой с юга на север. С боковых западной и восточной сторон мыс ограничен низинами речной старицы, а в верхней склоновой части выположенными старыми оврагами. Западный склон на всем протяжении круче восточного. Длина мыса с учетом изгибов поверхности составляет около 480 м, перепад высот в пределах отн. 125–160 м балтийской системы высот (БСВ) – 35 м. Вся поверхность мыса в той или иной степени входила в границы средневекового поселения. По своему типу памятник относится к числу мысовых, но отличается некоторыми особенностями. Выделяются несколько частей общей освоенной территории.

Верхняя (напольная) площадка городища занимает присклоновую часть берега в основании мыса. С напольной стороны она ограждена валом и рвом. Длина укрепления, выходящего концами на склоны оврагов, около 60 м. Ширина вала по основанию 6–7 м, высота в среднем до 1 м. Уплотненная без очевидного гребня вершина вала подразумевает возможность устройства оборонительной стены по верху насыпи. Заплывший ров имеет глубину 0,5–0,7 м при ширине 4–5 м. Ближе к западному краю в укреплении сохранился въезд шириной 5 м в виде перемычки рва и проема в насыпи.

² Тахеометрическая съемка сотрудника ИА РАН П.Ю. Барабанова.

Понижаясь к северу, верхняя покатая площадка переходит в узкий перешеек длиной 40 м при средней ширине 10 м, который в дальнейшем расширяется, образуя вторую – основную (центральную) площадку городища. Доступ к ней на въезде закрывает второй – сопковидный вал. Его размеры по основанию 28×20 м, современная высота 3 м. Восточная сторона выходит на склон мыса, западная подрезана современной дорогой. На вершине – старая глубокая яма, существовавшая еще 30 лет назад, также, как и обширная выемка на внутренней стороне насыпи. На восточном склоне заметна траншея раскопок 1985 г., заложенная на месте прежней грабительской. Примечательно отсутствие видимых следов рва с внешней стороны вала. Около внутреннего склона вала заметно локальное всхолмление высотой до 1 м, поперечником 15 м. При очевидных склонах южной стороны северная пола возвышения, плавно снижаясь, сливается с окружающей поверхностью.

Центральная площадка городища имеет обусловленную рельефом трапециевидную форму. Ее длина от основания вала составляет около 120 м при ширине 20–50 м. Поверхность поката к северу по основной оси мыса с общим перепадом высот 10 м, а также, в меньшей степени, к боковым склонам. Площадь определяется в пределах 4500 кв. м.

В топографическом отношении особую часть площадки представляет ее северо-восточная оконечность. Небольшой примыкающий к восточному склону участок с примерными размерами 20×10 м, с обрывистыми границами, находится на 2 м ниже основной поверхности. Вероятно, современное состояние – результат древней эрозии поверхности. Именно в этом месте были найдены оба известных клада.

Далее склон становится круче, мыс поворачивает к северу и вновь сужается: на протяжении 50 м его ширина не превышает 10–15 м при перепаде высот 10 м. Затем, в уровне отметок 135–137 м БСВ, мыс поворачивает к западу. Здесь, в подножии, западный склон остается относительно крутым, а восточный склон становится пологим, образуя то, что можно назвать нижней площадкой городища. Ее длина составляет около 100 м при ширине по склону 25–40 м.

Краевой нижний участок мыса с незначительным возвышением в уровне отметки 128 м БСВ вновь поворачивает к северу, оканчиваясь при выходе в речную долину уступом высотой 4 м.

К антропогенным элементам микрорельефа помимо укреплений городища относится существующая дорога, проходящая вдоль мыса от напольной стороны до речной поймы. В настоящее время она заброшена, местами зарастает. Ширина полотна около 2,5 м. В советское время использовалась для вывоза сена с пойменного луга и как скотопрогон. При обустройстве дороги, очевидно, была использована техника для выравнивания поверхности на отдельных участках, что привело к образованию длинной рытвины и обнажению культурного слоя вдоль западного склона, ниже основной площадки в пределах отметки 131–145 м БСВ. Таким же образом поврежден участок центральной площадки на склоне к ее нижней северо-восточной части.

Сохранились также следы более древней дороги, проходившей восточнее существующей. Ее трасса читается по узким заплывшим выемкам, сохранившимся на склонах между площадками городища (рис. 1). Ширина выемок в верхней части до 1,8 м, глубина около 0,5 м. Нижний участок длиной 24 м, выходивший от ниж-

ней площадки, прерван в уровне отм. 135 м рытвиной, образовавшейся в результате упомянутого выше выравнивания трассы существующей дороги. Выше по склону продолжение выемки протяженностью 50 м прослеживается вплоть до северной оконечности центральной площадки. Еще один участок длиной 20 м, идущий параллельно существующей дороге, сохранился перед вторым валом на перешейке к напольной площадке.

Возможно, искусственное происхождение имеет выделяющаяся на склоне нижней площадки заплывшая западина размерами 13×7 м, глубиной до 0,6 м, похожая на остатки небольшого пруда.

Изменения в облик памятника внесли многочисленные грабительские разрытия последних десятилетий. Полностью перекопана пониженная северо-восточная оконечность центральной площадки. Траншея задела основание внутреннего склона первого вала. Многочисленные характерные выемки на месте выкопанных предметов и разновременные рытвины заметны на всей территории центральной площадки. Наиболее значительные разрытия отмечены на плане (рис. 1).

Для пространственной и высотной увязки участков исследования на поверхности мыса были установлены и отмечены на плане 4 репера: вбитые в землю железные стержни. Репер 1 на верхней (напольной) площадке с высотной отм. 158,6 м БСВ. Репер 2 в 104 м к СЗ от репера 1 на центральной площадке в 30 м за вторым валом с высотной отметкой 154,2 м. Репер 3 на центральной площадке в 56 м к СЗ от репера 2 с высотной отм. 152,2 м. Репер 4 на нижней площадке в 160 м к СЗ от репера 2 с высотной отм. 130,1 м. (см. рис. 1).

Для уточнения особенностей и стратиграфии культурного слоя, определения характеристик материковых отложений на территории городища было проведено бурение ручным буром с пробоотборником шириной 2 см на глубину до 1 м. 25 скважин (далее скв.) с шагом 20 м были заложены вдоль западного края проходящей по гребню мыса дороги – от напольной стороны перед внешним рвом до высокой поймы р. Черной. Еще 7 скважин пробурены в отдельных местах центральной площадки и в верхней части западного склона мыса в створе второго сопкивидного вала (рис. 1, 1–31)³.

Результаты бурения подтвердили отсутствие культурного слоя с напольной стороны от внешнего вала городища и позволили уточнить мощность и условия залегания культурного слоя на разных участках памятника (рис. 2). Был выявлен погребенный культурный слой на верхней и нижней площадках мыса, о существовании которого на этих участках ранее не было известно. Можно было предположить, что это отложения поселения р.ж.в., но шурфы показали их принадлежность средневековому городищу.

На центральной площадке культурный слой практически выходит на поверхность и имеет максимальную мощность (0,4–0,90 м). Зафиксированное в скв. 10 и 12 отсутствие культурного слоя может указывать на существование возвышения, возможно искусственного, на площадке городища.

На перешейке ниже центральной площадки культурный слой отмечен на протяжении не менее 40 м (скв. 14, 15) и отсутствует на участке, близком нижней площадке (скв. 16).

³ Работы вели С.С. Зозуля и В.С. Нефедов.

ВГ-16

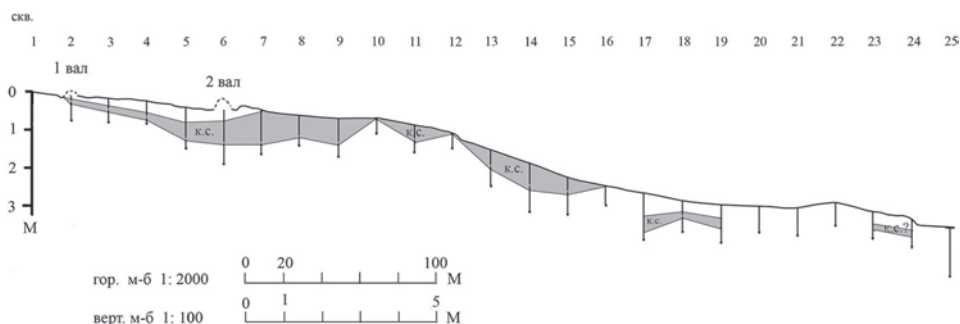

Рис. 2. Культурный слой городища по данным бурения

В верхней части мысового склона нижней площадки залегающий под делюви-ем на глубине 0,3–0,6 м культурный слой выражен слабее, его мощность до 0,3 м (скв. 17–19).

На краю мыса отмечены слабые следы культурного слоя или погребенной почвы на глубине 0,15–0,2 м. В северной оконечности мыса и в пойме р. Черной культурный слой отсутствует.

Бурение показало, что округлое возвышение на центральной площадке у подножия вала в своей основе имеет плотный моренный суглинок и, вероятно, имеет естественное происхождение.

На уплощенном участке верхней части западного склона городища также выявлен культурный слой мощностью до 0,5 м (скв. 31, 32), по-видимому, в основном смытый туда с площадки городища, но нельзя исключать и использование участка во время существования поселения.

Более точное представление об особенностях культурного слоя дали заложенные в разных частях памятника 9 шурфов. Все они были ориентированы по сторонам света, их местоположение нанесено на план и определено в геодезической системе координат, большинство имели стандартные размеры 1×1,5 м.

На нижней площадке в шурфе 1 под горизонтом лесной почвы залегала серая супесь культурного слоя толщиной до 0,35 м с обломками обожженных камней и единичными фрагментами кальцинированных костей. Керамика отсутствовала.

Шурф 8 в основании нижней площадки при выходе в пойму задумывался как «фоновый» для получения данных о характере естественных отложений за пределами распространения культурного слоя. Однако под тонким слоем лесной почвы и покровного серо-коричневого (бурого) суглинка на глубине 0,3–0,35 м от поверхности был обнаружен слой обожженных камней в черной углистой земле толщиной до 0,15 м. С этим слоем связаны находки фрагментов лепной неорнаментированной керамики.

В крайних частях центральной площадки шурфы 2 и 4 размерами 3×1 м и 2×1,5 м соответственно были заложены на месте грабительских ям с целью исследования испорченных участков. В обоих случаях раскопки показали наличие культурного слоя мощностью до 0,35 м, представлявшего собой темно-серый суглинок

с включениями камней и керамики, большей частью перекопанный. Сохранились материковые ямы времени жизни на городище. Состояние поверхности материка указывает на интенсивное использование участка в древности.

Для взятия образцов на радиоуглеродный анализ из основания сопки восточного вала была расчищена северо-восточная нижняя оконечность траншеи (1985 г.) (Леонтьев, 1985. С. 52, 53). Раскопки свелись к выемке переотложенного грунта. В верхнем слое оползшего грунта и старой засыпки найдены ромбовидный наконечник стрелы и фрагмент трехлопастного, а также заостренный железный стержень, похожий на черенок стрелы (рис. 3, 1–3). Трехлопастной наконечник (рис. 3, 3) относится к форме «килевидных узких» и может считаться датирующим, поскольку время бытования наконечников такого типа ограничивается VIII–IX вв. (Медведев, 1966. С. 60. Тип 18).

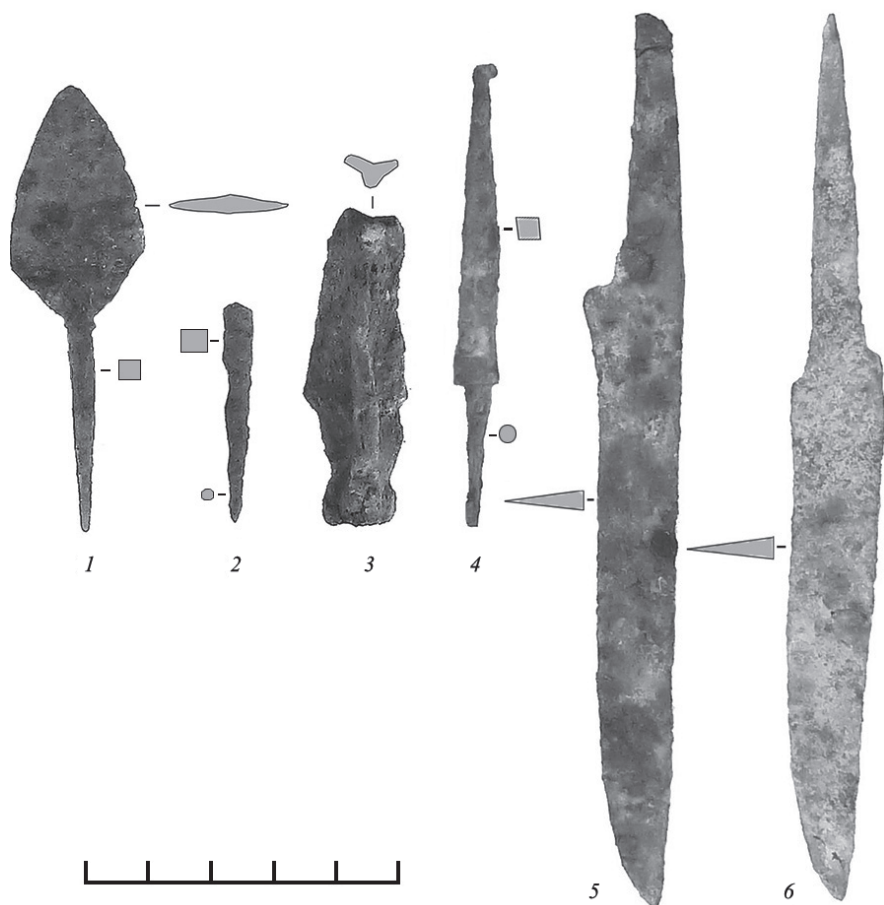

Рис. 3. Находки из шурфа 9 (1–3) и на восточном мысе (4–6): 1, 3, 4 – наконечники стрел; 2 – черенок стрелы (?); 5, 6 – ножи

Заложенный на перешейке между центральной и напольной площадкой для проверки данных бурения, шурф 5 показал наличие отложений времени городища на глубине 0,2 м под слоем покровного серо-коричневого суглинка. Ранее считалось, что территория между площадками лишена культурного слоя.

На верхней (напольной) площадке шурф у внутреннего склона первого (внешнего) вала выявил нетронутый культурный слой мощностью до 0,3 м. В залежавшей под лесной почвой темно-серой супеси было обнаружено скопление фрагментов лепной керамики, принадлежавших одному или двум сосудам. У восточной стенки на глубине 0,23–0,26 м выявилось скопление керамики, для расчистки которого была сделана прирезка размерами 0,3×0,1 м. Найденные фрагменты принадлежали одному или двум сосудам (рис. 4). В площадь шурфа частично вошла материковая яма размерами 0,55×0,45 м. В верхней части ямы находились два крупных камня и скопление фрагментов керамики, принадлежавших нескольким сосудам. В заполнении встречались обломки обожженных камней, угли, мелкие куски пачины.

Ниже городища в сновании мыса в створе второго вала были заложены два шурфа для поиска эрозионного шлейфа культурного слоя и для ознакомления с составом материковых грунтов. С восточной стороны (шурф 6) зафиксированы слои суглинистого грунта с естественной покатостью, отражающие существующую склоновую эрозию. С западной стороны (шурф 7) на глубине 0,25 м зафиксированы следы оползшего по склону культурного слоя.

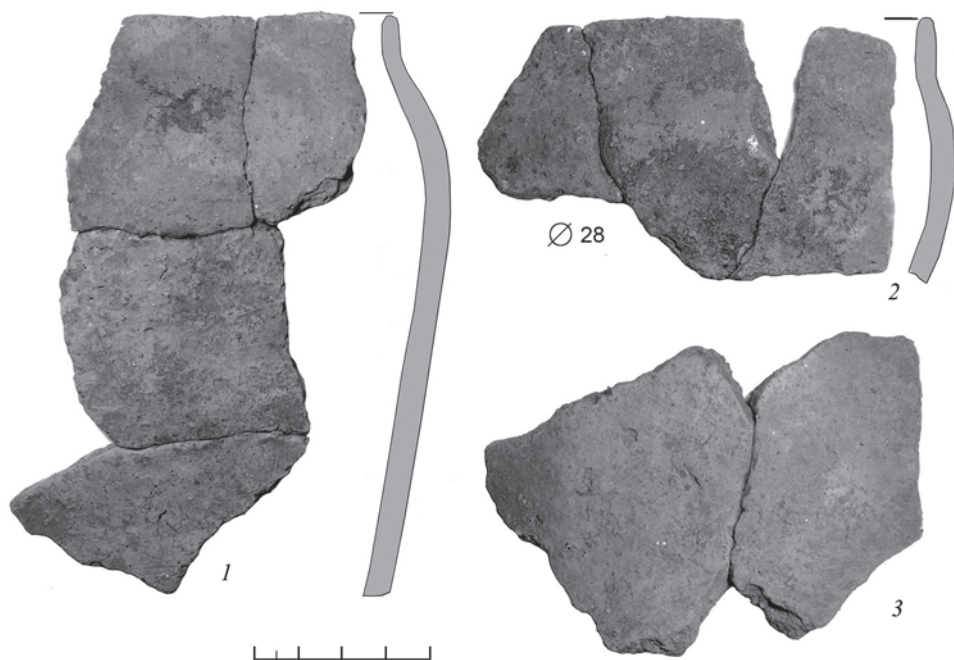

Рис. 4. Керамика шурфа 3

Проверочное обследование территории городища с помощью металлодетектора подтвердило и так заметную по многочисленным разрытиям картину ограбления памятника. Металл на всех площадках практически отсутствует. Сигналы на возможное наличие железных предметов фиксировались только в присклоновой части центральной площадки и ниже по восточному склону.

Единственная находка оказалась на поверхности. В средней части центральной площадки в 8 м к СВ от репера 2 в слое лесной подстилки была обнаружена серебряная поясная накладка с тремя медными шпеньками для крепления (рис. 5, 1). Она относится к изделиям т. н. «геральдического стиля» и на этом основании может быть датирована VII в. (*Обломский*, 2016. С. 45). Обстоятельства находки позволяют предположить, что вещь была утеряна грабителем. Также на поверхности, на склоне возвышения у второго вала, недалеко от дороги, была найдена сплюснутая тонкая пластинка белого металла (рис. 5, 2).

Специально с помощью металлодетектора и фиксацией мест находок был осмотрен участок грабительски разрытый в северо-восточной оконечности центральной площадки. В результате обнаружены обломки двух швейных игл, фрагменты ланцетовидного, трехлопастного и двушипного наконечников стрел, обломки ключа (?), ножа и лезвий двух топоров, кузнечной поковки в виде плоского куса железа подпрямоугольной формы и других железных предметов (рис. 5, 3–15). Всю коллекцию можно характеризовать как железный лом, возможно, собранный для дальнейшей переработки. С другой стороны, это находки, не представлявшие интереса для грабителей.

На поверхности была обнаружена половина подковы с одним сохранившимся на своем месте гвоздем (рис. 5, 18). От современных она отличается меньшими размерами, относительно тонкой пластиной и отсутствием шипа (выступа) в центре дуги. Аналогии в археологических материалах не известны. Учитывая датировку городища, подкову можно было бы считать самой ранней из известных на территории будущей Древней Руси. Однако, обстоятельства находки – на разрытом участке поверх культурного слоя – не исключают вероятности ее использования в более позднее время.

На восточном склоне мыса, ниже обследованного участка, в оплывшем культурном слое были найдены два двушипных наконечника стрел с прямоугольным и плоским сечением черешка (рис. 5, 16, 17) – вещи, относящиеся к периоду поселения раннего железного века и характерные для периода I в. до н.э. – III в. н.э. (*Кренке*, 2016. С. 267. Рис. 4).

В 2016 г. была обследована ближайшая окрестность городища на протяжении 1 км вверх и вниз по течению р. Колокши. В современном состоянии побережье занято вторичным листовенным лесом возрастом от 50 до 100 лет. Установлено, что в прошлом край коренного берега к СВ в сторону долины р. Колокши практически везде распахивался. Местами на самом краю коренного берега в современном рельефе читается краевой вал старой пашни (напашь). Результат палинологического анализа образца культурного слоя городища допускает возможность существования пашни поблизости от поселения (см. статью А.А. Трошиной в настоящем сборнике). Но обнаруженные следы распашки скорее с недавним прошлым, когда в 1 км северо-восточнее городища существовала небольшая деревня.

Новых памятников обнаружено не было, но благодаря использованию металлодетектора в 170 м северо-восточнее городища порознь были найдены два ножа и наконечник стрелы времени существования поселения. Место находки представляет собой верхнюю часть заросшего кустарником и редкими деревьями берегового мыса, поперечником около 60 м с ощутимо покатой поверхностью к северу в сторону реки. Шурф, заложенный на месте находки одного из ножей, показал отсутствие культурного слоя. Предметы можно считать попавшими в землю случайно, но в некоторых случаях такого рода находки могут указывать на возможное существование грунтового могильника.

Нож с прямой спинкой (рис. 3, 5) типичен для древностей мери и муромы (Леонтьев, 1996. С. 103–110). Второй экземпляр со сдвинутым относительно нижнего верхним уступом черенка (рис. 3, 6) похож на местное подражание появившимся в обиходе трехслойным ножам. Удлиненный квадратного сечения наконечник стрелы представляет распространенную на протяжении 1–2-го тыс. н.э. вплоть до XIV в. форму бронебойных наконечников (Медведев, 1966. С. 83. Тип 90). Особенностью найденного экземпляра является острое, согнутое от удара о твердую поверхность (рис. 3, 4).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследованы почвы в шурфах 1–5, выполнен комплекс почвенных и радиоуглеродных анализов.

На верхней площадке городища и местами на перешейках (имеющих форму гребня, опускающегося к нижней площадке) поверхностные отложения представлены маломощными покровными суглинками, на которых под лесной растительностью в позднем голоцене были сформированы дерново-подзолистые почвы. В результате эрозионных процессов, преимущественно проходивших до появления городища, были обнажены подстилающие породы – глины, валунные отложения и пески. В связи с этим почвы также характеризуются пестрым составом. Поверхность городища занята лесом из березы и дуба с подростом из липы и клена.

Шурф 1. Расположен в северной оконечности гребня на нижней площадке, наклоненной к северу и немного возвышающейся над поймой р. Черной. В северной стенке раскопа в профиле почвы выделяется прогумусированный слой 30 см (культурный слой), темно-серого цвета, представленный опесчаненным суглинком. Верхняя его часть мощностью около 10–15 см, с хорошо выраженной зернистой структурой является современным гумусовым горизонтом A1. В нижней части слоя, на глубине около 30 см выделяется более темная углистая прослойка мощностью 4–5 см. Из него взят образец для радиоуглеродного датирования. Ниже располагается серовато-белесый суглинок – подзолистый горизонт EL (30–45 см), еще ниже – бурый суглинистый иллювиальный горизонт Bt (45–60 см).

Шурф 2. Центральная площадка городища на месте грабительской ямы. Из нетронутого заполнения материковой ямы 2 отобран образец для радиоуглеродного датирования.

Шурф 3. Находится на верхней площадке городища, недалеко от вала. Здесь встречаются археологические материалы VIII–XIX вв. н.э. Сверху залегают гори-

зонт Апах, мощностью 20–25 см, серо-бурого цвета, легкосуглинистый. Имеет характерную для пахотных горизонтов относительно ровную нижнюю границу с резким переходом к нижележащему горизонту. На глубине 20(25)–35 см залегает подзолистый горизонт EL, более легкого состава, ниже – иллювиальный горизонт Bt, более глинистый и плотный, с включением валунов, гальки и щебня. В юго-западной части шурфа обнаруживается небольшая яма, опущенная до глубины 45 см, с углистым заполнением (уголь отобран для датирования).

Шурф 4. Расположен на центральной площадке городища, на ее западной окраине, в верхней части склона западной экспозиции. В шурфе вскрыта почва с мощным, в ямах до 45–50 см, культурным слоем темно-серого к черному цвета. Подзолистый горизонт был смыт или срезан, и культурный слой лег на иллювиальный горизонт ярко-бурого цвета, тяжелосуглинистого состава. Из верхнего горизонта A1 (0–15 см) и из нижней части культурного слоя (45 см) отобраны образцы для анализов и угли для датирования.

Шурф 5. Расположен между шурфом 4 и верхней площадкой городища. Слабый уклон к северо-западу. Под делювием серо-бурого цвета мощностью 25 см, возможно связанным с распашкой, лежит погребенная дерново-подзолистая почва, профиль которой представлен горизонтами: A1 25–38 см, темно-серый, переход к нижележащему резкий; EL 38–50 см, серовато-белесый суглинок опесчаненный с валунами; Bt 50–75 см, иллювиальный горизонт. Резкий переход от гумусового горизонта A1 к подзолистому напоминает основание пахотного горизонта, однако в других стенках раскопа данное явление отсутствует и, поэтому, можно сделать вывод о переотложенном характере гумусового слоя, попавшего на срезанную поверхность почвы в результате деятельности человека.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ

Анализ проб из шурфов на каждой площадке городища Выжегша, дал возможность получить первые для городища радиоуглеродные даты⁴ (табл. 1).

Таблица 1. 14C даты из шурфов 1, 3, 4

Образец	Материал	Лабораторный номер	Дата, ВР	Калиброванный возраст, BC/AD	Хронологический интервал
Шурф 3. яма. Верхняя площадка	уголь	Ki-19222	1230 ± 60	1σ	VIII–IX вв. н.э.
Шурф 4. Гл. 45 см Центральная площадка	уголь	Ki-19221	1120 ± 60	1σ	IX–X вв. н.э.
Шурф 1. Гл. 30 см Нижняя площадка	почва	Ki-19234	1110 ± 60	1σ	IX–X вв. н.э.

⁴ Анализ Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины.

Все три даты укладываются в период VIII–IX вв. По возрасту близки даты образцов центральной и нижней площадки, на столетие старше дата, полученная из шурфа 3 на верхней площадке. Интервалы калиброванного возраста при вероятности 68,3% (1) дают интервал VIII–X вв., а при вероятности 95% (2) еще больше расширяют хронологический диапазон вероятного существования поселения: от второй половины VII в. до начала XI в. Вместе с тем, протяженность полученных хронологических интервалов (табл. 1), определяется исключительно физической (аппаратурной) ошибкой измерения и не может точно характеризовать продолжительность существования того или иного датированного объекта и поселения в целом. В действительности продолжительность функционирования поселения или отдельной его части может быть и короче, и продолжительнее интервала, полученного по результатам измерения. В каждом конкретном случае мы имеем набор угольков, возможно сформировавшийся в течение короткого интервала времени, но точность измерения такова, что интервал вероятного возраста образца получается достаточно продолжительным.

Даты по углю (шурфы 3, 4) и общему органическому веществу почвы (по принятой методике датирования почв, шурф 1) оказались сходными. Это связано с малым участием в составе почвенной массы нижнего темного прослоя культурного слоя шурфа 1 гумуса естественного происхождения. В большей степени дата отражает находящийся здесь достаточно в большом количестве антропогенный дисперсный уголь, который постепенно гумифицируется и пополняет пул почвенного углерода.

ДАННЫЕ ФОСФАТНОГО АНАЛИЗА

Для исследования культурного слоя широко используются методы анализа физического и химического свойств, разработанные в почвоведении. Фосфатный анализ давно и успешно применяется для диагностики культурного слоя (Сычева и др., 2004). По образцам из культурного слоя городища Выжегша анализы выполнены в химической лаборатории Института географии РАН. Результаты даны в % содержания оксида фосфора – P_2O_5 (табл. 2).

Таблица 2. Содержание фосфора в почвах и культурном слое

№	Образец: шурф, стенка, горизонт. Глубина в см	Характер горизонта	P_2O_5 , %
1	Ш1сев, А1. 5.	ТСС	0.19
2	- « -, КС. 30.	прослойка ТСС	0.12
3	Ш2. Я2		0.38
4	Ш3ю-з, КС. 43	Углистый прослой, яма	0.39
5	Ш4сев, 5	ТСС	0.33
6	- « -, 45	ТСС	0.87
7	Ш5, А1. 35	СС	0.12

А1 – гумусовый горизонт; КС – культурный слой; Апах – пахотный горизонт. ТСС – темно-серый суглинок; СС – серый суглинок

В целом его содержание повышенное, особенно в шурфе 4. В погребенном гумусовом горизонте из шурфа 5 содержание фосфора невысокое, что свидетельствует об отсутствии остатков кости на данном участке.

В большинстве случаев, несмотря на большой возраст поселения, сохранность фосфора высокая. Это свидетельствует о присутствии в культурном слое остатков кости. Основу кости составляет устойчивый минерал – апатит (фосфат кальция). При его активном поступлении, в том числе при сжигании кости, высокое содержание фосфора может сохраняться в почве тысячелетиями. Другие источники поступления фосфора (зерно, навоз и т.п.) не дают столь устойчивых форм фосфатных соединений, как апатит. Об этом свидетельствуют результаты исследований культурного слоя бронзового века поселения Песочное 1 на побережье оз. Неро, насыщенного остатками кости и сохранившего высокое содержание P_2O_5 (до 10%) (Александровский и др., 2013).

О влиянии человека на почву в шурфе 1 можно говорить в связи с морфологическими признаками присутствия культурного слоя в виде мощной темной прокраски и углистого прослоя в его основании. О том же свидетельствует радиоуглеродный возраст углистого прослоя, близкий к таковому, полученному по углю из явных археологических объектов в шурфах 3 и 4. Вместе с тем, в отличие от тех же шурфов 3 и 4, содержание фосфора здесь невысокое, незначительно превышающее природный фон (табл. 2). В археологическом описании культурного слоя шурфа 1 обломки кости присутствуют, однако содержание фосфора в нём невелико. Видимо в связи с неравномерным распределением кости она могла не попасть в состав проанализированных почвенных образцов.

Исследования 2016 г. добавили новую информацию о памятнике. Область распространения культурного слоя оказалась шире, чем представлялось ранее. Территория поселения включала не только ограниченные валами верхнюю и центральную площадку, но и участок в основании мыса. Обнаружены выемки древней дороги, соединявшей площадки, но ее возраст еще предстоит выяснить. Полученные $C14$ даты и находка «геральдической» бляшки позволили пересмотреть датировку памятника. Средневековое городище возникло не в VIII в., как предполагалось, а, по крайней мере, столетием раньше. Допустимое по результатам радиоуглеродного анализа существование поселения в X в. археологическими материалами пока не подтверждается. Однако достаточно определенно можно сказать, что к началу массового древнерусского освоения Суздальского Ополья, жизнь на городище прекратилась. Памятники X–XI вв. в правобережье р. Колокши пока не известны (Макаров, 2012. С. 195–211. Рис. 2).

Существование предшествующего поселения эпохи р.ж.в. в исследованиях 2016 г. подтверждается только редкими находками сетчатой керамики в шурфах центральной площадки и двушипных наконечников стрел в подъемном материале. Сохранившегося культурного слоя этого периода обнаружить не удалось.

Литература

- АКР. Владимирская область / отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И. и др., 2013. Почвенно-геохимические методы изучения стратиграфии многослойных доисторических памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь. С. 79–91.
- Глазов В.П., 1972. Работы во Владимирской области и г. Суздале // АО. М., 1973. С. 57–58.
- Кренке Н.А., 2016. Позднелужицкая культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН.
- Леонтьев А.Е., 1988. Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. С. 94–102.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья. Вып. 4. М.: Геоэко.
- Макаров Н.А., 2012. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда. С. 194–211.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. Вып. Е1-36. М.
- Обломский А.М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.
- Сычева С.А., Леонова Н.Б., Александровский А.Л. и др., 2004. Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений, М.: НИИ-Природа. 162 с.
- Фомин А.В., 1988. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. С. 103–131.

Архивные материалы

- Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. № 11033.

А.А. Трошина

РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ОБРАЗЦОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА ВЫЖЕГША

A.A. Troshina

THE RESULTS OF SPORE-POLLEN ANALYSIS OF SAMPLES OF THE CULTURAL LAYER OF THE SETTLEMENT, VYZHEGSHA

Summary. The author examines the results of spore-pollen analysis of samples obtained in a study in 2016 of a settlement, Vyzheksha of the second half of the I millennium AD, located to the South of the city Yuriev-Polskoy.

As a result, the conclusions about the nature of the vegetation in the neighborhood of the settlement are made. Probably, the landscape had a semi-open character, on the territory adjacent to the settlement grows the broad-leaved woods with birch. Perhaps, the forest clearings overgrown with birch and hazel. This paper gives a comparison of the results with materials occurring from Suzdal Opolye. As a result, the author comes to the conclusion that samples from the layer of the settlement Vyzheksha are similar to the data of an incision in the village Ves 5 in Opolye, but on the first site higher proportion of tree species (and therefore less reconstructed area of open space) and also a higher percentage of pollen grains. Probably, such a picture is associated with less development of this area compared to Suzdal Opolye, though it is too early to speak about it definitely.

Ключевые слова: городище, спорово-пыльцевой анализ, растительность, средневековье, культурный слой.

Keywords: settlement, spore-pollen analysis, vegetation, medieval cultural layer.

В ходе исследований городища Выжегша в Юрьев-Польском районе Владимирской области по проекту РГНФ № 16-01-18059 в шурфе 5 были отобраны образцы грунта для проведения палинологического анализа. Шурф располагался на западном склоне перешейка от внешней площадки городища к центральной.

В профиле восточной стенки было выделено 4 слоя:

- 0–30 см – суглинок светло-бурый (делювий);
- 30–36 см – суглинок темно-коричневый (культурный слой);

- 36–44 см – подзолистый горизонт;
- ниже – красновато-бурый суглинок (археологический материк).

На спорово-пыльцевой анализ было отобрано два образца из культурного слоя. Оба образца характеризуются сходным составом пыльцы и спор и объединяются в единый комплекс (рис. 1).

Доля пыльцы древесных растений составила 54–57%, травянистой растительности – 30–33%, спор – 13%.

В группе древесных пород преобладает пыльца березы (*Betula*), а также велика совокупная доля пыльцы широколиственных деревьев, представленных липой (*Tilia*), дубом (*Quercus*) и вязом (*Ulmus*). В меньшей степени представлена пыльца сосны (*Pinus*) и ольхи (*Alnus*). Пыльца ели (*Picea*), ивы (*Salix*) и клена (*Acer*) единична.

В группе травянистых растений высока доля участия пыльцы злаков (*Poaceae*), среди которой встречены образцы крупных размеров. Они могут быть отнесены к культурным формам. Доля пыльцы разнотравья в сумме также велика, встречены пыльцевые зерна лютиковых (*Ranunculaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*), колокольчика (*Campanula*). Отметим присутствие в спектрах пыльцы растений, свидетельствующих об антропогенном воздействии: это крапива (*Urtica*), подорожник (*Plantago*), щавель (*Rumex*). Важными маркерами пожаров являются пыльцевые зерна иван-чая (*Onagraceae*), а также споры мхов антоцероса (*Anthoceros*) и сфагнома (*Sphagnum*). Их присутствие в спорово-пыльцевом комплексе указывает на происходившие в округе лесные пожары, которые могли быть связаны с подсечной системой земледелия.

Для большей наглядности была построена также сокращенная спорово-пыльцевая диаграмма, в которой таксоны сгруппированы согласно их экологии (*Poska et al.*, 2004; *Ершова, Кренке*, 2014), а также подсчитана сумма пыльцы широколиственных пород. В группу рудеральных видов (растений нарушенных биотопов, связанных с деятельностью человека (пашни, пастбища и т.д.), попали сем. маревых (*Chenopodiaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гречишных (*Polygonaceae*), пыльца щавеля (*Rumex*), крапивы (*Urtica*), подорожника (*Plantago*), полыни

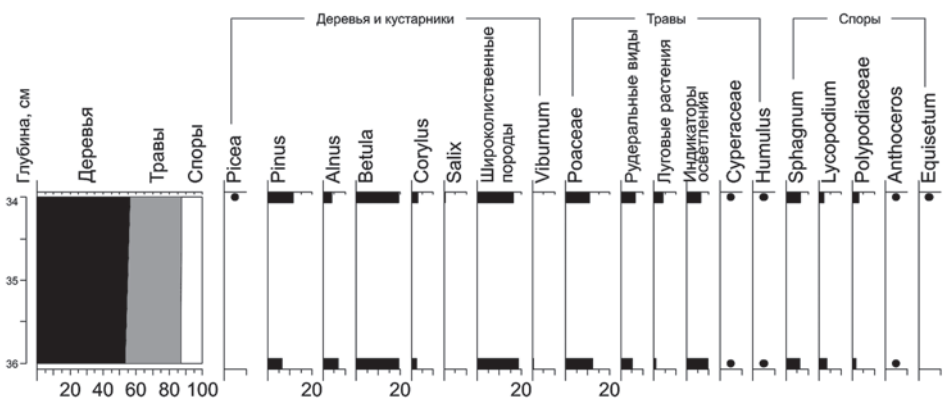

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма по шурфу 5 городища Выжегша

(*Artemisia*) и иван-чая (*Onagraceae*). Среди луговых растений в образцах отмечена пыльца сем. бобовых (*Fabaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*) и рода колокольчик (*Campanula*). Наконец, группа общих индикаторов освещения объединила представителей таких семейств, как зонтичные (*Apiaceae*), сложноцветные (*Asteraceae*), яснотковые (*Lamiaceae*), гвоздичные (*Caryophyllaceae*). На сокращенной диаграмме видно, что доля видов-индикаторов освещения и рудеральных видов достаточно высока.

Таким образом, по результатам спорово-пыльцевого анализа можно сделать предварительные заключения о растительном покрове округа городища во время его функционирования. Вероятно, ландшафты носили полуоткрытый характер; на территориях, примыкающих к поселению, произрастали широколиственные леса с березой. Возможно, березой и орешником зарастали вырубki.

Данная картина, безусловно, нуждается в уточнении, поскольку образцы культурного слоя могут дать информацию о локальной растительности. Для реконструкции динамики растительного покрова и ландшафтов требуется дополнительная работа с естественными разрезами.

Накопленный материал по ландшафтам конца I тыс. н.э. для исследуемой территории остается немногочисленным. Однако в нашем распоряжении имеется комплексное исследование, проведенное в рамках проекта «Культурный ландшафт Суздальского Ополя» (Алешинская и др., 2008). Эта территория находится в нескольких десятках километров от городища Выжегша и в схожих ландшафтных условиях. В ходе работ по проекту были собраны спорово-пыльцевые материалы из нескольких микрорегионов, в том числе из естественных разрезов и археологических памятников. Особую ценность имеет естественный разрез у с. Весь, где имеются археологические материалы конца I тыс. н.э. и серия радиоуглеродных дат. Согласно данным спорово-пыльцевого анализа участки, занятые лесом, преобладали во второй половине I тыс. н.э. на данной территории; основными лесообразующими породами являлись сосна, ель и береза. Широколиственные породы играли существенную роль в древостое лишь в начале I тыс. н.э. Авторы связывают смену коренных смешанных лесов на березовые с деятельностью человека в этот период (Алешинская и др., 2008. С. 43). Также в ходе исследования был получен материал из культурного слоя селища Весь 5, который датируется концом IX–X вв. Здесь наблюдается другая обстановка: открытые ландшафты безусловно преобладают, а древесная растительность в основном представлена липой (возможно, с участием сосны). Вырубki в округе способствовали произрастанию березы.

С чем связаны столь существенные различия в данных двух разрезов? В первую очередь, конечно, это связано с источником спорово-пыльцевых комплексов. Как известно, естественные «ловушки» пыльцы (болота, торфяники и другие влажные участки) несут в себе главным образом сигнал о региональной растительности, т.е. аккумулируют пыльцу с обширной территории. Разрезы из культурного слоя археологических памятников содержат информацию о локальном растительном покрове, который сильно отличается от зонального.

Таким образом, образцы из слоя городища Выжегша сходны с данными разреза на селище Весь 5, однако на первом памятнике выше доля древесных пород (и, соответственно, меньше реконструируемая площадь открытых пространств), а

также выше процент пыльцы злаков. Вероятно, такая картина связана с несколько меньшей освоенностью этой территории по сравнению с Суздальским Ополем, хотя однозначно об этом судить рано. Н.А. Кренке, работая на Москве-реке, реконструирует «очаговый» характер аграрного ландшафта, т.е. открытые ландшафты, преобразованные человеком, не были сплошными (правда, речь идет о несколько более раннем времени) (Кренке, 2011). Поэтому разрезы на памятниках и фоновые будут сильно отличаться. И.И. Еремеев и О.Ф. Дзюба в работе по Приильменью (Еремеев, Дзюба, 2010) связывают деградацию широколиственных лесов с вырубками. Там они начались не позднее третьей четверти I тыс. н.э. Возвращаясь к разрезу на городище, можно предварительно заключить, что по сравнению с поселениями Суздальского Ополя конца I тыс. н.э. пресс на коренные ландшафты округа Выжегши был не так силен.

Литература

- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., 2008. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. С. 35–47.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 670 с.
- Ершова Е.Г., Кренке Н.А., 2014. Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки методами палинологии и археологии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. № 3. С. 159–172.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Poska A., Saarse L., Veski S., 2004. Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. Vol. 209. P. 37–50.

А.Н. Федорина

ГРУППА ПАМЯТНИКОВ КИБОЛ 2–3–4 ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2002–2014 гг.

A.N. Fedorina

GROUP OF THE SITES KIBOL 2–3–4 ON THE RESULTS OF EXPLORATION OF 2002–2014

Summary. The paper is a publication of materials of the complex of archaeological sites at the village of Kibol 2–3–4 that are part of one of the most well-examined components of the crossing of the medieval resettlement in the district of Suzdal. The aim of the study was to show the possibility of fractional reconstruction of development the settling platform based on large series of lifting material.

Ключевые слова: Суздальское Ополье, средневековое расселение, Кибол 2–4.

Keywords: medieval settlement, Suzdal Opolye, planning, material culture

Многолетнее обследование памятников Суздальского Ополья позволило получить внушительную коллекцию предметов и керамики эпохи Средневековья. Введение в научный оборот материалов отдельных поселений и комплексов археологических памятников представляется наиболее актуальной задачей.

Одним из наиболее интересных узлов средневекового расселения в непосредственной округе г. Суздаля является скопление памятников у села Кибол. Здесь на небольшом участке русла реки Каменки зафиксировано скопление из 14 селищ с материалами I–II тыс. н.э. Материалы раскопочных работ на отдельных памятниках в той или иной мере опубликованы: наиболее изученными в настоящий момент являются селища Кибол 5 (*Шполянский*, 2007а) и Кибол 1 (*Лапшин*, 2012).

В данной работе речь пойдет о скоплении памятников, расположенных на южной оконечности куста поселений. Здесь в 1980 году В.П. Глазовым было зафиксировано три отдельных пятна культурного слоя, содержавших массовый материал различных хронологических периодов. Эти участки получили наименования: древнерусское селище «Кибол-II», мерянское селище «Кибол-III», селище дьякова типа «Кибол-IV» (АКР. С. 265).

Изучаемая группа памятников расположена на высоком правом берегу р. Каменки, правый приток р. Нерль Клязьменская (рис. 1). Северная граница памятника обусловлена конфигурацией берега сильно меандрирующей реки. На западе граница распространения культурного слоя доходит до края береговой террасы, не спускаясь в пойму реки с многочисленными старицами. На востоке площадка ограничена выраженным оврагом, спускающимся к реке. В напольную сторону граница распространения культурных слоев отстоит на 75–100 метров. В центральной части расположен выположенный овраг, пересекающий площадку в направлении юго-запад – северо-восток. Общая площадь, занятая культурными напластованиями, составляет 14,93 га. Юго-восточная половина площадки распахивается, северо-западная задернована и используется как луг. В центральной части площадки расположены остатки фермы (навес, силосная яма) и подъездная, когда-то асфальтированная, дорожка; на юго-западе расположен скотомогильник. Культурный слой в распахке представляет собой серый гумусированный суглинок с фрагментами керамики, костей животных и камней с термическими сколами.

В 1980 г. В.П. Глазов собрал подъемный материал на отдельных незадернованных участках, а также заложил два шурфа площадью по 1 кв. м и зачистку вдоль края поля. Обращение к архивному материалу показывает, что выделение изолированных пятен слоя с разными культурно-хронологическими характеристиками носило несколько произвольный характер. Так, лепная керамика с сетчатой поверхностью, соотнесенная с дьяковскими древностями, содержалась в коллекции, собранной на участке «мерянского селища Кибол-III», в то время как с площадки, выделенной как «дьяковское селище Кибол-IV» происходит значительное количество фрагментов круговой посуды характерной для XII–XIII вв., основное скопление которых было выделено как древнерусское селище «Кибол-II» (Глазов, 1981).

Работы на памятниках были возобновлены в 2002 г., когда была проведена шурфовка на задернованной части. Близость памятника к городу и его транспортная доступность сделали его жертвой грабительской активности: площадка селища изъедена «закапушками». Было принято решение провести планомерный сбор вещевого материала на незадернованных участках культурного слоя (3 сезона обследований: 2007, 2008, 2014). Также в полевом сезоне 2014 г. в рамках подготовки современной учетной документации была проведена шурфовка вдоль границ пятен культурного слоя, а также в буферных зонах, зачистка обнажения берега и сбор массового керамического материала. Отметим, что сбор подъемного материала как визуальный, так и приборный, затруднен, в связи со значительным количеством более позднего материала на поверхности памятника, отложившегося в ходе функционирования фермы, часть зданий которой расположена на территории объектов археологии.

В результате проведенных работ получена представительная археологическая коллекция (82 предмета и 1860 фрагментов керамической посуды), что позволило уточнить границы распространения отдельных типохронологических групп материала.

Сбор массового материала, в первую очередь в буферных зонах, проводился тщательно и достаточно полно, что позволило подтвердить взаимное наложение материалов разных эпох. Так фрагменты сетчатой лепной керамики I тыс. до

н.э. – начала I тыс. н.э. представлены как в центральной, так и в северной и восточной частях площадки (участок 1, зачистка 1/2014, шурф 3/2014, шурф 10/2014). Материал в значительной степени фрагментирован и встречается в переотложенном состоянии, что не позволяет уточнить время функционирования поселения. Тем не менее, собранный материал корректирует представления о слабой освоенности и малых размерах памятников железного века в регионе. К сожалению, без проведения раскопок невозможно уточнить характер хозяйственного освоения этой территории.

Схожая картина наблюдается и в распространении других типо-хронологических групп материала. Рассмотрим их по отдельности.

Лепная керамика с высоким плавно отогнутым венчиком, с заглаженной и гладкой поверхностью, бытовавшая в широком хронологическом диапазоне второй половины I – начале II тыс. н.э., представлена 600 фрагментами (рис. 2, 3). В пределах второй половины I тыс. н.э. датируется небольшая серия лепной керамики с лощеной поверхностью (около 50 фрагментов). По своим морфологическим и технологическим характеристикам близка посуде из раскопок селищ Кибол 1 и Кибол 7 (Лапшин, 2012). Сузить датировку этого керамического комплекса, а также оценить динамику хозяйственной активности невозможно, так как обсуждаемая керамика происходит преимущественно из сборов и пахотного горизонта. Три комплекса (развал сосуда около открытого очажка в шурфе 4/2014 и две столбовые ямы с единичными фрагментами горшков шурфа 10/2014) не содержат дополнительных материалов. Лепная керамика с заглаженной и гладкой поверхностью в сборах преобладает на восточном и южном участках площадки (участки № 0–8). Материалы шурфов (шурфы 2002 года, а также шурфы 2014 года № 4, 6, 8, 9, 11) и береговой зачистки в северной части позволили скорректировать эту картину: на площадке, ранее выделявшейся как **древнерусское селище «Кибол-II»**, слои, содержащие лепной керамический материал в значительной степени перекрыты отложениями с круговой керамикой XII–XIII вв.

Совместно с керамикой с заглаженной поверхностью встречалась лепная посуда с коротким слабо отогнутым венчиком с грубой или шероховатой поверхностью (около 50 фрагментов), датируемая в пределах второй половины I тыс. – нач. II тыс.

Общая площадь распространения средневековой лепной керамики – 13 га. Она отсутствует только в шурфах на крайней юго-западной окраине поселения. Уточнить равномерность освоения площадки и динамику границ на рубеже тысячелетий собранные материалы не позволяют, так как на западной половине площадки материал происходит из кротовин и небольших разрывов, а на восточной – с распахиваемой поверхности, т.е. полученные серии не сопоставимы. Тем не менее, не удалось выявить значительных пространственных лакун. Весьма вероятно, что в период конца I – начала II тыс. н.э., в эпоху формирования древнерусского государства, рассматриваемая группа памятников – крупнейшая освоенная площадка в Кибольском кусте поселений.

Выводы, полученные на массовом материале, подтверждаются при обращении к вещевой коллекции, собранной на распаханной поверхности и в шурфах. Древности I тыс. н.э. представлены в коллекции двумя глиняными биконическими

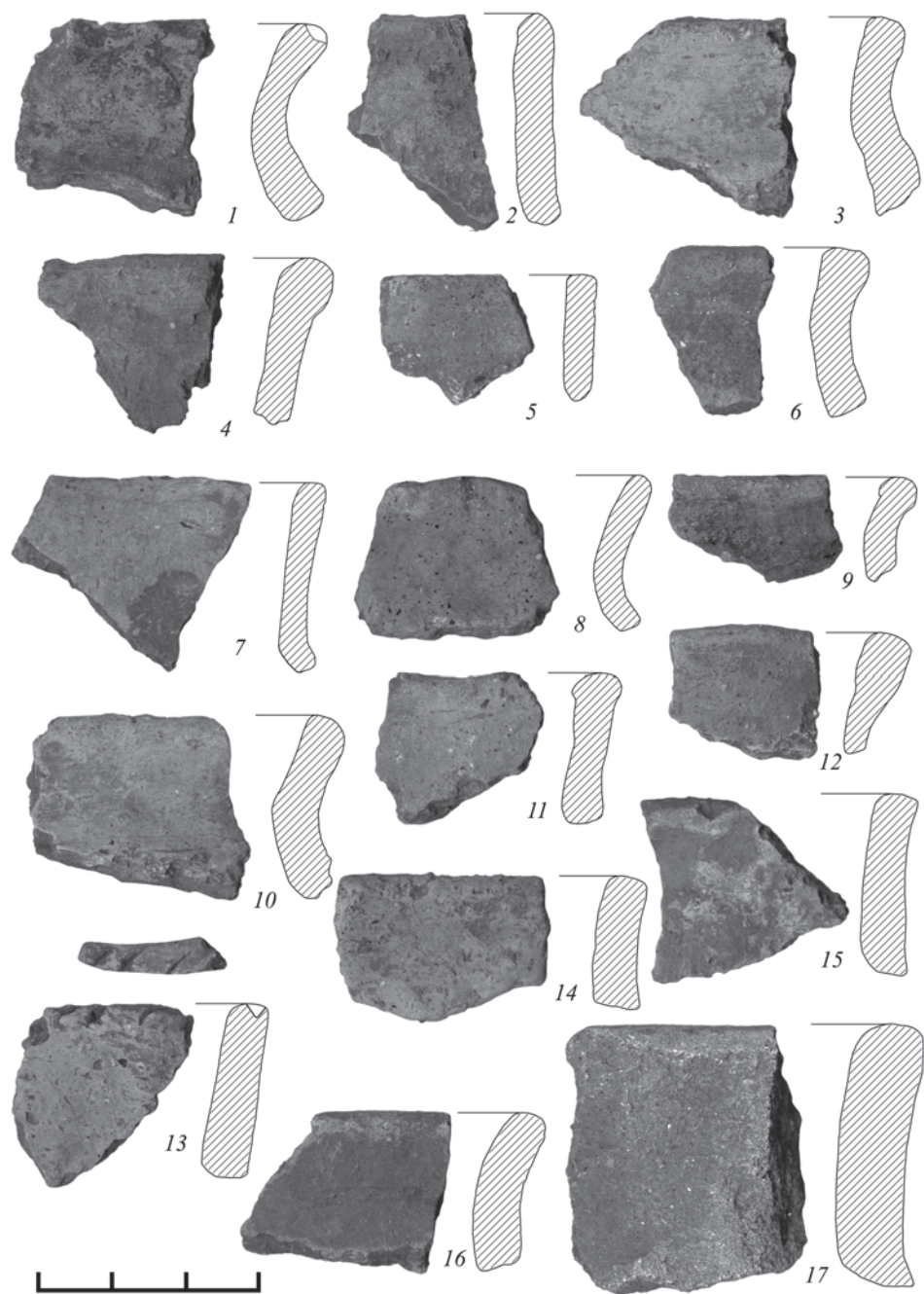

Рис. 2. Лепная керамика из сборов на поверхности: 1–6 участок 1, 7 – участок 2, 8 – участок 3, 9–12 – участок 5, 13–17 – участок 8

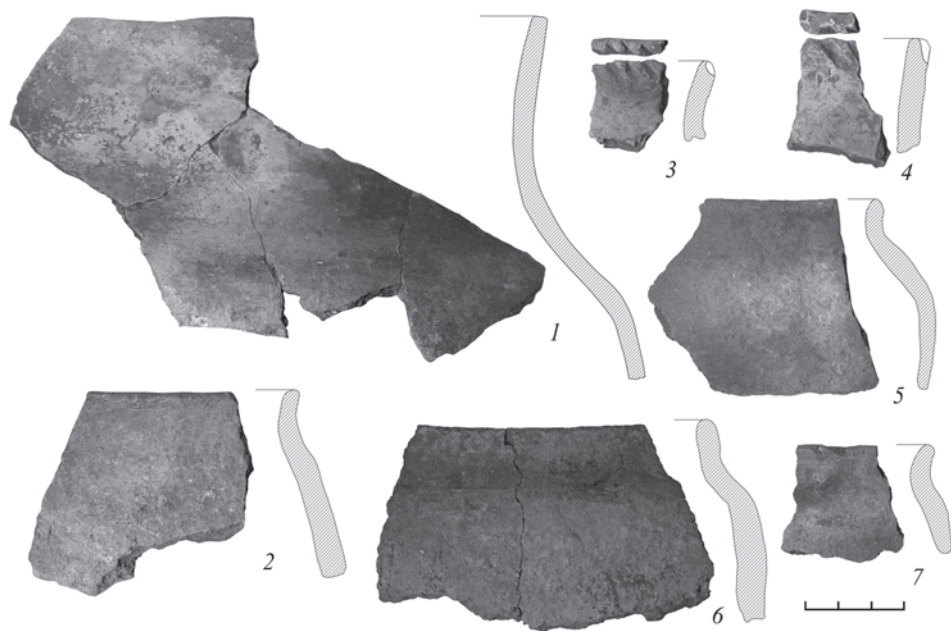

Рис. 3. Лепная керамика из заполнения шурфов и береговой зачистки: 1 – развал сосуда из шурфа 4/2014, 2 – керамика из заполнения ямы 1 шурфа № 10/2014; 3–7 – керамика из заполнения береговой зачистки 1/2014

ми пряслицами, ножом с «горбатой спинкой» и находкой товарного трехгранного слитка свинца, аналогичного слиткам, найденным в кладе на городище Выжегша, расположенном на западном краю Ополя (рис. 5, 6). Выразительной категорией предметов для этого хронологического среза являются находки лепных глиняных сковородок с невысоким бортиком (рис. 4).

К этой группе примыкают предметы, датируемые в пределах X – первой половины XII в. (рис. 5, 6, 7). Это фрагмент круглой билоновой фибулы с рельефным орнаментом, сделанной в скандинавских традициях (подробнее о ней см. *Макаров, Федорина*, 2013. С. 236–238), фрагмент калачевидного кресала, наконечники стрел без упора (*Шполянский*, 2017б. С. 156), три бронзовые накладки и фрагмент двухчастной пряжки от наборных поясов, характерного элемента мужского костюма той эпохи (*Зайцева*, 2014. С. 367, 370). Женский костюм представлен находками стеклянных бус (синяя зонная и ложнозолотостеклянная боченовидная с каймой), а также находками деталей «шумящих» украшений финского облика, пластинчатым и дотовым браслетом с расширяющимися концами. Представленные в коллекции ножи в основном относятся к типу «узколезвийных». Этот тип древностей появляется в регионе на рубеже I–II тыс. н.э. и характерен именно для эпохи начала древнерусской колонизации в Ополе. Нельзя не отметить находку костяной проколки (рис. 7) на северной окраине изученной площадки. Этот тип предметов не имеет узкой даты, но наиболее часто встречается в культурных слоях, датируемых до середины XII в.

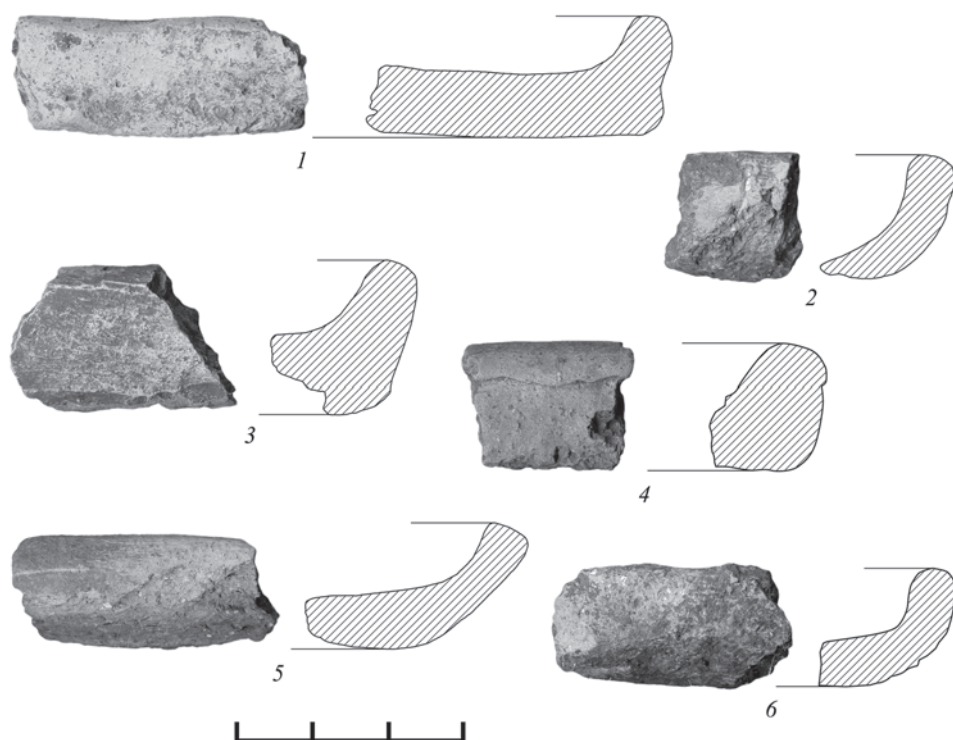

Рис. 4. Глиняные сковороды

Материалы, собранные в первые годы изучения селищ Кибол 2–4, позволяли предполагать наличие хронологической лакуны в первой половине XII в., что, видимо, и послужило причиной выделения отдельных памятников: круговая керамика, собранная в 1980 и 2002 гг. была представлена только широко распространенными общерусскими формами (варианты типа VIII по В.А. Лапшину (Лапшин, 1992). Такая однородность керамического материала в регионе характерна для памятников развитого XII–XIII вв. Анализ керамической коллекции, собранной в 2014 г. позволяет отказаться от этого предположения. В коллекции выявлена небольшая серия раннекруговой керамики, а также круговой посуды типов, характерных для XI – первой половины XII в. (питы I–IV по Лапшину) (рис. 8). Эта группа керамики встречается как на западной оконечности памятника, так и в береговой зачистке – на северном краю площадки. Именно этим периодом, по мнению И.Е. Зайцевой, можно датировать каплевидные ременные накладки, упомянутые выше (одна из них опубликована в статье 2014 г., вторая, аналогичная, находка была найдена позднее) (Зайцева, 2014. С. 370).

Основной массив круговой посуды, как и прежде, представлен широко распространенными типами VI и VIII по В.А. Лапшину (рис. 9). Наивысшей концентрации керамика этого времени достигает в северной части археологического комплекса, куда, вероятно, сместился центр поселения на завершающем этапе его

Рис. 6. Железные предметы из сборов и шурфов

Рис. 7. Изделия из кости и камня

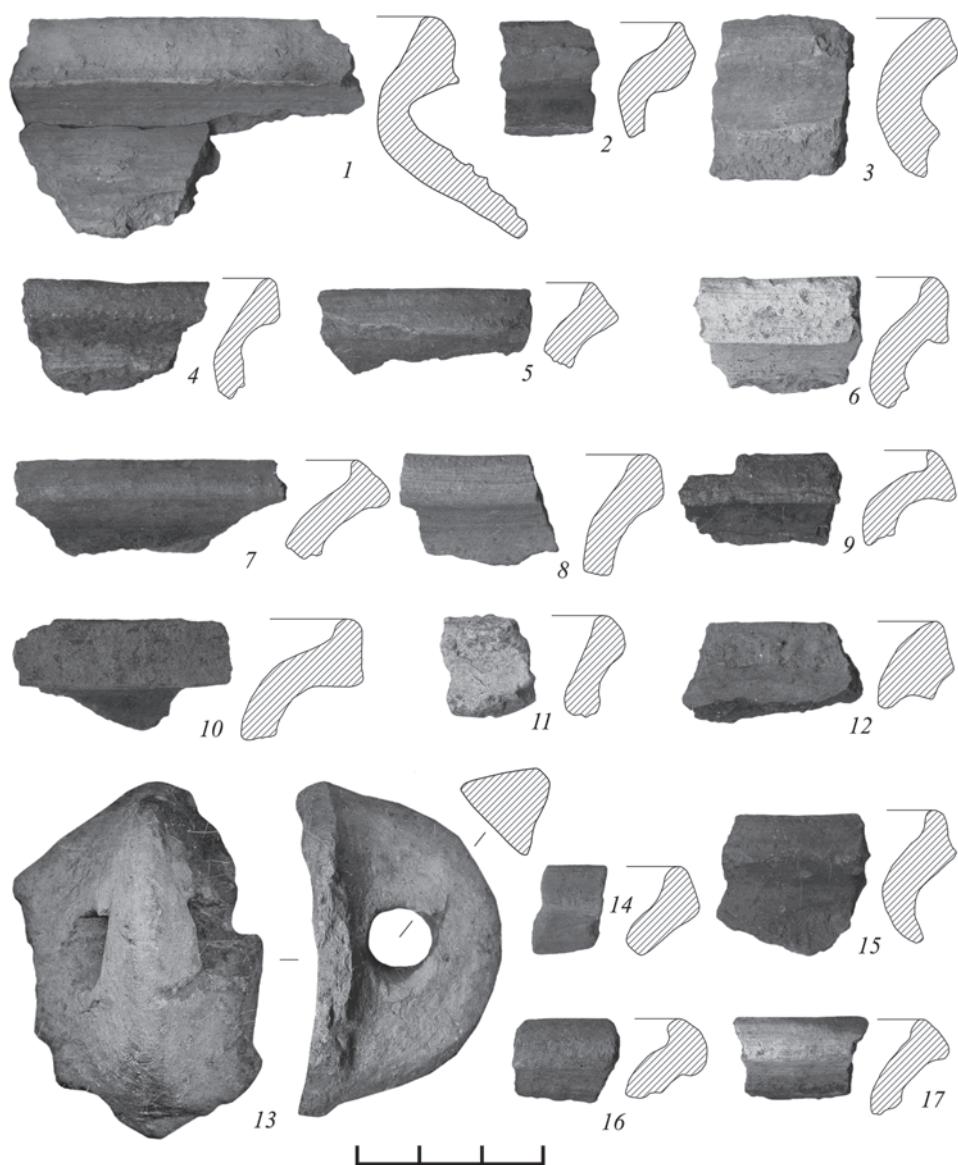

Рис. 8. Круговая керамика ранних типов: 1–8 – зачистка осыпи берега, 9 – участок № 0, 10–11 – участок 1, 12–13 – участок 3, 14–15 – участок 5

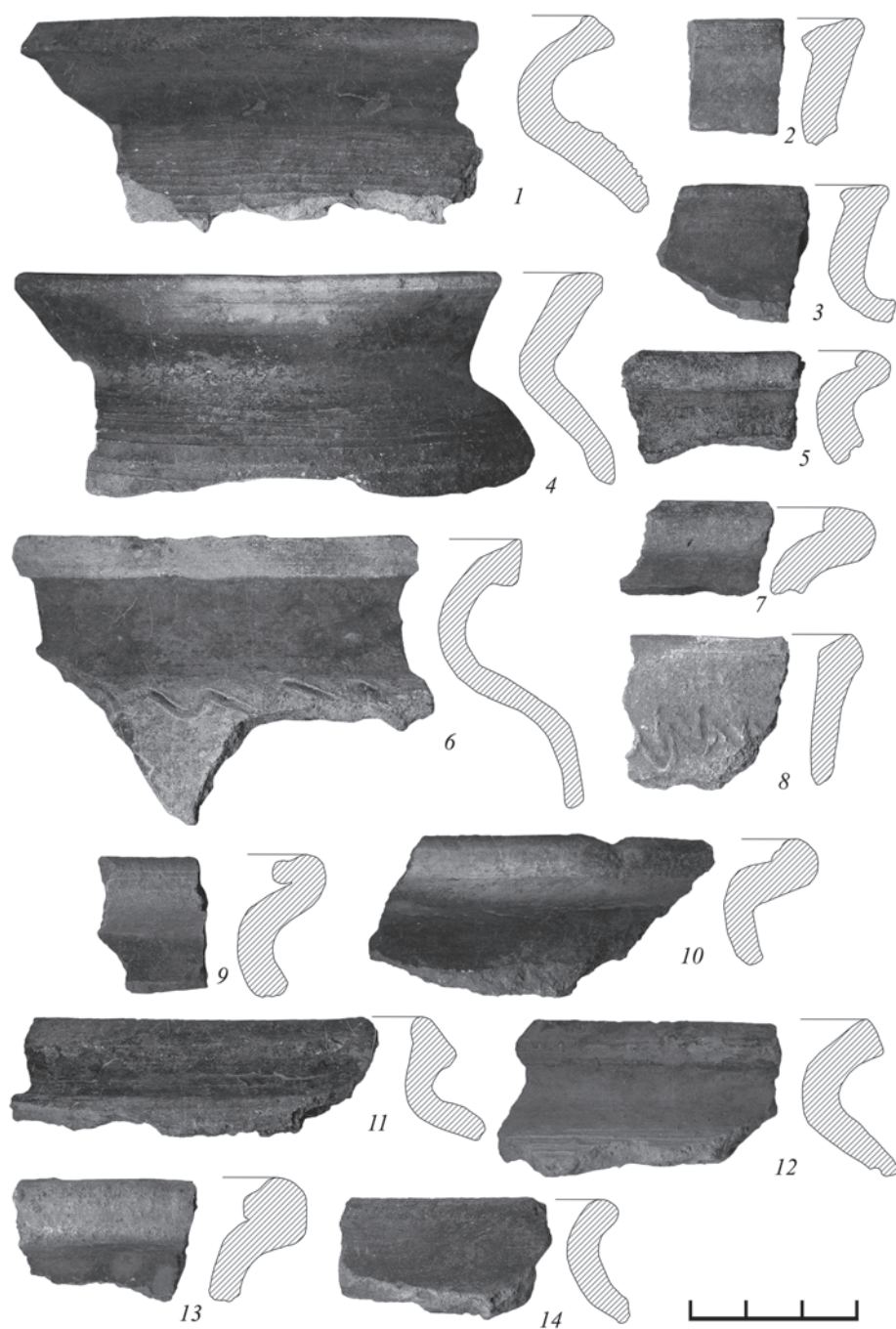

Рис. 9. Круговая керамика XII–XIV вв. из зачистки береговой осыпи 1/2014

жизни. Продолжение хозяйственной и жилой активности на восточной половине площадки документируют не только находки круговой посуды, но и серия вещей, основной период бытования которых приходится на XII–XIII вв.: фрагмент амфоры, стеклянный гладкий черный перстень плоско-выпуклого сечения, бронзовый грушевидный крестопорезной бубенчик, два перстнеобразных бронзовых височных кольца, фрагмент пластинчатого браслета, фрагмент железного ножа и три боченковидных пиррофилитовых пряслица.

Нельзя не упомянуть находки отдельных фрагментов краснолощеной круговой посуды, характерной для удельного времени. К этому хронологическому срезу относится прямоугольная железная накладка со штифтами. Эти немногочисленные материалы позволяют передвинуть верхнюю границу жизни поселения к рубежу XIII–XIV вв., что хорошо соотносится с радиоуглеродной датой образца, полученной по плашке гроба из погребения 1, расположенного на северо-восточной окраине памятника (шурф 10/2014). Публикации материалов могильника посвящена отдельная работа (Федорина, Красникова, 2017).

Среди находок, не имеющих четкой хронологической атрибуции, важно отметить находки в подъемном материале бронзовых выплесков и фрагмента тигля, свидетельствующих о функционировании на площадке поселения ювелирной мастерской.

Подводя итоги, еще раз отметим, что весь комплекс археологических материалов свидетельствует об активном использовании исследуемого участка Ополья на протяжении I – первой трети II тыс. н.э. Результатом этих процессов стало формирование многослойного археологического комплекса, внутри которого границы отдельных хронологически обособленных зон могут быть выделены лишь искусственно, что приведет к искажению картины прошлого и обеднит историю освоения центральных районов Северо-Восточной Руси. Искусственным представляется и выделение хронологически изолированных памятников для эпохи второй половины I тыс. – первой трети II тыс. н.э. Наличие немногочисленных, но выразительных материалов XI – первой половины XII в. не позволяет отделить «мерянский» этап функционирования памятника от «древнерусского». Особое значение археологического комплекса определяется высокой степенью сохранности общей структуры средневекового узла расселения, возможностью проследить пространственное соотношение жилых и погребальных комплексов XII–XIV вв., смену стратегий обустройства сельского поселения на протяжении первой трети II тыс. н.э. Основное скопление сетчатой лепной керамики I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. расположено на западном склоне оврага, преимущественно в южной части площадки. Центр поселения рубежа I–II тыс. н.э. расположен на восточной половине площадки. По-видимому, памятник был ориентирован на реку. В середине XII–XIII вв. центр поселения перемещается на мыс, образованный руслом Каменки, расположенный на северной оконечности комплекса, тогда как площадка на востоке постепенно выходит из хозяйственного оборота и начинает использоваться для размещения здесь грунтового могильника.

Литература

- Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995.
- Зайцева И.Е., 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда.
- Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
- Лапшин В.А., 2012. Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // АВСЗ. Вып. 4. С. 95–100.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., 2013. Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура, балтийские связи // Археология Балтийского региона. М.; СПб. С. 223–240.
- Шполянский С.В., 2007а. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г. Опыт археологического изучения исторических сел суздальской округи // АВСЗ. Вып. 1. С. 18–26.
- Шполянский С.В., 2017б. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополя // РА. № 1. С. 150–167.

Архивные материалы

- Глазов В.П., 1981. Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской обл. в 1980 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. № 8066.

С.В. Шполянский

НА ГРАНИЦЕ КНЯЖЕСТВ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ У СЕЛА ПАВЛОВСКОЕ

S.V. Shpolyanskiy

ON THE BORDER OF PRINCIPALITIES: NEW DATA ON THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL COMPLEX NEAR THE VILLAGE PAVLOVSKOE

Summary. The author considers the results of researches of the last years of the Pavlovskoye archaeological complex located on the suburb of the village of the same name. The complex consists of burial mounds and three villages located in the upper reaches of the river Ulovka (the right tributary of the Klyazma, Nerl) about half way from Vladimir to Suzdal, covers an area of about 13 hectares. The sites were investigated by the Suzdal archaeological expedition in 2015–2017. More than 1350 fragments of medieval ceramics and 166 individual finds were collected on the opened surface and in the test pits in the settlements. The common chronological framework of the existence of the settlements is determined by the composition of the ware material and ceramic collections within the first half of XI – the second half of the XV centuries. The archaeological complex at the village Pavlovskoye is of considerable interest as one of the local centers of medieval resettlement in Suzdal Opolye.

The special importance of the sites included in the complex is defined by rather well-preserved burial mounds, the characteristic of the location of settlements, allowing to assume the existence of one mound cemetery for three nearby settlements and the duration existence of the archaeological complex, which confirms the idea of stable existence after the Mongol invasion of local rural centers in Suzdal Opolye.

Ключевые слова: Курганный могильник, селище, средневековое расселение, Суздальское Ополье, материальная культура.

Keywords: burial mounds, settlement, medieval settlement, Suzdal Opolye, material culture.

Обращение к материалам поверхностных сборов на средневековых поселениях Суздальского Ополя, стало, в последнее время, весьма результативным подходом в изучении особенностей материальной культуры древнерусского населения

региона (Зайцева, 2014. С. 363–376; Макаров и др., 2016. С. 48–74; Шполянский, 2017а. С. 110–127).

Обширные коллекции вещей (около 15000 находок), полученные в процессе исследований (2001–2017 гг.) Суздальской археологической экспедиции под руководством Н.А. Макарова, можно назвать одним из наиболее представительных собраний древностей, происходящих из столичного региона Владимиро-Суздальской земли.

Особенно важным представляется, помимо рассмотрения отдельных категорий находок, изучение состава коллекций, собранных на селищах, или компактно расположенных групп памятников, являющихся остатками крупных поселений, которые могут быть определены как средневековые села.

В условиях, когда большинство сел региона, возникнув в древнерусское время, существуют практически до наших дней, а площади средневековых поселений перекрыты застройкой XVIII–XX вв., получение репрезентативных материалов с таких памятников остается достаточно сложной задачей.

Изучение памятников, расположенных за пределами существующей застройки, в топографических условиях, характерных для сложившейся в XII столетии разветвленной системы расселения – на мелких речках и в верховьях овражных систем с сезонными водотоками, позволяет, в первом приближении, получить представление о селах Ополья эпохи развитого средневековья (конец XI–XV вв.) (Шполянский, 2017б. С. 1177–1178).

Павловский археологический комплекс состоит из четырех памятников – одного курганного могильника и трех селищ, находится в восточной части Суздальского района Владимирской области, на северной окраине с. Павловское, в непосредственной близости от трассы Владимир – Суздаль (рис. 1).

При прокладке дороги было частично разрушено одно из селищ (Павловское 3). Памятники приурочены к месту слияния р. Уловки (правый приток р. Нерль Клязьминская) в ее верхнем течении с небольшим безымянным левым притоком, и располагаются по их берегам. Место, занимаемое археологическим комплексом, представляет собой полого наклонное к востоку, расчлененное оврагами плато левобережья р. Нерль Клязьминская (левый приток р. Клязьмы). В Балтийской системе высот уровень плато в окрестностях археологического комплекса варьирует в пределах высот 129–142 м.

Общая датировка, входящих в состав археологического комплекса селищ, определяется в рамках второй половины XI – первой половины XV в., время существования курганного могильника ограничено XI–XII столетиями. На раннем этапе истории археологического комплекса курганы, по-видимому, являлись кладбищем для жителей близлежащих поселений, для более позднего времени местонахождение могильника не установлено.

Впервые курганы у села Павловское были упомянуты А.С. Уваровым в числе наиболее поздних курганных могильников Ополья, с погребениями «новой эпохи» с безинвентарными труположениями в подкурганных могильных ямах (Уваров, 1872. С. 74).

В дальнейшем, вплоть до конца XX в., какие-либо сведения о характере памятника, составе курганной группы, топографических особенностях ее размещения и сохранности насыпей отсутствовали.

Первое квалифицированное описание памятника было сделано в 1989 г. в процессе работ, проводившихся отрядом Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР под руководством А.Е. Леонтьева. В непосредственной близости от курганов были обнаружены два селища (Павловское 1 и Павловское 2) (Леонтьев, 1989; АКР, 1995. С. 272–273). Тогда же был снят топографический план всего археологического комплекса, составлено описание и проведена фотофиксация всех трех памятников.

Полевые работы 2015–2016 гг. Суздальской археологической экспедиции включали осмотр памятников, фотофиксацию, проведение детальной геодезической съемки, сбор керамики и вещевых находок на поверхности, закладку шурфов для изучения характера культурных отложений, их мощности, стратиграфии, и уточнения границ селищ. В результате было собрано 166 средневековых вещей и почти 900 фрагментов керамики.

В 2017 г. при обследовании левобережья р. Уловки ниже по течению, за трассой шоссе Владимир – Суздаль, было найдено еще одно селище (Павловское 3), очевидно, составлявшее с уже известными памятниками единый археологический комплекс.

ОПИСАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

Курганный могильник Павловские курганы располагается на правом берегу проточного безымянного оврага, в 0,2 км к северо-западу от места его вхождения в долину р. Уловки и находится в 0,5 км к северу от окраины с. Павловское, в 150 м к западу от трассы Владимир – Суздаль.

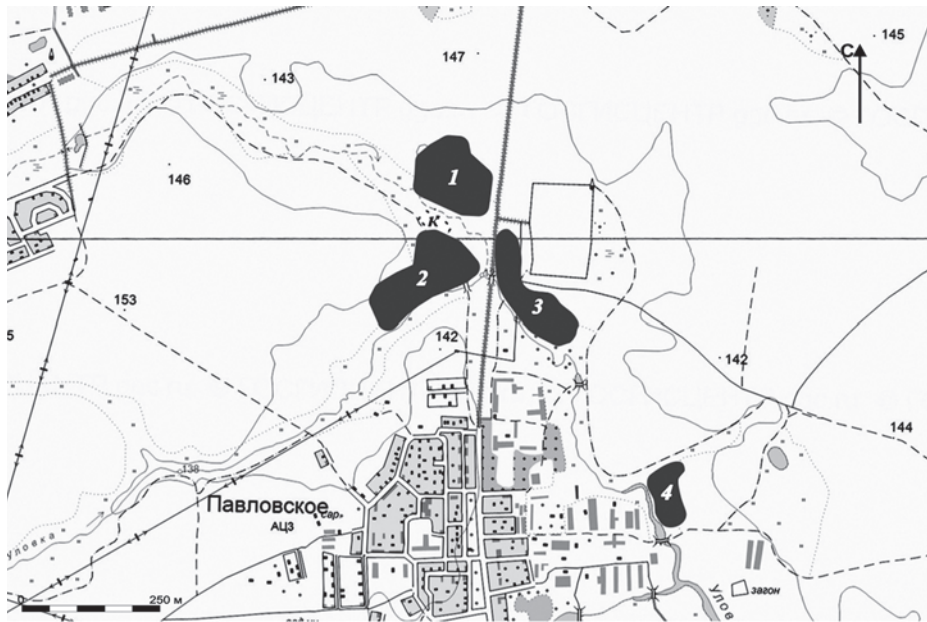

Рис. 1. Схема расположения памятников в районе с. Павловское: 1 – селище Павловское 1; 2 – селище Павловское 2; 3 – селище Павловское 3; 4 – селище Павловское 4; к – Павловские курганы

Могильник занимает ровное, слабо наклонное к северу плато берега оврага, вытянувшееся вдоль него на расстояние около 120 м. Ширина полосы, занимаемой курганным полем, составляет от 45 до 70 м. Общая площадь территории, занимаемая могильником, составляет 0,74 га. Возвышение территории памятника над уровнем дна оврага достигает 3–5 м.

При съемке топографического плана в 1989 г. А.Е. Леонтьев констатировал наличие 120 курганов в группе, отметив, что, возможно, часть из них представляют собой отвалы от раскопанных А.С. Уваровым насыпей. Такая ситуация представляется вполне вероятной, поскольку курганы расположены очень близко друг к другу, часто смыкаются ровиками и полами, перекрывающими друг друга, размеры их составляют от 3 до 5 м в диаметре и 0,3–0,5 м в высоту. Такие насыпи при обследовании группы в 2015 г. были зафиксированы в северо-западной части памятника (рис. 2).

Очевидно, большая часть курганов, составлявших могильник, была раскопана в середине XIX столетия. В рельефе они читаются как серии чашевидных понижений, глубиной до 0,7 м, диаметром до 6 м, с отвалами по периметру. Такие понижения размещены по всей площади могильника, наиболее крупные и хорошо читаемые находятся в юго-восточной части курганного поля. В северо-восточной и центральной части могильника плотность размещения отвалов и следов раскопанных курганов такова, что определить в настоящий момент количество сохранившихся насыпей, без проведения площадных раскопок, не представляется возможным. Вся территория могильника на момент обследования весной 2015 г. была покрыта луговой растительностью, все неровности рельефа плотно задернованы.

Селище Павловское 1 приурочено к левому берегу р. Уловки, его северо-восточная оконечность располагается в непосредственной близости от места слияния Уловки с ручьем, текущем по оврагу, на правом берегу которого стоят Павловские курганы. Памятник расположен в 0,1 км к северу от окраины с. Павловское, в 80 м к западу от трассы дороги Владимир – Суздаль.

Территория селища в прошлом распахивалась, сейчас постепенно зарастает сорной растительностью, используется под выгон. Восточная и северная части селища плотно задернованы, и, по-видимому, не распахивались с использованием тракторов. Памятник занимает пологое возвышение берега Уловки, южную и юго-восточную часть склона локальной водораздельной возвышенности, с максимальной отметкой в Балтийской системе высот 142,36 м, разделяющей долины речки и входящего в нее слева проточного оврага. Протяженность полосы культурного слоя вдоль берега составляет 0,37 км, ширина его распространения вглубь берега меняется от 80 м в юго-западной оконечности селища, постепенно увеличивается к северо-востоку, где достигает 175 м. Общая площадь распространения культурного слоя составляет 3,55 га. Памятник возвышается над уровнем воды в Уловке на 3–7 м. Северо-восточная граница селища располагается в непосредственной близости от курганного могильника, отстоя от границы курганного поля на 30 м.

Селище Павловское 2 располагается на левом берегу проточного оврага, напротив курганного могильника, в 80–100 м от него, протянулось вдоль береговой линии на 0,22 км. Памятник находится в 0,6–0,7 км к северу от окраины с. Павловское, в 65 м к западу от трассы дороги Владимир – Суздаль.

Рис. 2. Павловские курганы: А – съемка курганной группы 1989 г. (А.Е. Леонтьев),
Б – фото курганного поля 2015 г., вид сверху (М.Ю. Люляев)

Поселение занимает выраженное возвышение слабо наклонного плато, ограниченного с юга берегом оврага, с востока – юго-востока, запаханном отвершком оврага и блюдцевидным понижением рельефа, из которого вытекал ручей, сформировавший этот отвершек. В плане территория селища имеет форму близкую трапеции, обращенной своей зауженной частью вниз по склону, к юго-востоку. Размеры ее составляют 200–220 м (с северо-запада на юго-восток) на 120–200 м. (с юго-запада на северо-восток). Общая площадь распространения культурного слоя достигает 3,5 га.

Селище Павловское 3 приурочено к возвышению левого берега р. Уловки, расположено ниже ее слияния с проточным оврагом, на берегах которого находятся селище Павловское 2 и курганный могильник. Памятник протянулся на 200 м вдоль берега реки, его северо-западная часть была разрушена при строительстве автомобильной трассы Владимир – Суздаль. Ширина полосы культурного слоя составляет от 130 до 180 м. С юго-востока территория селища ограничена коротким (около 100 м), но глубоким оврагом, входящим с севера в долину Уловки. Превышение территории памятника над уровнем воды в реке составляет 7–10 м, а общая площадь селища достигает 3,2 га.

Совокупная оценка площади Павловского археологического комплекса позволяет констатировать, что культурный слой селищ и зона занятая курганным полем, составляет более 11 га. С учетом площади территорий, между памятниками, которая так же очевидно была задействована при функционировании археологического комплекса, площадь района, в пределах которого возможно обнаружение средневековых объектов антропогенного происхождения (отдельных сооружений) или связанных с комплексом неизвестных сейчас памятников археологии (грунтового могильника XIII–XV вв.), составляет не менее 13 га.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

На распаханной поверхности селищ в 2015–2017 гг. собрано более 1000 фрагментов средневековой керамики. На селище Павловское 2 в процессе сборов с применением металлоискателей было найдена 161 индивидуальная находка. Координаты всех находок фиксировались инструментально с использованием систем глобального позиционирования.

Для изучения культурного слоя, выяснения его наличия на отдельных участках, определения его мощности и особенностей стратиграфии на селищах Павловское 1 и 2, и за пределами их площадок было заложено 22 шурфа, размерами 1×1 м. В подавляющем большинстве случаев, культурные напластования, изученные в шурфах, были полностью перемешаны распашкой. Толщина пахотного горизонта, сложенного темно-серым гумусированным суглинком с включениями средневековой керамики, камней с термическими сколами, фрагментов печины, варьировала от 0,3 до 0,6 м. Всего в шурфах было собрано 359 фрагментов керамики, обнаружено 5 индивидуальных находок.

Памятники, входящие в состав археологического комплекса, расположены довольно компактно, северо-восточная граница распространения культурного слоя селища Павловское 1 зафиксирована не более чем в 30 м от границы зоны размещения курганов. Расстояние между курганами и селищем Павловское 2 определя-

ется шириной долины проточного оврага, на противоположных берегах которого они находятся, и составляет 80–100 м.

Между селищами Павловское 2 и 3 сейчас проходит автомобильная трасса, и расстояние между ними составляет около 100 м.

В средневековые территории селищ были, по-видимому, разделены неглубоким сухоходным оврагом, который сейчас слабо читается в рельефе, а учитывая, что северо-западная часть площади Павловского 3 была уничтожена при строительстве дороги, то первоначально расстояние между селищами определялось шириной этого оврага (20–30 м).

Культурный слой на большей части площади селищ имеет мощность 0,3–0,5 м, на отдельных участках – до 0,6 м. Не потревоженный распашкой культурный слой сохранился на участках площади поселений примыкающих к берегам проточного оврага и р. Уловки, к которым тяготеют селища, а так же в материковых ямах, ниже уровня пахотного горизонта. В восточной части селища Павловское 1, на территории, по-видимому, не подвергавшейся длительной тракторной распашке, были отмечены отдельно расположенные локальные понижения овально-округлой формы, диаметром до 5 м и глубиной 0,1–0,3 м, которые предположительно можно определить как просадки в месте размещения крупных жилых или хозяйственных сооружений. Кроме того, на распаханной части селищ зафиксированы скопления пережженного печного камня и печины, маркирующие остатки печных развалов.

Общие хронологические рамки бытования селищ определяются по составу вещевого материала и керамической коллекции в пределах первой половины XI – второй половины XV в.

Материалы второй половины XI – первой половины XII в. представлены сравнительно небольшим количеством древнерусской круговой керамики с венчиками ранних типов (I–III по В.А. Лапшину), а так же единичными находками неорнаментированных стенок лепных сосудов (на селище Павловское 1) (рис. 3, 1–6).

К числу вещей, основной период бытования которых приходится на XI – первую половину XII в., относятся фрагменты двух лировидных пряжек, обломки амулетов – ложечек и топорика (рис. 4, 1, 2, 19, 20), крест-тельник с дугами в средокрестье и растительным литым декором на округлых расширениях на окончаниях ветвей (рис. 4, 6).

Особо стоит отметить редкую для региона находку: почти полностью сохранившееся семилопастное височное кольцо с неширокими лопастями, без колечек у основания дуги для подвешивания, с литым декором на щитке, не заходящим на основания лопастей (рис. 5, 3). Это кольцо можно отнести к III типу по Т.В. Равдиной, датировка которого определяется в рамках конца XI – первой трети XII в.

Керамика и вещевые материалы XII – первой половины XIII в. составляют наиболее многочисленную группу древностей. К этому времени относится большая часть круговой керамики, собранной на селищах (рис. 3, 7–16).

В группу вещей, основной период бытования которых ограничен XII–XIII вв., следует отнести арочный и прямоугольный держатели (рис. 4, 10, 22), целую монетовидную и детали шумящих подвесок (рис. 4, 8, 16), колокольчатую привеску, фрагменты замков и ключей, преимущественно типа В, бронзовую булавку с фигурной головкой (рис. 4, 12), свинцовые грузики, фрагменты шаровидных бубен-

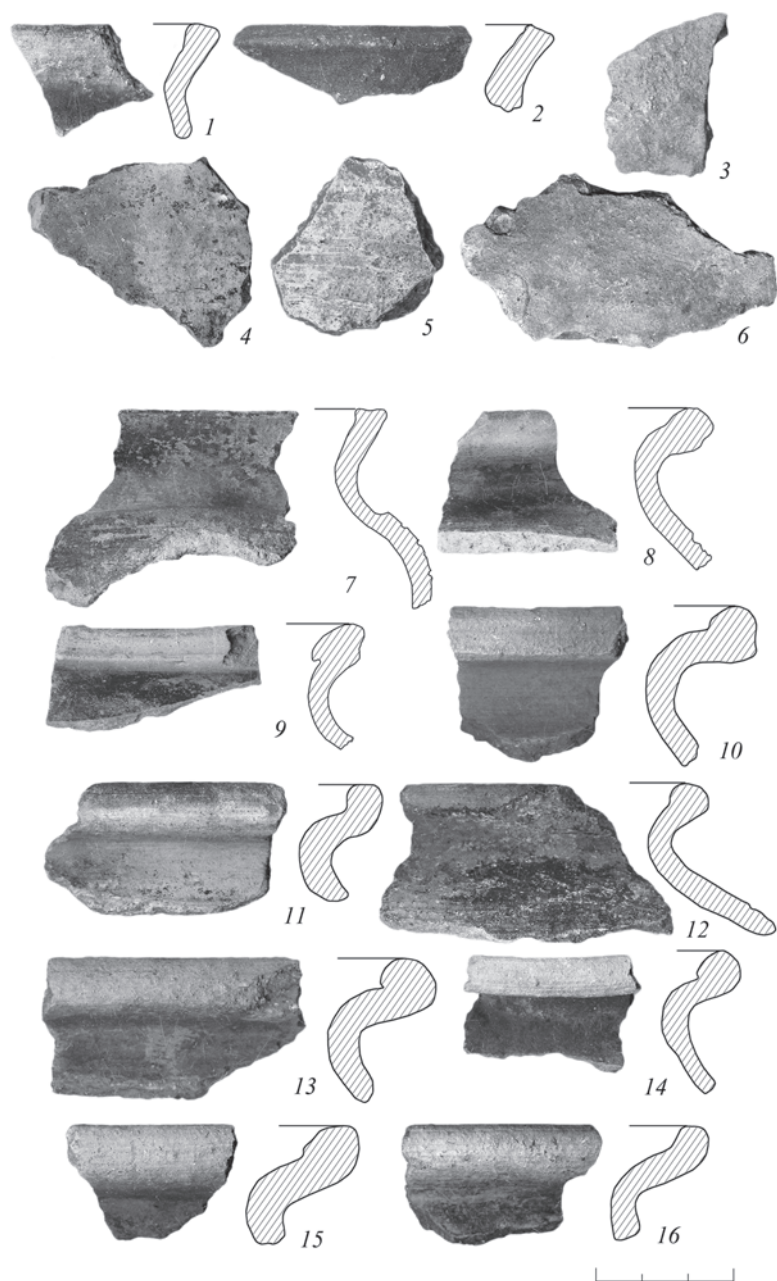

Рис. 3. Керамика с Павловских селищ, датируемая концом XI – первой половиной XIII в.

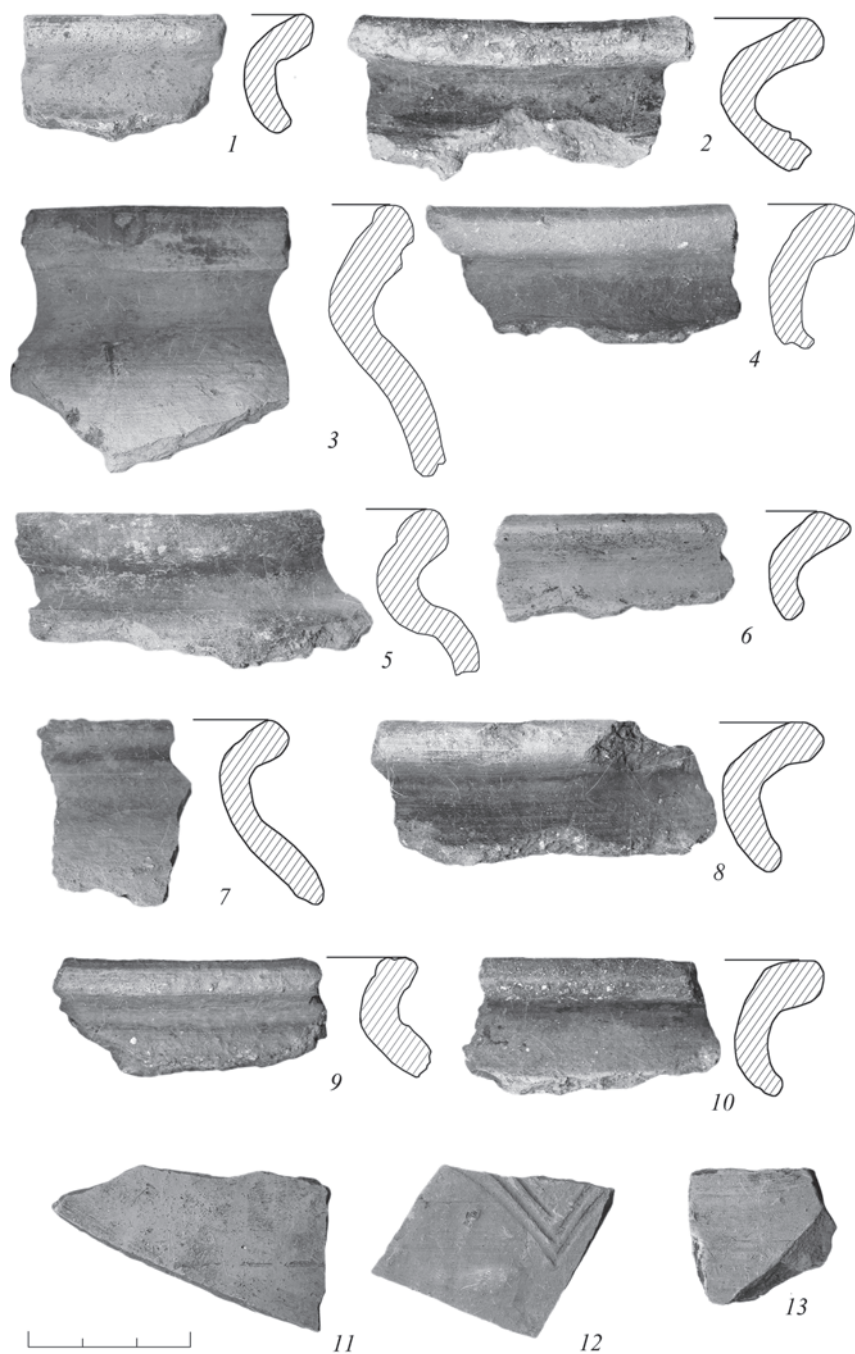

Рис. 6. Керамика с Павловских селищ, датируемая XIII – первой половиной XV в.

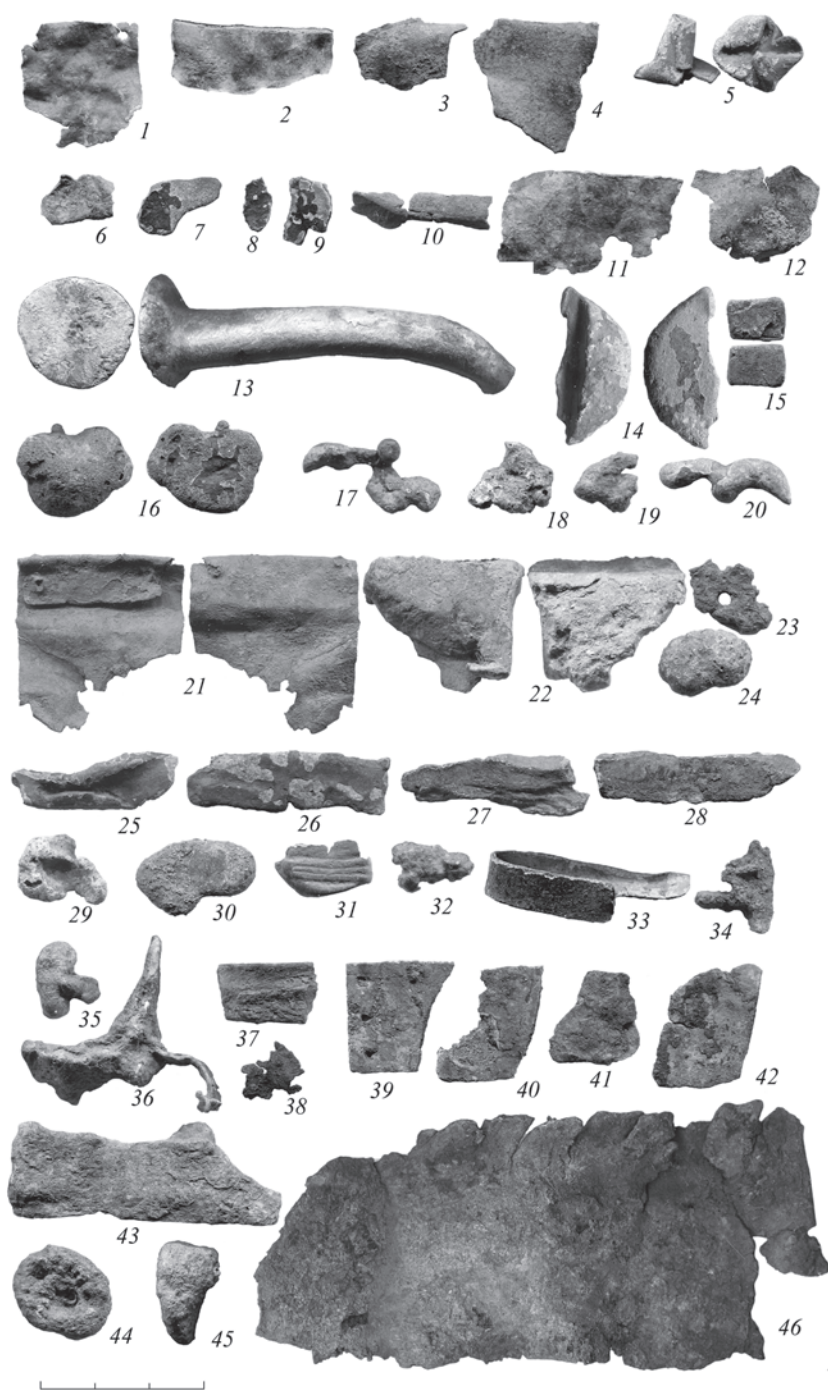

Рис. 7. Отходы бронзолитейного производства с селища Павловское 2

чиков с тройным литым пояском и линейной прорезью (рис. 4, 21), пластинчатый широкосрединный перстень с гравированным орнаментом (рис. 4, 18).

Стоит также выделить небольшое количество находок христианского культа: это крест-тельник с объемным ромбовидным средокрестием, пирамидальным завершением ветвей с шишечками на концах (рис. 4, 5), округлая иконка (рис. 4, 9) с изображениями двух святых (по мнению Н.А. Макарова, Козьмы и Дамиана) и, что особенно интересно, фрагмент декоративного ограждения хороса (рис. 4, 11). Важны так же для характеристики памятника находки фрагмента лопасти колта (рис. 5, 4), изготовленного из свинцово-оловянного сплава, и почти полностью сохранившаяся зооморфная подвеска в виде коня или петуха (рис. 4, 13). Изделие не относится к числу серийных и напоминает изображения, известные в белокаменной резьбе храмовой архитектуры Владимиро-Суздальской Руси.

Крайне редкая для древнерусских селищ находка была обнаружена при разборке пахотного горизонта в шурфе 2 на селище Павловское 1. Это совершенно целый стеклянный плоско-выпуклый щитковый перстень, по-видимому, ближневосточного производства. Перстень изготовлен из чередующихся полос непрозрачного стекла молочного и темно-коричневого цвета, образующих спиралевидный (на щитке) или полосчатый (на обруче) декор (рис. 5, 4).

Предметы вооружения и конского снаряжения немногочисленны и представлены находкой шпоры (тип IVБ по А.Н. Кирпичникову; *Кирпичников*, 1973. С. 59–62) (рис. 5, 15), килевидным наконечником стрелы (тип 33 по В.Ф. Медведеву; *Медведев*, 1966. С. 63) (рис. 5, 16), кольцом от удила, двумя грызлами, подпружной пряжкой.

Среди бытовых предметов и ремесленного инструментария наиболее многочисленны ножи. Они представлены, в основном, экземплярами с широким узким лезвием и с плоским, сужающимся от основания к окончанию черенком. Среди других находок – обломки ведерных дужек, короткое овальное кресало, дверные пробойники, скобы, железное долото.

Важным обстоятельством, характеризующим археологический комплекс, является наличие в составе вещевой и керамической коллекции материалов, демонстрирующих продолжение стабильной жизни на большей части площадей селища после монгольского нашествия во второй половине XIII – середине XV в.

К этому времени относится как представительная керамическая коллекция, включающая венчики с характерной профилировкой этого времени, находки небольшого количества обломков красноощенных сосудов (рис. 6), так и довольно выразительная серия вещей.

В числе вещей времени золотоордынского господства серия из трех щитковых перстней, в том числе со щитком миндалевидной формы, характерным для XIV – первой половины XV в., с рельефным изображением креста и со свастикой на фоне, выполненном желтой эмалью (рис. 5, 1–3). Этим же временем датируется пластинчатый литой рифленый браслет с миндалевидными окончаниями, тисненый бубенчик с рельефным пояском, прямоугольная прорезная нашивная бляшка (рис. 5, 9, 11, 13). Кроме того, с селища Павловское 2 происходит небольшая серия из трех серебряных монет, одна из которых – золотоордынская (Джучиды, Джанибек, Сарай ал-Джадид, тип 746–747 гг.х. (1345–1347 гг.) – определение

А.А. Гомзина) (рис. 5, 7), а две другие представляют собой образцы русской монетной чеканки. Они были определены следующим образом:

1. Великое княжество Московское (рис. 5, 8). Василий Дмитриевич (1389–1425). Денга регионального чекана (около 1390-го г.) (определение П.Г. Гайдукова).
2. Великое княжество Суздальско-Нижегородское (рис. 5, 6). Нижний Новгород под властью Москвы. Василий I Московский. Анонимная денга. Начало 1390-х гг. (определение П.Г. Гайдукова).

Так же важным для характеристики археологического комплекса представляется находка на распашке, в северо-западной части селища Павловское 2, большого количества обрезков, выплесков, фрагментов слитков цветного металла. Находки все расположены на довольно ограниченной территории, на площади 30×30 м, что позволяет предположить наличие на памятнике бронзолитейного производства (рис. 7).

Археологический комплекс у с. Павловское представляет значительный интерес как один из локальных центров средневекового расселения в Суздальском Ополе. Особое значение памятников, входящих в него, определяется сравнительно хорошей сохранностью курганного могильника, характером размещения поселений, позволяющим предположить наличие одного курганного кладбища для трех близкорасположенных селищ и длительность существования археологического комплекса, что подтверждает представления о стабильном существовании локальных сельских центров в Суздальском Ополе и после монгольского нашествия.

Литература

- Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995.
- Зайцева И.Е., 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М. С. 363–376.
- Кирпичников А.Н., 1973. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Свод археологических источников. Е1-36. М.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Гомзин А.А., 2016. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь на поселениях Суздальского Ополя в IX–XI вв. // РА. № 4. С. 48–74.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие: (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // Свод археологических источников Е1-36. М.
- Шполянский С.В., 2017а. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. из Суздаля и сельских памятников Суздальского Ополя // РА. № 1. С. 110–127.
- Шполянский С.В., 2017б. Суздальское Ополе до и после монгольского нашествия: преемственность и трансформации в материальной культуре сельского населения во второй половине XII – первой половины XV в. // Сборник научных трудов V (XXI) Всероссийского археологического съезда <https://elibrary.ru/item.asp?id=29998912> Барнаул. С. 1177–1178.
- Уваров А.С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.

Архивные материалы

- Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. № 14626.

А.В. Уткин, Е.Л. Костылёва

ДРЕВНЕРУССКИЕ СЕЛИЩА В ВЕРХОВЬЯХ Р. УХТОХМЫ

A.V. Utkin, E.L. Kostilyova

OLD RUSSIAN SETTLEMENTS IN UPPER COURSES OF RIVER OF UKHTOKHMA

Summary. The authors examine the materials of researches of two small medieval settlements in the Eastern part of the Volga – Oka interfluve, in the territory of the Ivanovo region. The sites are dated from the end of XII–XIV centuries and are among the small villages.

Ключевые слова: селище, керамика, малодворная деревня, р. Ухтохма.

Keywords: settlement, pottery, the small village, Ukhtokhma River.

Территория верховьев реки Ухтохмы (бассейн р. Увось; современный Комсомольский р-н Ивановской обл.) в археологическом плане исследована крайне скудно и неравномерно. В первую очередь это относится к древностям периода Владимиро-Суздальского княжества.

К настоящему времени более-менее вразумительные сведения имеются только о трёх памятниках. Это – ямный овин рубежа XIII–XIV столетий, обнаруженный при раскопках селища «нового» времени около д. Кожевники (*Уткин, Костылёва, 2007*), полуразрушенное селище у д. Томарово (*Климашов, 1990*) и небольшой курганный могильник возле с. Кулеберьево, все насыпи которого были вскрыты одним из авторов в 1986 г. (*Уткин, 1989*).

В 2004–2005 гг. в окрестностях г. Комсомольска В.В. Торговым, местным краеведом, были открыты три новых пункта находок эпохи Древней Руси – остатки производственного комплекса у д. Юрцево и два селища (Чёрная Грива и Миловское). Глубокой осенью 2006 г. они были профессионально обследованы Археологической экспедицией Ивановского государственного университета. Первый из них, в связи с полной разрушенностью культурного слоя, особого научного значения не имеет. Два последних, наоборот, заслуживают при-

стального внимания и должны быть включены в состав «Археологической карты России»¹.

СЕЛИЩЕ БЛИЗ ДЕРЕВНИ ИВАНЬКОВО В УРОЧИЩЕ ЧЁРНАЯ ГРИВА

Находится в 1,9 км к югу – юго-востоку от д. Иваново, в урочище с причудливым названием Чёрная Грива. Оно расположено недалеко, примерно в четверти километра от восточного края коренного берега Марковского палеоозера. Конфигурация берега представляет собой мысовидный выступ, окружённый ныне с трёх сторон болотами. Площадка памятника ровная, свободная от древесной растительности и до недавнего времени использовалась под пашню. Площадь селища определена условно. Её размеры, по нашим наблюдениям, составляют 100×75 м.

Археологические находки В.В. Торговым были обнаружены на просёлочной дороге, проходящей через поле с севера на юг, и в одной из противопожарных борозд, рассекающих поле поперёк с запада на восток. Любопытна их дислокация на местности. Так, редкие предметы, относящиеся к «новому» времени (3 экз.) подобраны в колее дороги, а все древнерусские артефакты (43 шт.) собраны исключительно в отвале борозды, на протяжении не более двух-трёх метров. Здесь же фиксировались пережжённые камни и обожжённая глиняная крошка. На остальной площади бывшей пашни из-за густой травы они просто не просматривались.

Основную массу средневековых находок составляют обломки круговых сосудов, изготовленных на лёгком гончарном круге (41 экз.). Обжиг печной. Черепки светло-розового цвета, в изломе двухслойные, достаточно прочные. Примесь – мелкие фракции дресвы. Толщина стенок колеблется от 5 до 12 мм. Диаметр устья горла одного сосуда составлял 24 см (рис. 1, 10).

Обломков венчиков десять. Все от горшков средних и крупных размеров с чётко выраженным S-овидным профилем и короткими шейками. У семи фрагментов черновые края завёрнуты вовнутрь, срезы скруглены (рис. 1, 1–5, 10, 15). У двух они завёрнуты наружу, а их основания плоско срезаны, с резким наклоном вовнутрь (рис. 1, 6, 7). У одного – черновой край просто загнут наружу, затёрт и округлён (рис. 1, 8).

Фрагментов днищ два. Оба от плоскодонных горшков с усечённо-коническим туловом. Видимых подсыпок на наружных поверхностях нет, орнаментация отсутствует. Диаметры точно не определяются.

25 обломков стенок не орнаментированы, на четырёх – зафиксирован простой линейный рисунок из двух-пяти горизонтальных полос по плечикам тулова (рис. 1, 9, 11, 13, 14). Полоски узкие, неглубокие; в профиле почти не отражаются.

Помимо керамики в коллекции имеется ещё пара древнерусских находок: небольшой кусок печной обмазки из чистой глины и короткий кованый гвоздь с грибовидной шляпкой (рис. 1, 12). Он, скорее всего, крепил конскую подкову и относится к так называемым ухналям.

Материалы этих памятников уже опубликованы и к ним не было бы смысла обращаться вновь. Однако приходится. Дело в том, что они изданы в малотиражном (и труднодоступном для исследователей) университетском сборнике вперемежку с заметками преподавателей по математике, биологии, лингвистике и т.д. (Костылёва, Уткин, 2007).

Этот комплекс является, бесспорно, древнерусским и, вероятнее всего, отложился на рубеже XIII–XIV столетий, если принимать во внимание венчики с завернутыми наружу черновыми краями.

Как показала проведенная нами шурфовка, культурный слой на селище Чёрная Грива, по-видимому, полностью уничтожен многолетней запашкой, которая началась здесь, примерно, с середины XVIII в., на что указывают находки двух обломков керамики этого времени. Однако на поле до сих пор сохраняются остатки ненарушенных (или нарушенных лишь частично) древнерусских подпечных ям, по крайней мере, одной, зафиксированной В.В. Торговым.

МИЛОВСКОЕ СЕЛИЩЕ БЛИЗ ГОРОДА КОМСОМОЛЬСКА

Находится в 0,6 км к северо-западу от бывшего с. Миловское, входящего ныне в черту г. Комсомольска. Селище расположено на пологой вершине моренного холма, снивелированной многовековой распашкой и занимает площадку размерами 100×60 м.

В.В. Торгов проводил сбор материалов на макушке всхолмления, где они группировались в четыре-пять планиграфически локальных, но близко расположенных

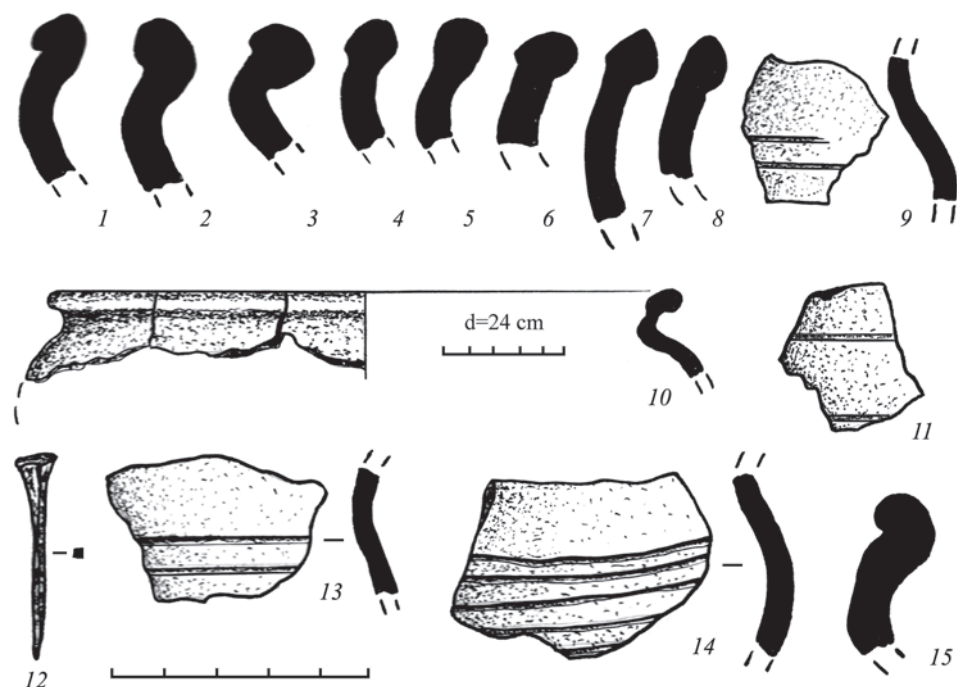

Рис. 1. Селище Чёрная Грива: 1–11, 13–15 – древнерусская керамика, 12 – кованый гвоздь. 1–11, 13–15 – керамика; 12 – железо. 1–14 – случайные находки; 15 – шурф, гл. 20–30 см (рис. А. Уткина)

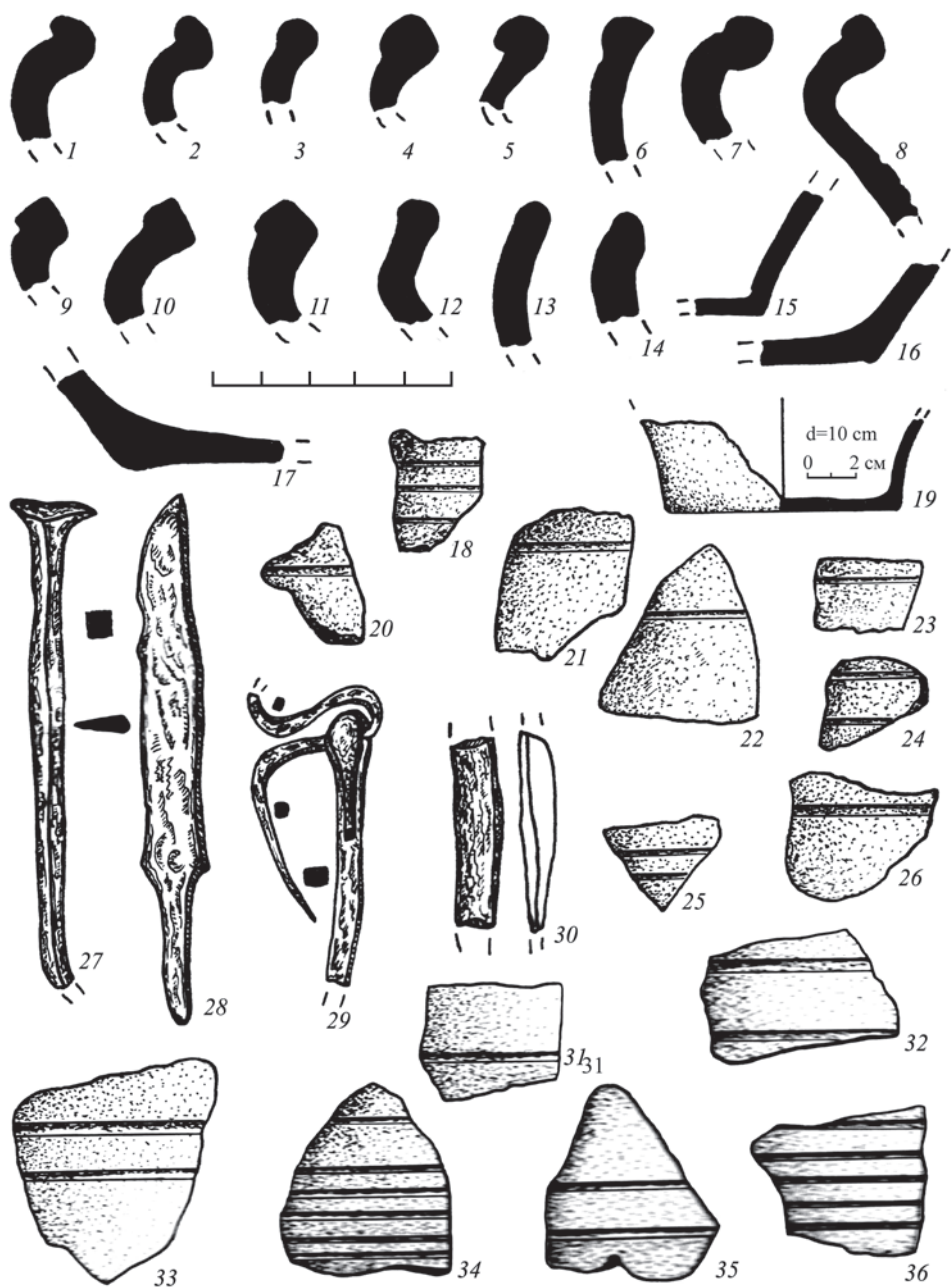

Рис. 2. Миловское селище: 1–26, 31–36 древнерусская керамика; 27 – кованый гвоздь, 28 – нож; 29 – дверной пробой; 30 – обломок зубила.

1–26, 31–36 – керамика; 27–30 – железо; 1–36 – случайные находки (рис. А. Уткина)

друг к другу скоплений. Площадь каждого скопления не превышала 8–12 кв. м и выделялась на пашне бесформенным пятном более тёмного цвета.

Возле одного из этих пятен нами был заложен шурф со стороной 2 м. В нём под слоем современной пашни на поверхности материковой жёлтой супеси выявились отчётливые контуры двух небольших в диаметре столбовых ямок и край подпечной ямы. Последняя была заполнена плотно слежавшейся, почти чёрной супесью, смешанной с древесными угольками, глиняной и валунной крошкой. Здесь же было собрано почти четыре десятка черепков древнерусской посуды, а поверх этой ямы кучно лежало до десяти крупных печных камней.

В объединённой коллекции из сборов и шурфа доминируют обломки круговых сосудов, изготовленных на ручном гончарном круге; 134 (95+39) экз. Обжиг печной. Черепки светло-розового цвета, некоторые – чёрного, в изломе двухслойные. На слом прочные. Примесь – обильные зёрна дресвы. Толщина стенок колеблется от 5 до 8 мм.

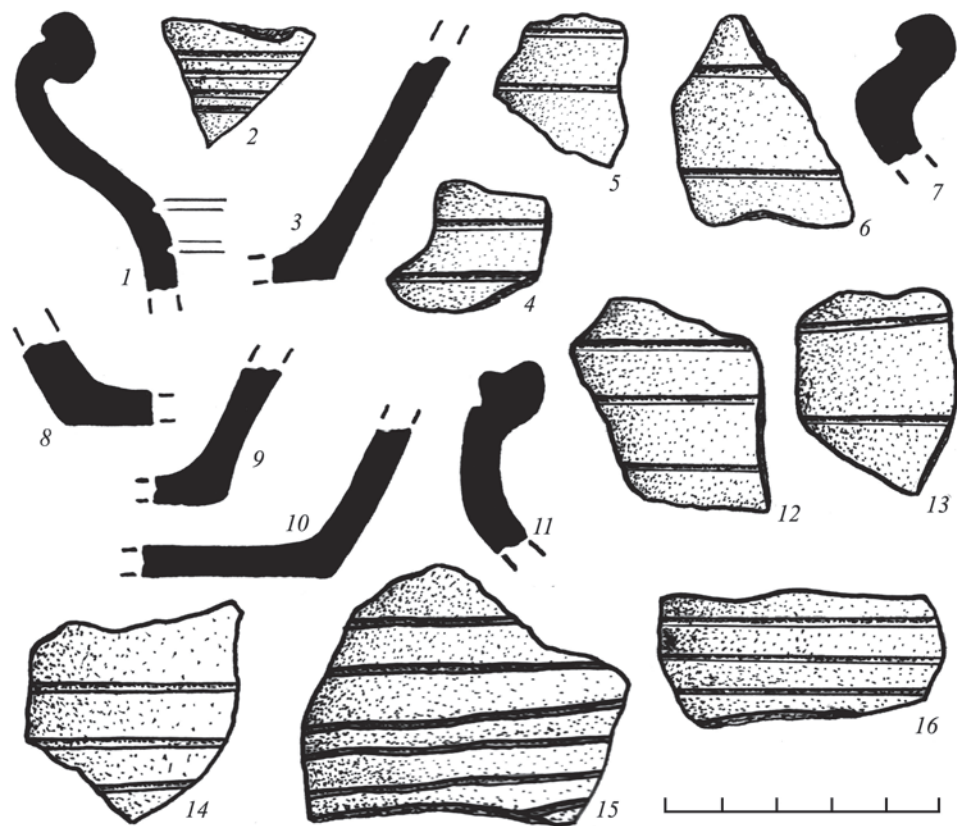

Рис. 3. Миловское селище: древнерусская керамика, 1–3 – случайные находки; 4–16 – находки из шурфа (рис. А. Уткина)

Обломков венчиков семнадцать. Все от горшков средних и крупных размеров, S-овидного профиля, с короткими шейками. У восьми фрагментов черновые края завернуты вовнутрь, срезы скруглены (рис. 2, 1–3, 5, 7, 8; 3, 1, 7). У одного среза смят широким желобком (рис. 3, 11). У пяти срезы плоские, наклонены наружу; в двух случаях слегка (рис. 2, 4, 7) в трёх – резко (рис. 2, 9–11). У трёх венчиков загиб чернового края вовнутрь выражен не достаточно чётко, срезы округлые (рис. 2, 12–14). Два черепка орнаментированы горизонтально прочерченными линейками (рис. 2, 8; 3, 1).

Фрагментов днищ девять. Происходят от плоскодонных горшков с усечённо-коническим туловом (рис. 2, 15, 16, 17, 19; 3, 3, 8–10). Дресвяная подсыпка и орнаментация отсутствуют. Диаметр одного днища по графической реконструкции составлял 10 см (рис. 2, 19).

Среди обломков стенок 77 экз. не орнаментированы. Остальные (31 шт.) украшены простыми линейными рисунками из двух-шести узких, неглубоких полосок (рис. 2, 18, 20–26, 31–36; 3, 2, 4–6, 12–16).

Изделий из железа в коллекции четыре. Это – столовый нож с коротким черенком, выделенным уступами со стороны лезвия и узкой спинки (рис. 2, 28); четырёхгранный строительно-крепежный гвоздь («костыль») с грибовидной шляпкой (рис. 2, 27); обломок дверного кованного пробоя с остатками подвижной накладки (рис. 2, 29) и обрубок подпрямоугольного в разрезе зубила (?) (рис. 2, 30).

Замыкают коллекцию небольшие, бесформенные куски глиняной печной обмазки и кости животных. Последних насчитывается 36 экз. Однако видовую принадлежность удалось установить только в пяти случаях, по находкам зубов. Два определяются как коровьи, три – как свиные. Прочие кости сильно фрагментированы, а восемь (очевидно, мелкого рогатого скота) вдобавок ещё и пережжены.

Сравнение керамических коллекций из сборов В.В. Торгова и из шурфа показывает их полное сходство по всем параметрам: и технико-морфологическим, и типологическим. То есть, эти материалы одновременны по происхождению и должны рассматриваться суммарно как единый комплекс. А судя по многочисленным аналогиям, он может быть уверенно датирован концом XII – началом XIII в.

Культурный слой Миловского селища распахан. Но сохранившиеся в материке ямы (столбовые, подпечные и подпольные) дают нам право полагать, что данный памятник как археологический объект не уничтожен полностью, и при раскопках его в будущем, несомненно, будут получены серьезные материалы для изучения истории сельского населения микрорегиона накануне монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь.

* * *

Небольшие по количеству коллекции керамики с селищ Чёрная Грива и Миловское свидетельствуют о культурном единстве древнерусского сельского населения данной территории с населением соседних регионов. Это первое. Второе. Если мы правильно датировали находки с первого памятника рубежом XIII–XIV столетий, то следует признать, что традиции деревенской древнерусской культуры в «глубинке» не были прерваны «Батыевым разорением» Северо-Восточной Руси.

И третье. Топография вновь открытых селищ красноречиво указывает, что в это время часть деревень с речных, сырых берегов постепенно перемещается на водоразделы, на холмы. Туда, где археологам и в голову не приходило их искать. В будущем число аналогичных памятников, думаем, значительно увеличится.

Литература

- Климашов И.Ю.*, 1990. Селище Томарово на р. Ухтохме // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 4. С. 3: ил.
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В.*, 2007. Древнерусские селища на территории Комсомольского района Ивановской области // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИВГУ, 2007. Иваново. Ч. 3. С. 26–33: ил.
- Уткин А.В.*, 1989. Курганный могильник близ с. Кулеберьево на р. Ухтохме // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 1. С. 27–29: ил.
- Уткин А.В., Костылёва Е.Л.*, 2007. Древнерусский овин близ села Кожевники на реке Уводь // Археология: история и перспективы. Ярославль. С. 204–208: ил.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

С.И. Милованов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЗНАМЕНСКОЙ (ПЯТНИЦКОЙ) ЦЕРКВИ В Г. ВЛАДИМИРЕ В 2015 г.

S.I. Milovanov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES ON THE LOCATION OF ZNAMENSKAYA (PYATNITSKAYA) CHURCH IN VLADIMIR IN 2015

Summary. New materials on city topography in the late Middle Ages – New Time were received as a result of the conducted archaeological researches in 2015 on the site located on even side of Bolshaya Moskovskaya St. between houses N 30 and 38 in the historic center of Vladimir. It is established that in old times, the explored territory was located on the edge of an old ravine, facing the Klyazma river. It was repeatedly filled up. The first evidence of the leveling of the site and backfilling of the ravine belong, most likely, to the XIV century. Subsequently the long period of desolation and lack of active construction activities on the site is fixed. Probably, this fact is reflection of the general situation in Vladimir in the late Middle ages when there is a population decrease and reductions of the built-up territory. In the XVI century, the area allotted to the cemetery that functioned till the end of the XVIII century. The remains of the brick Church of Holy Virgin, built in 1770, and its predecessor, wooden Pyatnitskaya Church are investigated in the course of the work.

Keywords: cemetery, Church, graves, temple side-altar.

Ключевые слова: кладбище, церковь, захоронения, предел.

В 2015 г. сотрудниками Института археологии РАН проводились исследования, предварявшие строительство нового храма в честь Святого князя Владимира и святых Владимирских князей и размещение памятника посвященного святому князю Владимиру, на участке расположенном на четной стороне ул. Большая Московская, между домами 30 и 38 в историческом центре г. Владимира напротив здания Торговых рядов.

Всего в процессе археологических работ было заложено два раскопа (на месте строительства храма и установки памятника) и два шурфа. Общая исследованная площадь составила ок. 370 кв. м.

Согласно письменным источникам и картографическим материалам известно, что на данной территории находилась деревянная церковь в честь великомученицы Параскевы Пятницы. Точная дата основания церкви неизвестна. Первое документальное упоминание о ней относится к 20-м годам VII в. Под 1628 годом в патриарших книгах значится: «церковь великомученицы Христовы Пятницы... дани алтын две деньги, наместничьих и заезда гривна» (*Добронравов, Березин, 1893. С. 63–65*). Осенью 1719 г. во время сильного пожара церковь сгорела, а уже в следующем году была построена новая деревянная церковь. В Топографическом описании г. Владимира 1761 г. относительно Пятницкой церкви сказано: «Церковь Знамения Пресвятой Богородицы построена в 1720 г. Она издревле по писцовым книгам пишется по имеющейся при ней теплой церкви во имя св. великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы, почему ныне именуется Пятницкою» (*Топографическое описание..., 1880. С. 61*). В 1770 г. на месте деревянной была возведена каменная церковь в честь Знамения Пресвятой Богородицы (*Добронравов, Березин, 1893. С. 63–65*). Архитектурный комплекс церкви окончательно сформировался в начале XIX в. и состоял из трех пределов: северного в честь апостолов Петра и Павла, центрального Знамения Пресвятой Богородицы и южного в честь Параскевы Пятницы, трапезной и колокольни (*Вдовиченко, Седов, 2016. С. 445–446*). В 1929 г. церковь была закрыта, в 60-х гг. XX в. разрушена.

Археологические исследования дали новую информацию, как по топографии города, так и по истории строительства и архитектуре церкви.

В древности исследованная территория располагалась на краю древнего оврага, обращенного в сторону р. Клязьмы. Он неоднократно засыпался. Самые масштабные работы по его засыпке происходили в XX в. Как показала стратиграфия напластований зафиксированных в шурфах 1 и 2, слой засыпки этого времени превышал мощность более 2,4 м.

Первые же свидетельства нивелировки участка и засыпки оврага относятся к более раннему времени. На раскопе 2 зафиксирован небольшой по мощности культурный слой, свидетельствующий о непродолжительном периоде существования усадебной застройки. Его мощность достигала до 4–5 см. Слой сохранился фрагментарно на небольших по площади участках, так как сильно был разрушен погребениями, существовавшего в более позднее время кладбища, и в процессе строительства кирпичной церкви.

Непосредственно на отмеченном выше культурном слое, прослежен почвенный горизонт темно-серого цвета толщиной до 20–25 см, содержащий мало находок. Формирование данного слоя свидетельствует о довольно долгом периоде запустения и отсутствия активной строительной деятельности на участке. Видимо, данный факт является отражением общей ситуации во Владимире в эпоху позднего средневековья, когда происходило уменьшение численности населения и сокращение застроенной территории.

О том, что участок не подвергался активному хозяйственному воздействию, свидетельствует количество предметов, связанных с данным горизонтом. Из этих слоев происходит семь индивидуальных находок (обломок стеклянного браслета, железный брусок, фрагмент красноглиняной игрушки расписанной белым анго-

Рис. 2. Крестики-тельники из цветного металла: 1 – погребение 106; 2 – погребение 34; 3 – погребение 90; 4 – погребение 102

бом, два обломка язычков от глиняных колокольчиков, булавка пус-йеппи, оплавок из цветного металла) (рис. 1, 1–7) и 303 фрагмента круговых сосудов, что составляет 2,57% от всего выявленного массового керамического материала. В керамическом материале преобладают сосуды, изготовленные из ожелезненной глины с примесью песка (49%) и красноглиняные сосуды без визуально фиксируемых примесей (24%). Доля древнерусской керамики, характерной для XII–XIII вв. не превышает 5%. Исходя из этого можно сделать вывод, что данный слой мог начать формироваться не ранее XIV столетия.

Позднее территория отводится под кладбище, существовавшее на данном участке до конца XVIII в. Всего в ходе работ исследовано 113 погребений, которые на основании стратиграфических наблюдений можно разделить на три хронологических группы. Наибольшее число (70 погребений) относится к более раннему времени, которое может быть определено XVI – началом XVII столетия.

Кладбище этого времени характеризуется высокой плотностью захоронений, что свидетельствует о длительном периоде его функционирования. Погребения располагаются в 4 яруса. Они исследованы в северной части раскопа 2. Захоронения совершены по христианскому обряду погребения. Умершие положены вытянуто на спине, головой на запад с небольшими отклонениями на юг или север, руки согнуты в локтях, кисти рук покоятся в районе груди или живота. В одном случае захоронение было ориентировано головой на северо-восток (погребение 81). В основном погребения одиночные, но встречены случаи подзахоронений. По глубине могильные ямы в основном распределяются в диапазоне от 20 до 90 см от уровня поверхности материка (58 погребений). Преобладают погребения глубиной 70–89 см (треть всех захоронений).

Захоронения в подавляющем большинстве безинвентарны. Находки встречаются только в шести погребениях. В четырех погребениях (п. 34, 90, 102, 106) найдены нательные крестики (рис. 2). Это два прямоконечных креста и два креста с килевидным завершением нижней лопасти¹. Подобные кресты датируются XVI–XVII вв. Из погребения 61 происходит железная скоба, скреплявшая деревянную конструкцию, в которой находился умерший.

¹ Атрибуция и определение крестиков проведено Д.В. Шполянской

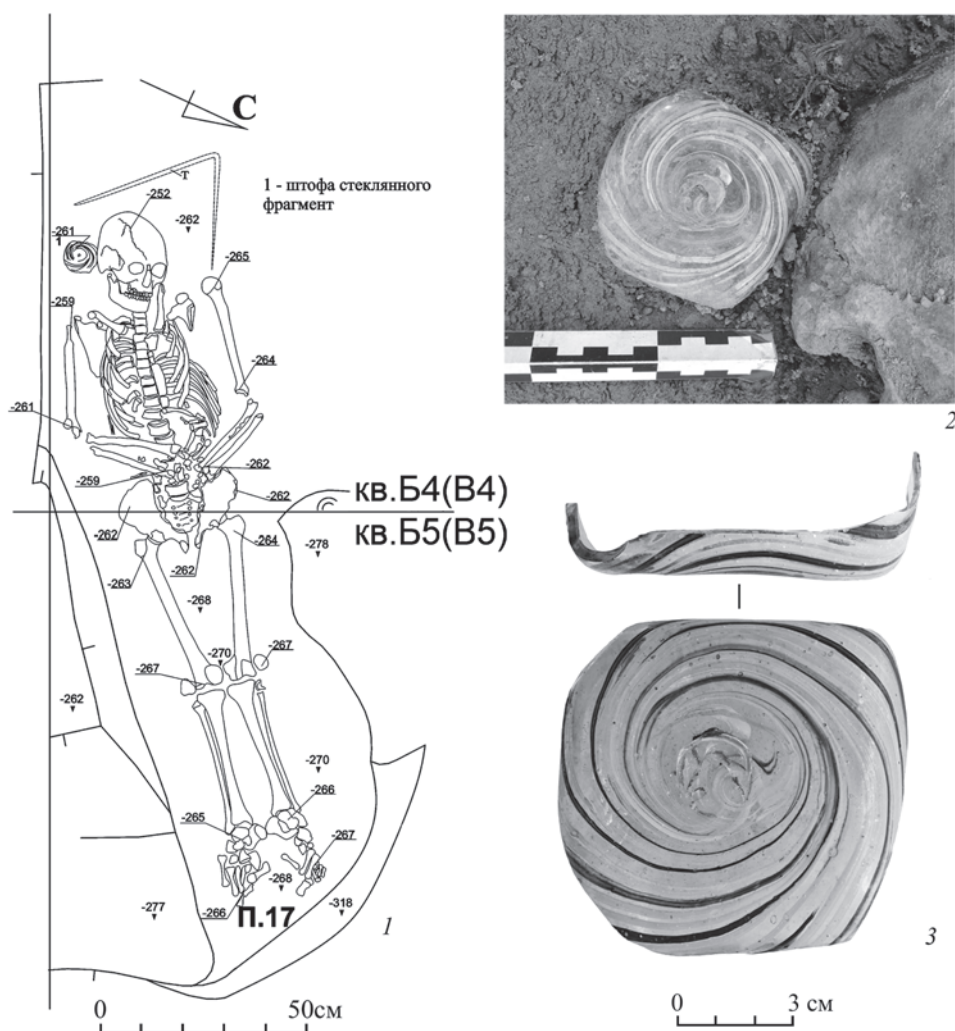

Рис. 3. Погребение 17: 1 – чертеж погребения; 2 – расположение донца штофа in situ. Вид с северо-востока; 3 – донце стеклянного штофа

В погребении 17 около правого виска покойного найдена нижняя часть донца стеклянного штофа, видимо, использовавшаяся как елейница (рис. 3). Штоф украшен накладными нитями стекла красного и белого цвета. Подобные изделия изготавливались в Венеции, а так же европейскими мастерами, работающими в венецианском стиле – *façon de Venice* в XVI–XVIII вв. (Столярова, Панченко, 2014. С. 214–215). В погребении захоронен мужчина в возрасте 20–29 лет².

Анализ планиграфии погребений раннего этапа функционирования кладбища, свидетельствует, что для него характерна рядность захоронений. Исследовано

² Анализ антропологического материала выполнен д.и.н. М.В. Добровольской, к.и.н. И.К. Решетовой

четыре ряда погребений, в которых захоронения располагались вплотную друг к другу. Наибольшая концентрация и плотность погребений наблюдается в северо-западной части раскопа 2 и уменьшается к востоку. В тоже время на раскопе 1, расположенном в 6 м к западу от раскопа 2, не зафиксировано погребений этого времени. Данный факт может указывать на месторасположение церкви, при которой существовало кладбище. Наиболее вероятно, что она находилась к западу от места расположения раскопа 1. Согласно результатам многочисленных исследований некрополей Нового времени высокая плотность погребений отмечается в районе апсид церквей.

В последующем на территории, занятой захоронениями строится деревянная церковь в честь великомученицы Параскевы Пятницы (3-й стратиграфический горизонт), остатки алтарной части которой, наиболее вероятно, исследованы в западной части раскопа 2 (объект 5) (рис. 4). Они представлены частично сохранившимися нижними венцами, располагавшимися на основании, сложенных из валунных камней и обломков белокаменных надгробных плит. Плиты орнаментированы канвой из углубленных треугольников – так называемый «волчий зуб» и на основании многочисленных аналогий датируются XVI в. (Беляев, 1996. С. 143–145).

Так же исследованы остатки другой деревянной постройки (объект 6), располагавшейся к востоку от «алтаря» (рис. 4). Территория, где располагались зафиксированные сооружения, была огорожена забором из расколотых бревен и поставленных вертикально вплотную друг к другу. Остатки ограды (объект 7) зафиксированы с востока и с юга территории церковного двора (рис. 4). Все исследованные деревянные сооружения погибли при пожаре.

В слоях пожаров и последующей нивелировки территории найдены глиняные плитки, которыми, видимо, был вымощен пол деревянной церкви. В подавляющем большинстве они представлены обломками различного размера, но встречены и целые экземпляры (рис. 5). Распределение плиток по толщине отражено на рисунке 6. Как видно из представленного графика, у большинства плиток (42,1%) толщина составляла от 46 мм до 50 мм. Ширина зафиксирована только у 8 экземпляров плиток и распределяется следующим образом: 110 мм – 1 экз.; 111 мм – 1 экз., 116 мм – 1 экз., 120 мм – 1 экз., 125 мм – 1 экз., 128 мм – 1 экз., 130 мм – 1 экз.

Среди находок этого времени, стоит отметить многочисленные рыболовные грузила и их фрагменты (18 штук) (рис. 1, 12, 13, 15, 16) и маленькие глиняные грузики или, вероятно, костяшки от счет (62 экз.) (рис. 1, 8–11), найденные в объекте 2 раскопа 1. Так же с горизонтом пожаров связаны находки глиняных игрушек и обломков глиняных колокольчиков (12 экз.) (рис. 1, 5–7, 14, 17–19).

При деревянной церкви продолжает функционировать кладбище. Захоронения смещаются к югу и располагаются по склону оврага за пределами ограды. Исследовано 7 погребений этого времени. На самом деле их было значительно больше, но в южной части раскопа работы не были доведены до материка из-за угрозы обрушения кирпичных стен церкви XVIII в.

Интересен вопрос определения времени строительства и сооружения деревянных построек зафиксированных в раскопах. Индивидуальные находки не дают

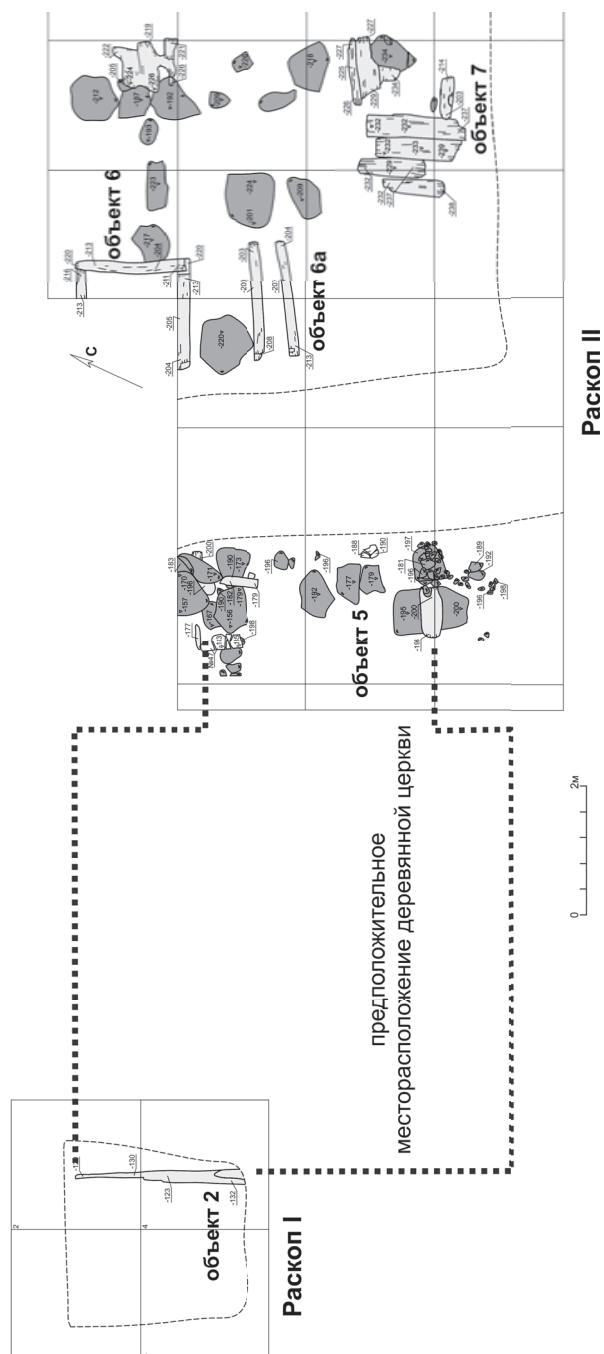

Рис. 4. Сводный план деревянных конструкций 3-го стратиграфического горизонта

возможности для определения какой-либо узкой даты. Керамический материал характерен для XVI – начала XVIII в. Результаты радиуглеродного датирования пяти образцов, связанных с третьим стратиграфическим горизонтом, схожи между собой и укладываются в рамки 1490–1670 гг. (табл. 1). Наличие надгробных плит, анализ стратиграфических наблюдений, находки из ранних погребений, полученные радиоуглеродные датировки позволяют утверждать, что деревянная церковь была построена, наиболее вероятно, на рубеже XVI–XVII вв. В ходе расчистки конструкций объекта 5 (алтарной части деревянной церкви), было зафиксировано два одновременных пожара.

После второго пожара возводится каменная церковь в честь Знамения Пресвятой Богородицы. В процессе археологических работ была расчищена большая часть фундаментов каменной церкви. Выявлены трассы стен основного объема четверика и его алтарного выступа (Знаменская церковь), а также южного придела в честь Параскевы Пятницы, давшего, как это часто бывает, название всему храму. Результаты архитектурно-археологических исследований остатков фундаментов кирпичной церкви подробно проанализированы М.В. Вдовиченко и Вл.В. Седовым (*Вдовиченко, Седов, 2016*).

При исследовании остатков каменной церкви Знамения середины XVIII в. зафиксирован интересный факт. В центре основного объема четверика расчищены перезахороненные погребения, которые извлекались строителями храма при рытье траншей под фундаменты. Всего расчищено 10 погребений. Они были перезахоронены компактно, рядом друг с другом примерно на одном уровне.

Среди отмеченных погребений, стоит подробно остановиться на погребении 13, принадлежащее женщине 40–49 лет. Особенностью данного погребения является то, что голова умершей покоилась на кирпиче. Об обряде помещения под голову покойным каменной «подушки» написано достаточно много (*Макаров, 1981; Беляев, 2005*). В христианской погребальной практике этот обычай фиксируется, начиная с XII–XIV вв. и существует до XVII – середины XVIII в. По мнению исследователей, кирпич, положенный в изголовье погребенного, указывал на аскетизм и праведность умершего. Погребения с каменными «подушками» интерпретируются как монашеские захоронения.

Рис. 5. Глиняные плитки пола

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования проб, отобранных из горизонта пожара деревянных конструкций

лабораторный номер	год	место отбора пробы	материал	возраст по C-14 (BP)	интервалы калиброванного возраста (AD)	
					1σ	2σ
Le-11195	2016	р.П, кв. Б2, гл. -179/-182, объект 5, северный нижний венец	древесина	275±60	1510-1670 (62,8%) 1780-1800 (5,4%)	1450-1690 (79,3%) 1730-1810 (12,5%) 1930-1960 (3,6%)
Le-11196	2016	р.П, кв. Б4, гл. -205, объект 6а	уголь	340±25	1490-1530 (23,0%) 1550-1640 (45,2%)	1470-1640 (95,4%)
Le-11198	2016	р.П, кв. Б2, гл. -177, объект 5, восточный нижний венец	древесина	315±25	1520-1600 (52,8%) 1620-1650 (15,4%)	1480-1650 (95,4%)
Le-11200	2016	р.П, кв. 4, гл. -130, объект 2, нижний венец	древесина	260±30	1520-1540 (7,7%) 1630-1670 (50,6%) 1780-1800 (9,8%)	1510-1600 (27,5%) 1610-1670 (52,8%) 1770-1800 (12,7%) 1940-1960 (2,3%)
Le-11213	2016	р.П, кв. Г6, гл. -242, объект 7 (ограда)	уголь	315±20	1520-1590 (54,8%) 1620-1640 (13,4%)	1490-1650 (95,4%)

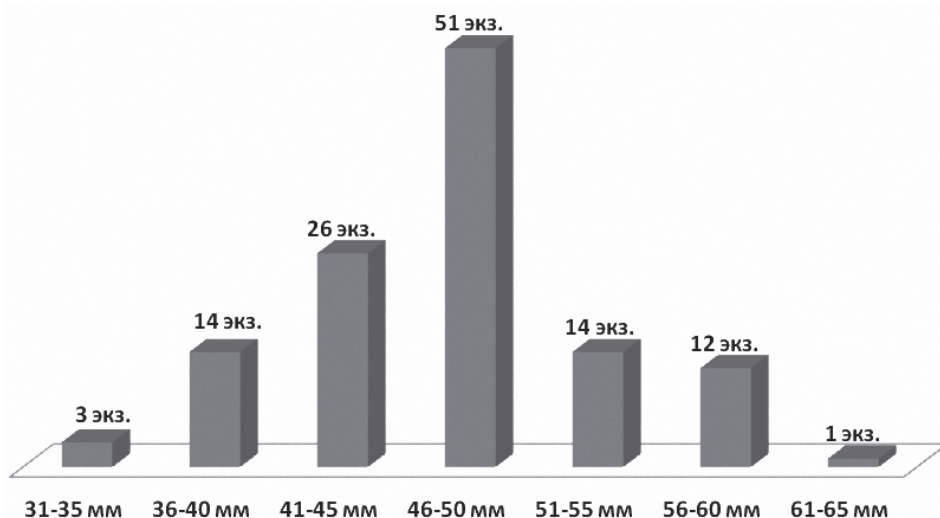

Рис. 6. График распределения глиняных плиток пола по толщине

Одной из наиболее интересных проблем является отсутствие культурных напластований второй половины XII–XIV в. на исследованном участке. Находки этого времени встречены в переотложенном состоянии: ледоходный шип, ключи, детали от навесных цилиндрических замков, фрагменты поливных импортных сосудов иранского или сирийского производства, фрагменты амфор восточно-средиземноморского происхождения (рис. 7). Уникальной находкой для территории Древней Руси является подвеска, изготовленная из твердого белого кашина и покрытая прозрачной бирюзовой глазурью (рис. 7, 5). Среди находок этого времени стоит отметить ювелирную матрицу для тиснения, на которой изображена голова мифического существа – дракона или змеи (рис. 7, 6). Подобные матрицы использовались для изготовления окончаний браслетов, завершающихся зооморфной головкой. Аналогичные матрицы обнаружены на городище Старая Рязань. По мнению авторов работ, они входили в состав клада, зарытого в 1237 г. (*Стрикалов, Чернецов*, 2015. С. 205–206).

Отсутствие культурных напластований второй половины XII–XIV вв. скорее всего объясняется двумя факторами:

- частично были срыты при нивелировке участка в XV в.;
- были уничтожены в период функционирования кладбища в XVI столетии.

Литература

- Беляев Л.А.*, 1996. Русское средневековое надгробие. М.
- Беляев Л.А.* 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. № 4. С. 171–175.
- Вдовиченко М.В., Седов Вл.В.*, 2016. Материалы к архитектуре комплекса Знаменской (Пятницкой) церкви во Владимире XVIII в. // КСИА. Вып. 244. С. 437–448.

- Добронравов В.Г., Березин В.М.*, 1893. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской Епархии. Вып. 1: Владимир и Владимирский уезд. Владимир: Типо-лит. В. Паркова.
- Макаров Н.А.*, 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. № 2. С. 111–116.
- Столярова Е.К., Панченко К.И.*, 2014. Стекланный сосуд XVII века стиля *façon de Venise* из Дмитриевского кремля // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. Вып. 10. М. С. 206–216.
- Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В.*, 2015. Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани // КСИА. Вып. 241. С. 202–206.
- Топографическое описание Володимерской, Суздальской, Переславской-Залесской и Юрьевской-Польской провинции городов в 1760-х годах // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 3. Владимир, 1880. С. 59–93.

В.Л. Щербаков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТОПИСНОЙ УНЖИ В 2014–2015 гг.

V.L. Scherbakov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH CHRONICLE OF UNZHA IN 2014–2015

Summary: The article presents the first results of the archaeological studies of ancient Unzha, located in Makaryevsky district of the Kostroma region. Regular researches of a complex of archaeological objects in Unzha started in 2014, when the archaeological expedition of the Kostroma state museum worked here. In 2014–2015 eight new archaeological objects of 15–19 centuries were found on the territory of ancient city. In 2015 the expedition did excavation on the territory of the Old Russian city posad, which was not destroyed in a result of human activities in the 20th century. Archaeological materials show the episodes of life and culture of urban population of the Kostroma region in the XII–XIV centuries.

Ключевые слова: Унжа, средневековье, город, посад, Костромской музей-заповедник.
Keywords: Unzha, middle ages, the city, Posad, Kostroma Museum-reserve.

Первое письменное упоминание Унжи связано с походом волжских болгар в 1219 г.: ими был «лестью» взят Устюг, но под Унжей они потерпели поражение (ПСРЛ. Т. 7, 1856. С. 126). В XIII в. Унжа выполняет функцию крепости на окраине Владимиро-Суздальской земли. Позднее в «Списке русских городов дальних и ближних» XIV–XV вв. Унжа перечислена среди залесских городов (*Тихомиров*, 1952. С. 225, 248).

Начало археологических исследований Унжи относится к 1981 г., когда Ю.Н. Урбаном (Волго-Окская экспедиция ИА АН СССР) были обследованы селища Унжа 1 и 2 (*Урбан*, 1981) (рис. 1: а, б). В 1982 г. этим же исследователем осмотрено городище Унжа и составлены паспорта на указанные памятники археологии. Селище Унжа 1 расположено на I–II террасах правого берега р. Унжи, южнее с. Унжа, у подножия плато, на котором стоит церковь Вознесения (*Урбан*, 1981. С. 29), датировано по итогам обследования 1981 г. XI, XIV–XVII вв. (Паспорт селища Унжа 1, 1982). Селище Унжа 2 «расположено на пологом склоне право-

го коренного берега р. Унжи, в 0,4 км. к ССВ от городища Унжа» (Урбан, 1981. С. 32), датировано I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. (Урбан, 1981. С. 32). Коллекция селища Унжа 2 состоит лишь из четырех недостаточно информативных фрагментов глиняной посуды (КМЗ НВ-17625).

В 1994 г. городище Унжа было обследовано экспедицией Национального музея Республики Марий Эл под руководством М.Е. Ильина (Ильин, 1994).

В 2011 г. в шурфе ООО «Костромская археологическая экспедиция», выкопанном в 200 м северо-восточнее селища Унжа 1, выявлена средневековая керамика (Новикова, 2011. С. 10–13). Расположение шурфа позволяет предполагать, что он был заложен на территории посада, описанного, но не поставленного на учет Ю.Н. Урбаном в 1982 г.: «Посад разделен оврагами на 4 слободы на мысах плато и столько же – на уровне 1-й террасы, прислоненной к концам мысов. Общие размеры посада 600×400 м. Слой на верхних площадках – черная супесь – мощностью до 0,5 м. Значительно мощнее и более жирно гумусирован он на нижних террасах. По огородам собрана коллекция венчиков XV–XVIII вв., но вероятен и более ранний материал» (Паспорт городища Унжа, 1982; Урбан, 1981. С. 28). В коллекции 1981 г. представлены фрагменты гончарной посуды, промаркированные как «Унжа-посад» (КМЗ НВ-17625).

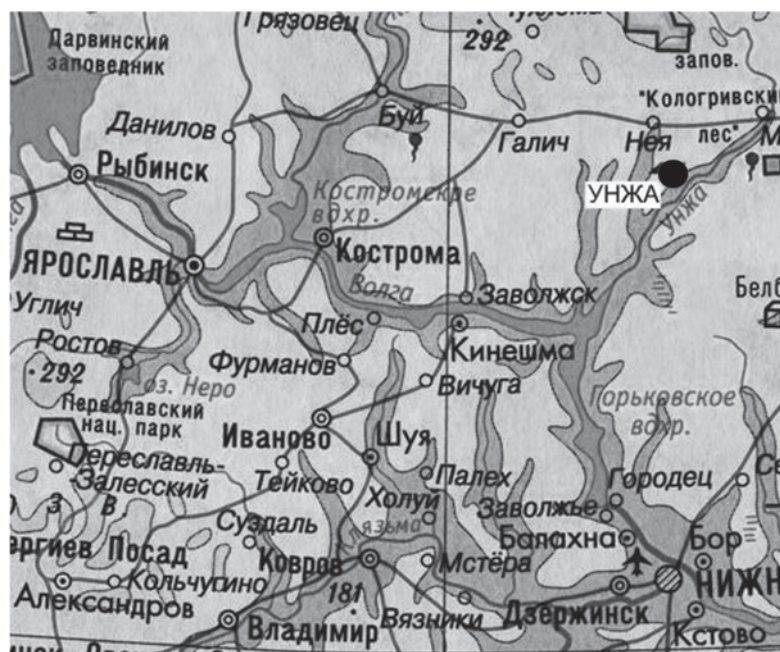
Экспедицией Костромского музея-заповедника в 2014–2015 гг. уточнены границы селища Унжа 1 (XI, XIV–XVII вв.¹) и выявлено восемь участков распространения культурного слоя города Унжи, разделенных естественными рубежами (реки, обрывы, овраги) (рис. 1: б): участок культурного слоя города Унжи XVI–XIX вв. на правом берегу р. Татарки; участок культурного слоя города Унжи XV–XIX вв. между рекой Татаркой и безымянным ручьем; участок культурного слоя города Унжи XV–XIX вв. между реками Татарка и Ключевка; участок культурного слоя города Унжи конца XV – первой половины XVII в. на левом берегу реки Ключевки; участок культурного слоя города Унжи на левом берегу реки Татарки на месте бывших острога и торговой площади XVI–XIX вв.; участок культурного слоя города Унжи XV–XIX вв. вдоль бывшей Кологривской дороги; участок культурного слоя города Унжи конца XVII–XIX в. к югу от бывшей улицы Унженской; участок культурного слоя города Унжи конца XVII–XIX в. вдоль бывшей Макарьевской дороги (Щербаков, 2014, 2016а).

Общая площадь участков культурного слоя посада Унжи, хронология которых укладывается в рамки XV–XIX вв., составляет около 18,2 га. Однако обследование «поздней» части Унжи не завершено.

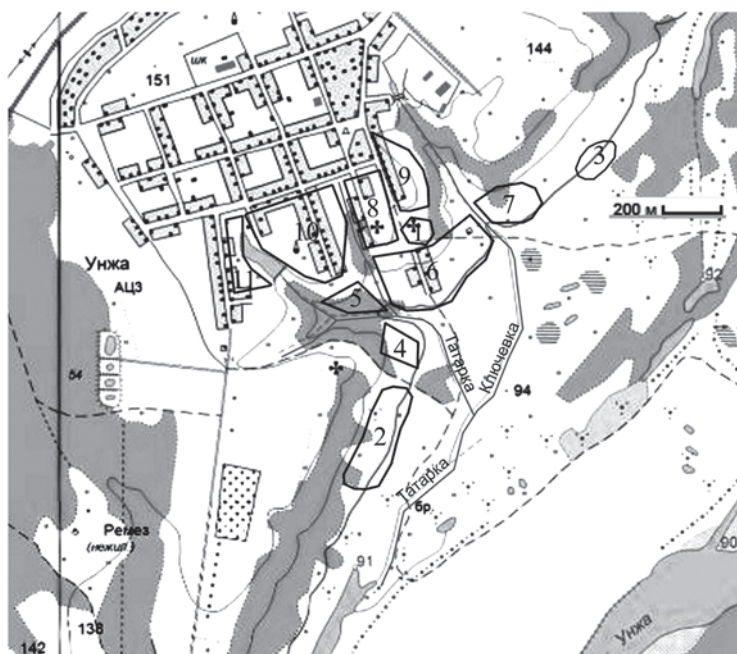
В 2015 г. экспедицией Костромского музея-заповедника обследовано городище Унжа (рис. 2: а). Площадь памятника с валом и рвом составляет около 1 га, площадка в пределах вала достигает 0,6 га. Шурф в западной части памятника, не занятой, согласно историческим планам, кладбищем, показал отсутствие стратифицированных отложений древнерусского времени. Немногочисленные фрагменты керамики, относящейся к XIV–XV вв., залежали в переотложенном состоянии. В шурфе выявлены погребения второй половины XVII и XVIII в. (Щербаков, 2016а. С. 17–33).

В 2015 г. на территории древнерусского посада Унжи (рис. 2: б), имеющей площадь около 3 га (с учетом результатов разведки 2014 г.), экспедицией

¹ Приведена датировка по паспорту 1982 г.

а

б

Костромского музея-заповедника проведены археологические раскопки на участке, примыкающем к шурфу № 1 2014 г. (Щербаков, 2016б). Раскоп 1 площадью 48 кв. м заложен в 110 м. к юго-востоку от Вознесенской церкви села Унжа на площадке у подножия первой надпойменной террасы правого берега р. Унжи (по нумерации Ю.Н. Урбана). Высота площадки над поймой составляет 1,5–3 м, у подножия площадки прослеживается сильно запылившая старица р. Унжи.

Обобщенная стратиграфическая колонка раскопа включает три слоя. Приводимые ниже датировки носят предварительный характер и основаны на анализе находок и залегании слоев относительно друг друга (рис. 3):

1. Слой темно-серой тяжелой супеси формируется в XIII (второй половине?) – XIV вв., верхняя часть слоя подвергается перемешиванию в ходе огородных работ и хозяйственной деятельности с XV в., приурочен к пласту 1.

2. Слой черно-серой тяжелой супеси формируется в XII–XIII вв., приурочен к пласту 2.

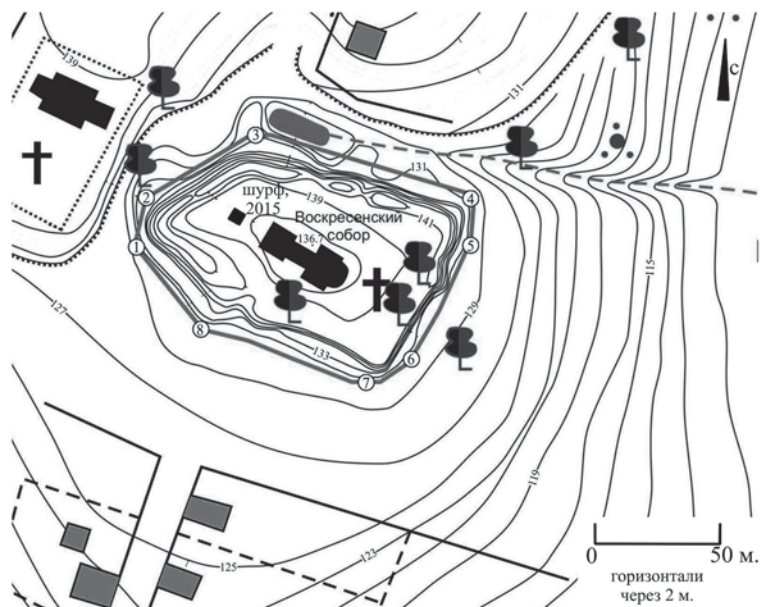
3. Слой серой тяжелой супеси формируется не позднее XII в., сохранился фрагментарно, снят при прокопке пласта 2.

Первые находки встречены в слое дерна: собрано 57 фрагментов керамики. Венчиков найдено 11 экз. Профилированные части сосудов, датирующиеся исключительно домонгольским временем, единичны. Преобладают формы, рамки бытования которых полностью или частично охватывают период XIII–XV вв. Орнаментировано только два фрагмента керамики: в одном случае орнамент волнистый, в другом – линейный.

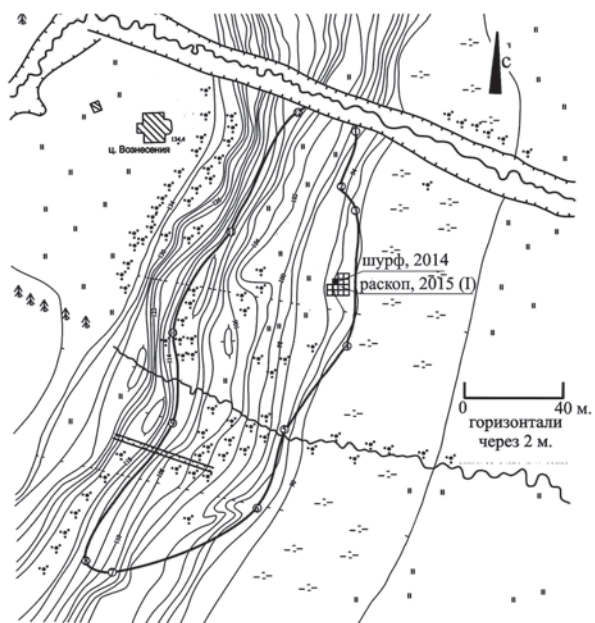
Немногочисленность массового материала в слое дерна объясняется тем, что в ходе огородных работ в новое время керамика удалялась с возделываемой территории как мусор.

В слое дерна собрано четыре индивидуальных находки: шиферное пряслице XI – конца XIII в. (Рыбина, 1978. С. 26) (рис. 4: 1), витой браслет из прозрачного коричневого стекла XII–XIV вв. (Полубояринова, 1963. С. 164–199; Щапова, 1969. С. 102–107), фрагмент амфоры из красножгущейся глины с примесью песка, с поверхностью, покрытой тонким слоем белого ангоба, широко датирующийся в пределах XII–XV вв. (тип I.2, IV.1, IV.4 (Коваль, 2010. С. 155, 162). Ввоз амфор в русские земли практически полностью прекратился к концу XIII в. (Коваль, 2010. С. 172). Относительно поздний период истории представлен монетой 1881 г. (3 копейки).

Рис. 1. Село Унжа на карте Костромской области (а) и памятники археологии на территории села (б): 1 – городище Унжа; 2 – селище Унжа 1; 3 – селище Унжа 2; 4 – участок культурного слоя города Унжи XVI–XIX вв. на правом берегу р. Татарки; 5 – участок культурного слоя города Унжи XV–XIX вв. между рекой Татаркой и безымянным ручьем; 6 – участок культурного слоя города Унжи XV–XIX вв. между реками Татарка и Ключевка; 7 – участок культурного слоя города Унжи конца XV – первой половины XVII в. на левом берегу реки Ключевки; 8 – участок культурного слоя города Унжи на левом берегу реки Татарки на месте бывшего острога и торговой площади XVI–XIX вв.; 9 – участок культурного слоя города Унжи XV–XIX вв. вдоль бывшей Кологривской дороги; 10 – участок культурного слоя города Унжи конца XVII–XIX в. к югу от бывшей улицы Унженской; 11 – участок культурного слоя города Унжи конца XVII–XIX в. вдоль бывшей Макарьевской дороги

а

б

Рис. 2. План городища Унжа (а) и селища Унжа 1 (б) с указанием мест проведения археологических работ

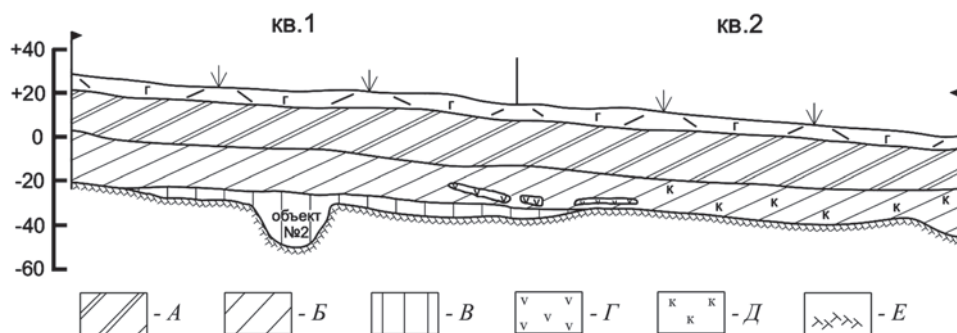

Рис. 3. Стратиграфия северной стенки (участок 1) раскопа 2015 г.

А – темно-серая супесь, Б – черно-серая супесь, В – серая супесь, Г – древесный уголь, Д – камни, Е – материк

При разборе пласта 1 собрано 975 фрагментов глиняной посуды, в том числе 221 венчик (рис. 4: 15). Преобладают формы XIII–XIV вв. Доля венчиков круговых сосудов домонгольского времени составляет почти 1/4 от общего количества венчиков пласта. Доля лепной и раннегончарной керамики X–XI вв. едва превышает 2% от общего количества венчиков первого пласта.

Орнаментировано только 50 фрагментов керамики (5,13% фрагментов посуды пласта 1). Преобладает разреженный линейный орнамент, остальные виды орнамента представлены на единичных фрагментах керамики.

При разборке первого пласта выявлены 23 датирующие индивидуальные находки. В кв. 1 найдены три фрагмента браслетов (два гладких, оливкового непрозрачного стекла, подпрямоугольного и круглого сечения; крупного кручения, из голубого прозрачного стекла) XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 164–199; *Щапова*, 1969. С. 102–107), бусина XI–XIII вв. округлой формы, навитая, из голубого прозрачного стекла (*Фехнер*, 1959. С. 169. Рис. 6; *Археология севернорусской деревни X–XIII вв.* Т. 2, 2008. С. 186–189. Табл. 86, 87) и дужка от цилиндрического замка XII–XV вв., соответствующего новгородским замкам типа Б, В, Г или Д по Б.А. Колчину (*Колчин*, 1959. С. 78–84) (рис. 4: 4). В кв. 3 найдены фрагмент колта (рис. 4: 2) начала XIV в. (?)² из металла белого цвета, дужка от цилиндрического замка XII–XV вв. (*Колчин*, 1959. С. 78–84) (рис. 4: 5). В кв. 6 найдены два фрагмента браслетов (мелкого кручения, зеленого полупрозрачного стекла и из черного непрозрачного стекла) XII–XIV вв., фрагмент днища сосуда с клеймом в виде двух соприкасающихся линий, не позднее XIV в. (*Кадиева*, 2007. С. 187), фрагмент днища с клеймом в виде окружности первой половины XI – середины XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 175). В кв. 7 найдены пять фрагментов браслетов (крупного кручения, из темно-синего непрозрачного стекла и из зеленого матового стекла; оплавленный, из голубого непрозрачного стекла; мелкого кручения, из черного непрозрачного стекла, перевитый желтой нитью, и из непрозрачного голубого стекла)

² Близкий по форме колт найден в слое нач. XIV в. в Новгороде, однако, звездчатые шестилучевые колты встречаются в Новгороде с конца XII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 19, 20. Рис. 5: 9).

ХII–ХIV вв., шарообразная бусина из горного хрусталя, Х–ХIII вв. (Фехнер, 1959. С. 156–157. Рис. 2), фрагмент глиняного рыболовного грузила яйцевидной формы с Т-образным оттиском-клеймом в углублении (рис. 4: 7), середина ХII – первая половина ХIII в.³ В кв. 8 найдены фрагмент браслета (гладкий, из непрозрачного патинированного зеленого стекла, сечение круглое) ХII–ХIV вв., фрагмент каменного равноконечного креста без изображений конец ХIII–ХV в. (Кабаев, Гальчук, 2007. С. 72, 73. Рис. 6; Колчин, 1982. Рис. 7) (рис. 4: 3). В кв. 11 найден фрагмент амфоры с ребристой поверхностью, датирующейся временем не позднее ХIII в. (Коваль, 2010. С. 172) (рис. 4: 8). В кв. 12 найдены корпус цилиндрического замка ХII–ХV вв. (рис. 4: 6), соответствующего новгородским замкам типа Б, В, Г или Д по Б.А. Колчину (Колчин, 1959. С. 78–84), фрагментированный ключ от навесного замка ХII – второй половины ХV в. (Колчин, 1959. С. 80–82, 87. Рис. 70).

При разборе пласта 2 собрано 1536 фр. глиняной посуды, в том числе 329 венчиков (рис. 4: 16). Преобладают формы ХIII–ХIV вв. Доля венчиков круговых сосудов домонгольского времени составляет немногим более 1/4 (25,53%) от общего количества венчиков пласта. Доля раннегончарных венчиков Х–ХI вв. едва превышает 3%.

Орнаментировано 300 фрагментов керамики (19,53% фрагментов посуды пласта 2). Преобладает линейный орнамент (186 фр., 62% орнаментированных фрагментов). Представительны группа фрагментов с волнистым орнаментом (40 экз., 13,33% орнаментированной керамики) и фрагментов, орнаментированных прокаткой зубчатого колесика (27 экз., 9% орнаментированной керамики). Остальные виды орнамента представлены малым количеством экземпляров.

При разборке второго пласта выявлено 18 датирующих индивидуальных находок. В кв. 1 был найден фрагмент днища глиняного сосуда с клеймом в виде окружности первой половины ХI – середины ХIII в. (Кадиева, 2007. С. 175). В кв. 2 найдены фрагмент браслета (мелкого кручения, из полупрозрачного оливкового стекла) ХII–ХIV вв., наконечник стрелы (рис. 4: 10) т.н. «новгородского типа» Х–ХI вв. (первой разновидности) (Медведев, 1959. С. 165). В кв. 3 найдена бусина (навитая, из желтого полупрозрачного стекла, округлая), середина ХII – ХIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186–189. Табл. 86, 87; группа III-12-87). В кв. 4 найдены бусина (навитая, из коричневого непрозрачного стекла, перевитая белой нитью, бочонковидная) первой половины ХII в. (?) (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186–188. Табл. 86; группа III-17-109) (рис. 4: 9); фрагмент браслета (гладкий, из полупрозрачного патинированного голубого стекла, треугольный в сечении) ХII–ХIV вв.; фрагмент бусины округлой формы, навитой, из голубого прозрачного стекла, ХI–ХIII вв. (Фехнер, 1959. С. 169. Рис. 6; Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186–189. Табл. 86, 87). В кв. 5 найдены фрагмент браслета (гладкий, из непрозрачного коричневого стекла, круглый в сечении) ХII–ХIV вв.; бронзовая деталь поясной гарнитуры (?) с петлями (рис. 4: 14) ХI–ХII вв. (Горюнова, 1961. С. 115–116. Рис. 54); крупный фрагмент лепного сосуда ХI–ХII вв. с линейным орнаментом, невысокой отогнутой наружу шейкой

³ Два Т-образных клейма известны на днищах сосудов из Ярополча-Залесского, датирующихся сер. ХII – перв. пол. ХIII в. (Кадиева, 2007. С. 185). Считаем возможным в качестве предположительной даты указать те же временные рамки.

и примесью дресвы высокой концентрации (аналогичная по форме посуда из раскопок селища Шурскол 2 на Ростовском озере (группа II) происходит из слоя XI–XII вв. и встречается совместно с круговой керамикой (подробнее см. *Исланова*,

Рис. 4. Находки из слоя дерна (№ 1), первого пласта (№ 2–8, 15) и второго пласта (№ 9–14, 16) раскопа 2015 г.: 1 – пряслице; 2 – фрагмент височного кольца; 3 – крест; 4, 5 – дужки замков; 6 – корпус замка; 7 – грузило рыболовное; 8 – фрагмент амфоры; 9 – бу-
 сина; 10 – наконечник стрелы; 11, 12 – фрагменты днищ сосудов с клеймами; 13 – фрагмент
 перстня; 14 – деталь пояса (цепи?); 15 – образцы керамики из первого пласта; 16 – образцы
 керамики из второго пласта; материал: 1, 3 – камень; 2, 13, 14 – цветной металл; 4–6, 10 –
 железо; 9 – стекло; 7, 8, 11, 12, 15, 16 – глина

1982. С. 195. Рис. 4: 3, 4). Примечательно, что деталь поясной гарнитуры и фрагмент лепного сосуда происходят из верхней части пятна глины, окончательно оконтурившегося после снятия пласта 2 и интерпретируемого нами как остатки отопительного устройства объекта № 1. В кв. 7 найден фрагмент браслета (гладкий, из прозрачного голубого стекла, треугольный в сечении) XII–XIV вв. В кв. 8 найдены два фрагмента одного (?) браслета (мелкого кручения, из черного непрозрачного стекла, перевит желтой нитью) XII–XIV вв. В кв. 10 найден фрагмент бронзового перстня (щиток) (рис. 4: 13) со следами позолоты и ободком по нижнему краю, выполненным в технике скани. Щиток был декорирован эмалью, практически полностью выкрошившейся, предположительная дата – не позднее первой половины XIII в. Помимо фрагмента перстня в этом же квадрате найдены два фрагмента днищ глиняных сосудов с геральдическими клеймами конца XI – конца XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 185) (рис. 4: 11, 12). В кв. 12 найдены фрагмент бронзового плетеного браслета XI–XIV вв. (*Седова*, 1981. С. 249) и крупный фрагмент браслета XII–XIV вв. (гладкий, из темно-зеленого полупрозрачного стекла, подтреугольный в сечении).

Углубленные в материк ямы содержали лишь немногочисленные фрагменты керамики. Два объекта оказались более насыщенными находками (рис. 5: 11). Ниже приводится их описание.

Со слоем черно-серой супеси связан объект № 1, представляющий собой углубление, маркирующее остатки наземной постройки с отопительным устройством. Основная часть заполнения объекта представлена черно-серой супесью, отложившейся в западине после прекращения его функционирования. Собрано 553 фрагмента глиняной посуды, в том числе 108 венчиков (рис. 5: 9). Преобладает керамика XIII–XIV вв. Доля профилированных частей круговых сосудов домонгольского времени составляет более 1/3 (34,26%) от общего количества венчиков из заполнения объекта № 1. Доля раннегончарной и лепной керамики X–XI вв. составляет около 3% от общего количества венчиков из заполнения объекта № 1.

Орнаментировано 134 фрагмента керамики (24,23% фрагментов посуды из заполнения объекта № 1). Преобладает линейный орнамент (66 фр., 49,25% орнаментированных фр.). Представительны группа фрагментов с волнистым орнаментом (17 экз., 12,69% орнаментированной керамики) и фрагментов, орнаментированных прокаткой зубчатого колесика и отпечатками штампа (25 экз., свыше 18,5% орнаментированной керамики). Остальные виды орнамента представлены малым количеством экземпляров.

Доля орнаментированной керамики (около 24% от общего количества керамики объекта № 1) выше, чем этот же показатель для слоя черно-серой супеси.

В объекте № 1 выявлены 9 датирующих индивидуальных находок: 1) полное трехбусинное височное кольцо XII–XIII вв., (группа 3 по М.В. Седовой) (*Седова*, 1981. С. 14) (рис. 5: 2); 2) фрагмент монетовидной подвески XI–XIII вв. с ложно-зерненым орнаментом в виде рядов точек внутри окружности (*Успенская*, 1967. С. 111; *Рябинин*, 1986. С. 73) (рис. 5: 1); 3) железный плоский ромбический наконечник стрелы с упором для древка XI – первой половины XIII в. (тип 11 по А.Ф. Медведеву) (*Медведев*, 1959. С. 166) (рис. 5: 3); 4) фрагмент крученого браслета из синего прозрачного стекла XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 164–199;

Щапова, 1969. С. 102–107); 5) свинцовый грузик-пуговица конической формы (аналогичные встречены в материалах раскопок Новгорода Великого X–XV вв., в домонгольских слоях Суздаля и в материалах Осовецкого археологического комплекса конца XII – первой половины XIII в. (Седова, 1981. С. 156; Седова, Бельнская, 1981. С. 112; Шполянский, 2015. С. 169) (рис. 5: 6); 6) фрагмент бочонковидной бусины прозрачного стекла XII–XIII вв. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186–189, табл. 86, 87; группа III-12-92); 7) развал сосуда второй половины XIII в. (Коваль, 2014. С. 519, 541. Рис. 34; группа 8/1 расширенной

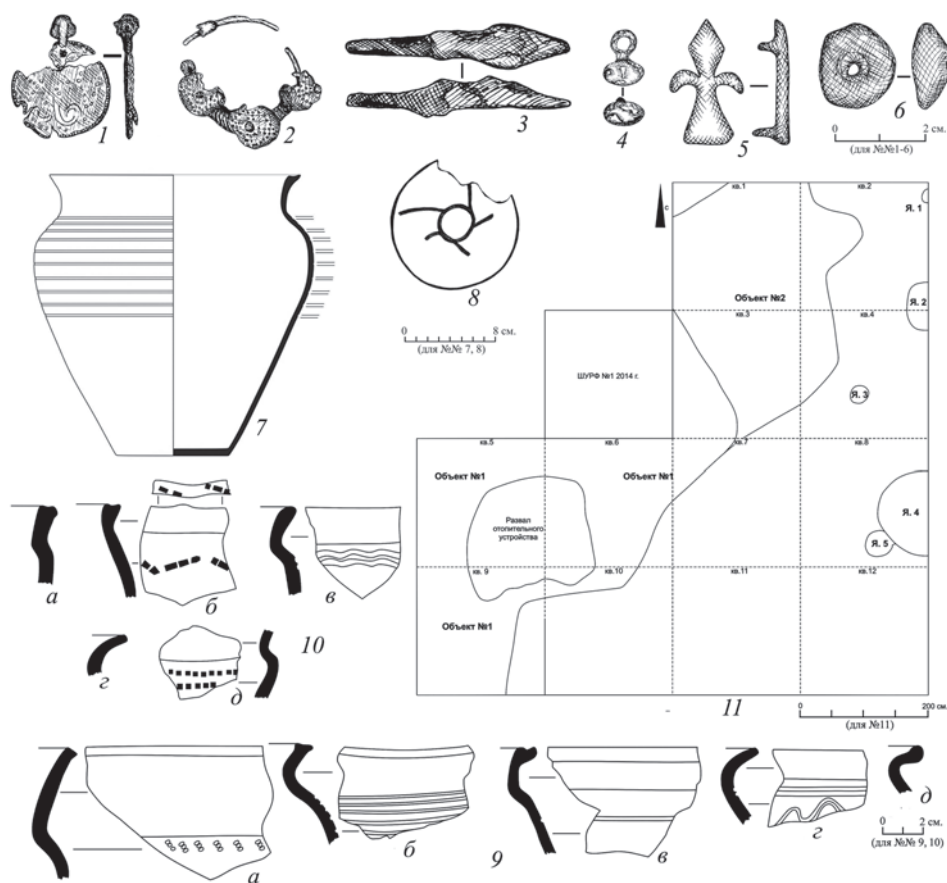

Рис. 5. Находки из объектов 1 (№ 1–3, 6, 7, 10), 2 (4, 5, 8, 9) раскопа 2015 г. и план расположения объектов в раскопе (№ 11): 1 – монетовидная подвеска; 2 – трехбусинное височное кольцо; 3 – наконечник стрелы; 4 – пуговица; 5 – накладка; 6 – грузик; 7 – реконструированный сосуд (развал); 8 – фрагмент дна сосуда с клеймом; 9 – образцы керамики из объекта 1; 10 – образцы керамики из объекта 2; материал: 1, 2, 4, 5 – цветной металл; 3 – железо; 6 – свинец; 7–10 – глина

системы классификации венчиков) (рис. 5: 7). В заполнении объекта № 1 найдены также две части днищ керамических сосудов с фрагментами клейм (основной элемент – окружность), XII – конец XIII в. (Кадиева, 2007. С. 187). Из придонной части заполнения объекта происходит только наконечник стрелы XI – первой половины XIII в. Принципиальное значение для определения времени функционирования постройки имеют предметы, найденные в остатках отопительного сооружения: деталь пояса XI–XII вв. и фрагмент лепного сосуда XI–XII вв., описанные ранее.

Время функционирования объекта № 1 можно предварительно определить (учитывая, помимо находок, стратиграфические и планиграфические данные) в пределах XII в. После прекращения функционирования объекта № 1 его западина заполнялась культурным слоем на протяжении всего XIII в. и, возможно, начала XIV столетия.

Слой серой супеси сохранился в пределах раскопа фрагментарно. С ним связано заполнение объекта № 2, являющегося более ранним по отношению к объекту № 1 (рис. 5: 11). Объект № 2, слабо углубленный в материк, можно предварительно атрибутировать как остатки постройки без отопительного устройства. Всего при разборке заполнения объекта № 2 собрано 44 фрагмента глиняной посуды. Шестью фрагментами представлены венчики (рис. 5: 10). Преобладают профилированные части сосудов домонгольского времени, встречен венчик лепного сосуда, который можно предварительно датировать в пределах X–XI вв.

Орнаментирован 21 фрагмент керамики (почти 1/2 фр. посуды из заполнения объекта № 2). Примерно в равной степени представлены линейный (4 фр.), волнистый (4 фр.), линейно-волнистый (5 фр.), нанесенный гребенкой (4 фр.) орнаменты. Доля орнаментированной керамики в материалах объекта № 2 существенно превышает аналогичный показатель пластов 1, 2 объекта № 1, что, на наш взгляд, имеет хронологическое значение и указывает на относительно более раннюю дату объекта № 2.

При разборке заполнения объекта № 2 встречены 4 индивидуальные находки:

1) днище керамического сосуда с клеймом в виде вращающейся по часовой стрелке окружности с шестью лучами XII – середины XIII в. (Кадиева, 2007. С. 176, 177) (рис. 5: 8);

2) фрагмент рыбовидной бусины синего прозрачного стекла XI – начала XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186–188. Табл. 86);

3) криновидная накладка из медного сплава с двумя прямыми шпёнками на оборотной стороне (рис. 5: 5);

4) грибовидная пуговица из медного сплава (рис. 5: 4).

Анализ планиграфических данных, характера заполнения объекта № 2, особенностей массового материала и индивидуальных находок позволяет предварительно датировать этот объект в пределах первой половины (?) XII в. В пользу предлагаемой датировки свидетельствует то, что объект № 2 в южной части прорезан объектом № 1, функционировавшим в XII в. (рис. 5: 11).

Вероятно, ранний культурный слой, с которым могут быть связаны находки лепной и раннегончарной керамики, явно переотложенного наконечника стрелы новгородского типа, практически полностью уничтожен в результате активной деятельности людей в XII–XIV вв.

Помимо прочего, на исследованном участке обнаружены следы производственной деятельности: фрагменты тиглей, выплески металла, куски металлургического шлака, кости животных со следами пиления, заготовка костяного наконечника стрелы.

В целом, культурный слой на месте работ 2015 г. отличается хорошей стратифицированностью. Основная часть керамики характеризуется крупными размерами фрагментов. К сожалению, повышенная кислотность почвы на исследованном участке предопределила плохую сохранность находок из металла.

В ходе исследований 2014–2015 гг. получены новые данные о хронологии освоения территории города Унжи, структуре его городской территории. Безусловно, пока их можно рассматривать только как предварительные. Отсутствие материалов древнерусского времени на городище и их наличие на посаде дают основание поставить вопрос о месте возникновения Унжи и первоначальном характере поселения.

Литература

- Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с.
- Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М. 266 с.
- Исланова И.В., 1982. Селище Шурскол 2 близ Ростова Великого // СА. № 2. С. 185–195.
- Кабаев Д.А., Гальчук Л.Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 1. М. С. 68–74.
- Кадиева Е.К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 3. М. С. 172–188.
- Коваль В.Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII в. М. 270 с.
- Коваль В.Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10. М. С. 489–571.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М. С. 7–120.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 160–177.
- Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М. С. 121–191.
- ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. 347 с.
- Полубояринова М.Д., 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // МИА. Вып. 117. М. С. 164–199.
- Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М. 167 с.
- Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л. 160 с.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Седова М.В., Бельнская Д.А., 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М. С. 95–115.

- Тихомиров М.Н.*, 1952. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. М. С. 214–259.
- Успенская А.В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 43. М. С. 88–132.
- Фехнер М.В.*, 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 149–224. (Тр. ГИМ; Вып. 33).
- Шполянский С.В.*, 2015. Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 11. М. С. 164–177.
- Щапова Ю.Л.*, 1969. Стекланные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА. № 4. С. 102–107.

Архивные материалы

- Ильин М.Е.*, 1994. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Национального музея Республики Марий Эл в Макарьевском районе Костромской области в 1994 г. / Департамент культуры Костромской области. Кострома. Коллекция предметов из разведок 1981–1984 гг. Костромской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. КМЗ НВ-17625.
- Новикова О.В.*, 2011. Научное заключение о выполненной археологической разведке (предварительное обследование) на участке строительства ВОЛС ОАО «Мегафон» в Судиславском, Островском, Кадыйском, Макарьевском, Мантуровском районах Костромской области / Департамент культуры Костромской обл. Кострома.
- Паспорт городища Унжа / сост. Ю.Н. Урбан / Департамент культуры Костромской обл. Кострома, 1982.
- Паспорт селища Унжа 1 / сост. Ю.Н. Урбан / Департамент культуры Костромской обл. Кострома, 1982.
- Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области, 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1 9806.
- Щербаков В.Л.*, 2014. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 г. Том 1–2 / Костромской музей-заповедник. Кострома.
- Щербаков В.Л.*, 2016а. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. / Костромской музей-заповедник. Кострома.
- Щербаков В.Л.*, 2016б. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV–XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. / Костромской музей-заповедник. Кострома.

Д.А. Антонов

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО Г. ГОРОДЦА И ЕГО РОЛИ В ОСВОЕНИИ ЗАВОЛЖСКИХ ЗЕМЕЛЬ

D.A. Antonov

THE STRUCTURE OF THE MEDIEVAL CITY OF GORODETS AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF LANDS BEHIND VOLGA

Summary. One of the stages of studying the process of development of the territory of the Volga volosts of the Nizhniy Novgorod Volga region in the 12th–14th centuries is a comparative analysis and comparison of the materials of the Gorodets and its district. Medieval cities were economic, administrative and military development centers of the district. In determining the functions, economic weight and location of the city in the settlement system, its role in the settlement and development of lands is revealed. An important indicator is the ratio of its area and the area of rural settlements. The question of the constituent parts (the structure of the city) forming the territory of the city arose when determining the area of a city territory. It is an indicator of the development of the city. Thus, the consideration of the structure of the medieval city became an indispensable stage in the study of the system and the process of settlement as a whole. The territory of the medieval Gorodets is usually outlined by the lines of earthen ramparts in historiography.

But it was not limited to the parts of the detinets and the main land. The second land could be populated to a certain extent. The urban area included the site of the Lower Sloboda and the territory of the opium that was developed during the development of the city, which was on the north and east side of the fortification line. One can not ignore the possibility of the existence of the lower part of the city at the foot of the slope on the river terrace.

Ключевые слова: Городец, территория и структура, колонизация, округа.

Keywords: Gorodets, territory and structure, colonization, district (locality).

Основную роль в процессе освоения территории Нижегородского Поволжья в средние века играли города. Являясь центрами колонизации, Городец и Н. Новгород на разных этапах процесса освоения, определяли основные направления развития региона. Средневековые города являлись экономическими, административными и военными центрами развития отдельных территорий. Учитывая

Рис. 1. План города Городца с указанием мест проведения археологических исследований

A – раскоп, *B* – шурф, *B* – наблюдение, *Г* – захоронение, *Д* – граница распространения культурного слоя г. Городца, *Е* – городской вал, *Ж* – границы распространения культурного слоя в Нижней Слободе

роль торговли и военной угрозы, как факторов развития городов, на первое место среди этих условий исследователи ставят связь города с округой. «Город – всегда центр большей или меньшей округи», т.е. центр экономики определённой территории и поэтому развитие города нельзя изучить в полной мере без рассмотрения формирования его округи (Седова, 1992. С. 97–98). При изучении динамики освоения территории заволжских волостей Нижегородского Поволжья в XII–XIV вв., одним из необходимых этапов является сравнительный анализ и сопоставление археологических материалов средневекового Городца-на-Волге и его сельской округи. При определении места города в системе расселения, его функций и экономического веса, можно выявить его роль в заселении и развитии земель. Главным источником в этом вопросе служат археологические материалы, т. к. письменные источники не дают необходимых данных (Грибов, 2008. С. 26; Пудалов, 2003. С. 9–76).

Городец расположен на левом берегу р. Волги, в 47 км к северо-западу от устья р. Оки и является древнейшим городским центром нижегородских земель. Памятник занимает площадку уступа обрывистой 4-й волжской террасы над руслом реки. Дата основания Городца не известна и является дискуссионной (Селезнёв, 2012). Возникнув, по разным версиям, в середине или в последней четверти XII в., укреплённый деревоземляной крепостью город, по мнению исследователей, стал прежде всего опорным пунктом противостояния с Волжской Булгарией и продвижения княжеской власти (Кузнецов, 2008). В летописях Городец характеризуется как место сбора войск для походов. В 1238 г. он захвачен монголами и в дальнейшем упоминается преимущественно как пункт на Волжском пути. В последней трети XIII в. Городец из состава великокняжеских владений переходит к сыну Александра Невского – Андрею Городецкому. С 1341 г. – это центр одного из уделов Нижегородско-Суздальского княжества и вотчина Бориса Константиновича. В 1408 г. Городец razoren и в период XV–XVI вв. его территория не застраивается.

Не касаясь спорного вопроса о времени и причинах основания самого Городца, отметим ряд моментов касающихся темы освоения городецких земель. Если принять данные археологических исследований о том, что в округе городища нет сельских поселений, датируемых раньше времени его основания, то возникает вопрос: если вокруг Городца в нач. XIII в. появляется округа, то сколько времени могло пройти от его основания до активного заселения сельской территории? Стоит учитывать тот момент, что нам неизвестна точная датировка всех существовавших поселений, многие из которых и не выявлены. В частности, слабо изученной является северная округа Городца и территория, расположенная на пограничье с костромскими древностями (северная часть Городецкого района, Сокольский район), что не позволяет судить о времени и особенностях заселения этой территории. Наличие более ранних костромских материалов может говорить о проникновении первых поселенцев на рассматриваемую территорию до основания города, что противоречит выводам об исключительно княжеской колонизации. Рассуждения ряда авторов об особенностях развития г. Городца в XII–XV вв. основаны на небольшом количестве публикаций археологических материалов, носящих в большей степени обобщающий характер, что делает выводы по ряду вопросов преждевременными.

Как уже говорилось, предполагается, что Городец основан на незаселённой ранее территории, т.е. должен был развиваться вне первоначальной связи с аграрными поселениями. При разведках в округе современного города не выявлено материалов ранее последней четверти XII в. Раскопки селища Нагавицыно 1 позволили определить время его существования только в границах XII–XIII вв. (Коновалова, 1992. С. 47–50). Наличие курганных групп, как в окрестностях Городца, так и на значительном удалении (бассейн р. Линды с притоками), подсказывает, что заселение округа началось в домонгольский период. На удалении от Городца зафиксированы селища, датируемые первой половиной XIII в. Таким образом, если принять версию об основании Городца до заселения его округа, то она, в последующем, должна была сформироваться достаточно быстро. По всей видимости, уже на первом этапе развития города, в конце XII – первой четверти XIII в., происходило одновременное расширение и городской территории и развитие сельской округи. Характеристика Городца как центра, развитие которого в первое десятилетие не зависело от сельской округи, а стимулировало её развитие, связано с его основанием на пограничье Владимиро-Суздальской Руси. Быстрое развитие городов, возникших на неосвоенных территориях, по сравнению с округой, по мнению исследователей, не редкость и считается продуктивной моделью градообразования (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 92–94). При последующем опережающем развитии Городца, его доля в общем экономическом и демографическом потенциале округи должна была быть высокой. Важным показателем для определения роли города в освоении территории, по примеру исследований Белозерья, можно считать его площадь в соотношении с суммарной площадью сельских поселений.

При определении общей площади городской территории возникает вопрос об образующих его составных частях (площадь города в целом, его отдельных частей, общий охват селитебной или хозяйственной зоны), т.е. о структуре города, являющейся важным показателем его развитости. В более широком плане город выступает как «главный образующий элемент структурно-пространственной организации» в структурировании системы расселения. При развитии города выделяют три уровня: становление системы города; развитие системы город – деревня, когда активно развиваются системные связи «деревня – город как новая структурная организация расселения». На этом уровне развитие города проходит по двум фазам: конструирование города в пространстве, в противопоставлении деревне и пространственное расширение и последующее усложнение структуры и составных частей города, включая углубление основ городской жизни – ремесла, торговли и т.д.; развитие системы город – деревня как целостной структуры, с одновременным усложнением внутригородских структур, образующих город и корректирующих связи с округой (Сайко, 1992. С. 55–57). Таким образом, рассмотрение структуры средневекового города становится необходимым этапом изучения процесса расселения в целом.

Территорию средневекового Городца в историографии принято ограничивать линиями земляных валов. Его внутренняя структура делится по традиционному варианту: детинец (3,5 га) укрепленный с напольной стороны и вдоль оврагов валом и рвом; с востока полукольцом примыкающий посад, разделенный на две части укреплениями (54,5 и 17 га) (Гусева, 2004; Грибов, 2008. С. 36). Данное деление

города основано, прежде всего, на наличии линий оборонительных сооружений, разделяющих территорию городища по «архитектурному» принципу, без выделения районов по социальному или профессиональному признакам. Традиционно территорию детинца определяют как административный центр и место проживания представителей княжеской власти, что иллюстрируется находками свинцовых пломб и княжеских вислых печатей. Остальная часть внутри городских укреплений считается посадом с проживающим там населением.

Сложным вопросом является оценка территории второго посада, расположенная с южной стороны от основного. При работах различных экспедиций были получены противоречивые выводы об отсутствии или степени заселения данного участка. Линия его укрепления была не достроена или разрушена при захвате города. Материалы, выявленные здесь, дают основание говорить об освоении этой территории. В переотложенных грунтах были выявлены фрагменты средневековой керамики и предметы, а под слоем насыпных грунтов местами располагался старый пахотный слой, также содержащий ранние материалы. Вполне возможно, что на сохранность археологических комплексов на этом участке повлияло расположение здесь нефтебазы в XX в. – верхний уровень почв и культурного слоя срезан или переотложен местами до почвообразующих пород. В настоящее время преобладает мнение о не заселённости и хозяйственном использовании второго посада в качестве угодий в XII–XIV вв., что в целом не объясняет попадание в пашню и в переотложенные грунты большого количества средневековых предметов и керамики. Если данная территория не была заселена, то это может характеризовать Городец как город, развитие которого было не завершено, что сказывается на оценке уровня его экономики, целостности и завершенности процесса формирования городской территории. С другой стороны, заселение территории за внешней границей укреплений в обход этого участка выглядит не логичным.

За пределами второго посада, с юга от укреплений, на первой надпойменной террасе расположено селище Нижняя Слобода, датируемая периодом XII–XVIII вв. Мощностъ и насыщенность культурных напластований селища, а также его близкое месторасположение к городищу, подводит к вопросу о правомерности исключения его из структуры города и выделения в отдельное поселение (Зарубин, 2002. С. 42–45). Общая площадь данного участка составляет около 2 га. Вполне возможно, что он, по примеру других городов, являлся «слободой», с промысловой и торговой специализацией населения. Источники XVII в. дают именно такую картину развития Нижней Слободы. Интересна и оценка участка города вдоль линии воды у подножия склона четвертой террасы, на которой располагаются детинец и посады. Культурные напластования здесь не выявлены, но в ходе разведок и раскопок вблизи уреза воды, собрана богатейшая коллекция материала, включающая нумизматический материал, свинцовые пломбы, украшения и другие предметы. Считается, что данный материал попал на берег реки при оползнях площадки детинца и при выносе из оврагов ручьями. Но, как показал осмотр, подъёмный материал встречается вдоль всей линии средневекового города, включая участок Нижней слободы и второго посада. На основе анализа микрорельефа местности, материалов XIX в., общей оценки положения Городца у речного пути, возникает предположение, что ранее здесь располагалась нижняя часть города, связанная с

торговлей, речным портом, с соответствующими структурами по контролю торговли и перевоза грузов, возможно и жилая зона. Располагаться она могла на размытой к настоящему времени первой речной террасе, остатки которой сохранились у Нижней Слободы и на отдельных отрезках подножия откоса четвёртой террасы. Интересно и то, что свинцовые пломбы были найдены только на этом участке, но не встречаются на детинце.

При обследовании объектов строительства с внешних, с северо-восточной и восточной сторон от земляного вала, были выявлены участки средневековой застройки XIII–XIV вв. и признаки хозяйственного освоения. Культурные напластования обнаружены с северной стороны от городища, вдоль края откоса волжской террасы: на ул. Г. Успенского остатки постройки с подпечной ямой и развалом печи; в северо-восточной стороне от линии земляного вала на пл. Пролетарская остатки столбовой конструкции; на ул. Якова Петрова заполнение котлована средневековой постройки, перекрытое слоем пожарища; с востока в районе микрорайона Матрёнино в пахотных горизонтах; с северо-восточной стороны от вала по ул. Новая и ул. Кирова материалы XII–XIV вв. в поздних напластованиях или в сохранившихся прослойках на уровне материка. Данные объекты могут восприниматься как пригородные селища небольшой величины, расположенные вдоль дорог или рядом с сельхозугодьями, а отдельные скопления керамики или предметы в окрестностях вала обычно объясняются их случайным распространением в ходе хозяйственной деятельности в XII–XIV вв. Но картографирование данных объектов скорее говорит о более или менее сплошной территории заселения и развитии здесь нового участка города. Даже если предположить, что участки, где были найдены культурные напластования, являются пригородными селищами, то возникает вопрос о взаимосвязи их с городом, а наличие рядом угодий также может быть интересным фактором для понимания хозяйственного развития Городца. Освоение территории к северу и северо-востоку от линии валов не противоречит логике развития городской территории – данные участки наиболее удобные по плоскому рельефу и качеству почв для ведения хозяйства и застройки.

Таким образом, если принять во внимание факты обнаружения средневековых культурных напластований за пределами линии укреплений, площадь и структура города представляется иной. Городская территория не была ограничена только участками детинца и основного посада. Заселённым в определённой мере мог быть и второй посад. В городскую структуру в экономическом плане, как минимум, входил участок Нижней Слободы, а также освоенная при развитии города территория с северной и восточной сторон от линии укреплений. Кроме того, нельзя исключать и возможность существования нижней части города у реки. В характеристике внутренней структуры города особое место занимает размещение производственных участков. На территории отдельных усадеб при раскопках были зафиксированы остатки косторезного, камнерезного, бронзолитейного, железообрабатывающего производств, но данных о сложении специализированных кварталов с различными ремёслами нет, что в целом может отражать и уровень исследований, и говорить о развитии города, сочетающего в себе черты городского центра и сельского типа хозяйствования. Городец возможно был полифункциональным городом, с большим уделом аграрного сектора.

Более чётко локализуются городские некрополи, расположенные по территории городища. Известные по раскопкам участки с захоронениями сосредоточены в центральной части городища, но встречаются локально и в отдалённых от центра участках. Судя по особенностям захоронений, некрополи носили как постоянный характер, так и кратковременный, связанный с периодом разорения Городца. Анализ данных о захоронениях в определённой степени может говорить о социальной топографии городища, т.е. инвентарный состав и оформление могил должны, по сути, свидетельствовать о социальном уровне людей, проживавших в этом районе города. Большинство захоронений безинвентарные, т.е. малоинформативны, за исключением отдельных случаев, к примеру, женские захоронения с парчовыми очельями с золототкаными лентами византийского происхождения или захоронения со скандинавскими фибулами и набором инвентаря, принадлежавшие более высокому рангу. Данные факты могут говорить о проживании знати не только на территории детинца.

Возвращаясь к оценке общей площади территории средневекового Городца, отметим, что участок внутри линии укреплений составляет 77 га, а с учётом укреплений 85 га. Динамику застройки этой территории в настоящий момент определить сложно, для этого необходимо датировать каждый исследованный археологический комплекс и выстроить схему хронологического развития культурного слоя на всей территории Городца.

Известно о запустении укреплений детинца в XIV в. и расширении на их территории жилых зон, о чём говорит тесная застройка в центре Городца. Также возможна незавершенность укреплений второго посада и развитие отдельных отрезков улиц. Как уже отмечалось, территорией средневекового города считается площадка внутри городских укреплений и именно величина этой площади берётся часто за основу при определении степени развития города среди других городских центров северо-востока. Но, учитывая заселённые участки за пределами крепостных укреплений, общая площадь средневекового Городца может составить значительно большую величину и достигать более 90 га. Возникает вопрос о стабильности заселения такой территории города в разное время и поэтапном расширении его границ и формировании структуры. Незначительность мощности культурных напластований на одних участках и большая плотность застройки на других, может говорить о разреженном или не постоянном заселении отдельных участков города удалённых от центра. С другой стороны, однородность структуры напластований на участках внутри и снаружи крепости говорит и о равномерном расширении заселения. Возможно, что наличие свободного пространства вокруг города, позволяло осваивать его округу и избегать тесноты усадебной застройки внутри крепости. Соответственно, большая площадь города, даже по сравнению с другими городами этого времени, не обязательно будет говорить о большем экономическом потенциале Городца или его концентрации в центре. Тем не менее, судя по площади города, его удельный вес по отношению к округе скорее всего был очень значительным. Площадь Городца, по нашим данным, близка к общей площади известных сельских поселений (более 90 га городской территории и около 100 га известных селищ). Учитывая, что далеко не все селища выявлены с определением их точных площадей, можно предположить, что площадь городища составляла

около половины общей возможной площади городецких селищ. Но этот показатель может измениться при проведении дальнейших работ. Если принять версию о возникновении Городца на ранее незаселённой территории, то на первом этапе своего развития город мог существовать как самодостаточный организм с многопрофильным хозяйством, с собственной аграрной зоной и промысловыми угодьями. Судя по археологическим данным, в городе представлено разнообразное ремесло и промысловая деятельность, но степень его доминирования над сельскими поселениями как производственного центра над аграрной округой была, видимо, ограничена. На селищах также присутствуют признаки развития ювелирного дела, кузнечного и железоделательного производств, промысловые отрасли хозяйства. Отсутствие письменных источников не позволяет детально оценить роль городского центра в системе связей с деревней. Несомненно, город выполнял функции административного и экономического центра, но в какой мере хозяйственное освоение заволжских земель регулировалось из города и было основано на его ресурсах – судить сложно. Сфрагистические материалы отражают значение Городца как административного центра. Между городом и сельскими поселениями должны были сформироваться прочные связи. Отсутствие крупных селищ и развитой «гнездовой» структуры расселения может говорить о концентрации власти в городе в конце XII–XIII в. По данным раскопок на ряде селищ в XIII в. можно выделить размещение служилого сословия, выделить также поселения с более высоким статусом по сравнению с окрестными поселениями, о чём свидетельствуют находки вооружения и снаряжения всадника, предметы импорта, статусные предметы и особенности планировки селищ. В этом можно видеть процесс испомещения служилого сословия на поселениях и раздачу земли княжеским слугам, что потом привело к усложнению системы расселения в целом. Аналогией может служить более позднее заселение данной территории в XVI в.: при повторном освоении Зауольской волости, после запустения в XV в., формирование системы расселения проходит при наличии одного административного центра – погоста, уступающего своими размерами окрестным деревням. В ходе усложнения системы землевладения (переход владений из дворцовых к частным) и усложнения социальной структуры населения волости, выделяются дополнительные центры управления – сёла и погост. Возможно, схожую картину мы видим в XIII–XIV вв., когда постепенное развитие городского центра, усложнение его структуры, одновременно с изменениями управления и землевладения в крае, привело к возникновению в XIV в. дополнительных центров (к примеру, остатки укреплённой усадьбы на р. Ватома, на значительном удалении от Городца). Изменение статуса Городца в XIV в., с передачей лидирующей роли центра Н. Новгороду, сопровождалось и изменениями в его развитии: от расширения территории в XIII в. – к развитию внутренней городской структуры. Данные трансформации подталкивали или совпадали с развитием системы расселения в целом, сопровождаясь усложнением его структуры и обособлением отдельных хозяйств, внутренней колонизацией.

Литература

- Грибов Н.Н.*, 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV веков // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.
- Грибов Н.Н.*, 2008. Древнерусский Городец-на-Волге в контексте археологических исследований // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород. Вып. 11.
- Гусева Т.В.*, 2004. Территория средневекового Городца сквозь призму новых фактов // Городецкие чтения. Городец. Вып. 5.
- Зарубин Ю.В.*, 2002. Археологическое обследование селища Нижняя Слобода в г. Городце // Городецкие чтения. Городец. Вып. 4.
- Коновалова З.С.*, 1992. Раскопки древнерусского селища у д. Наговицыно в Городецком районе Нижегородской области // Городецкие чтения: (материалы науч. конф.). Городец.
- Кузнецов А.А.*, 2008. Политическое освоение Среднего Поволжья Владимирским княжеством в XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социальный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.*, 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Сайко Э.В.*, 1992. Город в процессе становления и структурирования социально-пространственной организации общества // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. М.
- Седова М.В.*, 1992. Город Суздаль и его округа в X–XI вв. // Городецкие чтения: (материалы науч. конф.). Городец.
- Селезнёв Ф.А.*, 2012. Основание Городца на Волге: итоги изучения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. № 4(1).
- Пудалов Б.М.*, 2003. Начальный период истории древнейших городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Н. Новгород.

Д.А. Кабаев, Т.Е. Володина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В СУЗДАЛЕ НА УЛ. ЛЕНИНА, 89

D.A. Kabayev, T. E. Volodina

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN SUZDAL ON LENIN ST., 89

Summary. Two tombs that preceded the appearance of buildings of the XII–XIII centuries in this part of present-day Suzdal are revealed during the rescue archaeological research in Suzdal on Lenina street, 89 in 2015.

Burials were made in burial pits, the head is facing West. The copper ring is revealed on a finger of the left hand in burial 1. The authors defined on the basis of anthropological analysis of skeletons that: burial 1 is female, age of death 25–30 years; burial 2 is male, age at death 40 or 50 years. The found burials, perhaps, are a part of the burial ground located in the territory of the Rizopolozhensky cloister.

However, it is possible that the burial may be part of the independent burial ground, the boundaries of which are to be installed.

Ключевые слова: Суздаль, охранные раскопки, могильник.

Keywords: Suzdal, rescue excavations, burial.

Археологические исследования в Суздале на ул. Ленина, 89 проводились в рамках проекта «Приспособление и реставрация объекта культурного наследия регионального значения “дом землемера Пустоханова”, середины XIX века». Это северная часть современного Суздаля (рис. 1). Участок исследования располагался к северу от укреплений Окольного города. Площадь раскопа составила 25 кв. м. Мощность культурного слоя – 65–100 см.

В раскопе прослежена застройка XII–XIII вв., образованная хозяйственной ямой подпрямоугольных очертаний 135×205 см и глубиной до 85 см (яма 1) и подпольем жилой постройки квадратных очертаний 335×325 см и глубиной до 1 м (рис. 2). При исследовании нижнего горизонта культурных отложений и разборке заполнений ям собран вещевой и керамический материал XII–XIII вв.: фрагменты стеклянных браслетов, обломки амфор, глиняное

поливное пряслице, донца гончарных сосудов со знаками мастеров, железный нож (рис. 3).

У восточной стенки раскопа исследованы два захоронения, восточные границы которых нарушены фундаментом дома (рис. 4, 5). Погребение 1 с севера затронуто ямой 1, погребение 2 с запада нарушено ямой 4. Погребения совершены в могильных ямах глубиной 65–70 см, лежат головой на запад, левые руки вытянуты вдоль тела, правые лежат в районе живота – таза. В погребении 1 на пальце левой руки найдено медное кольцо с заходящими концами и гравированным орнаментом, имитирующим витье (рис. 4). Возможно, погребение 1 – курганное захоронение, так как с запада, севера и юга окружено канавками (кольцевая канавка?). Погребение 2 – безинвентарное.

Анализ антропологического материала выполнен старшим преподавателем кафедры антропологии МГУ, канд. биол. наук Н.Н. Гончаровой и аспирантом кафедры антропологии МГУ Д.В. Веселковой. **Погребение 1** идентифицируется как женское, возраст смерти 25–30 лет (определен по совокупности признаков, в частности, по состоянию костей, по степени закрытия швов черепа, по степени стертости зубов). Кости посткраниального скелета не имеют каких-либо выраженных особенностей. Однако необходимо отметить, что строение стернальных концов первых ребер соответствует более позднему возрасту смерти, так как концы первых ребер утолщены и имеют признаки окостенения хряща, что обычно связано с

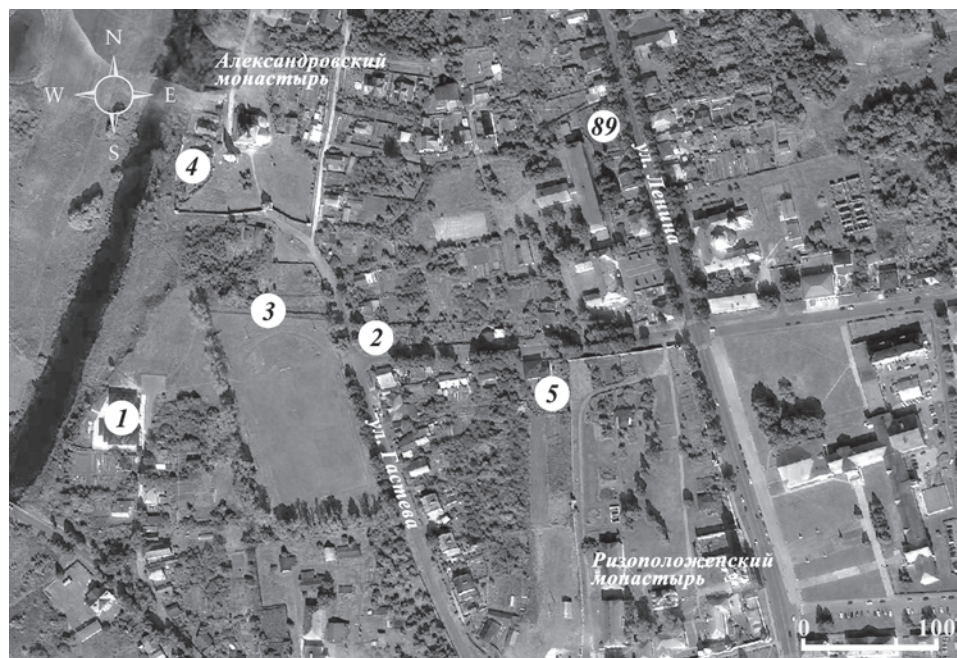

Рис. 1. Суздаль. Снимок со спутника. Места проведения археологических исследований: 1 – 2008, 2010–2011 гг. (ул. Слободская, 47–49), 2 – 2006 год (ул. Гастева, 12), 3 – 2015 год (ул. Гастева, 1), 4 – 2000 год (ул. Гастева, 15)

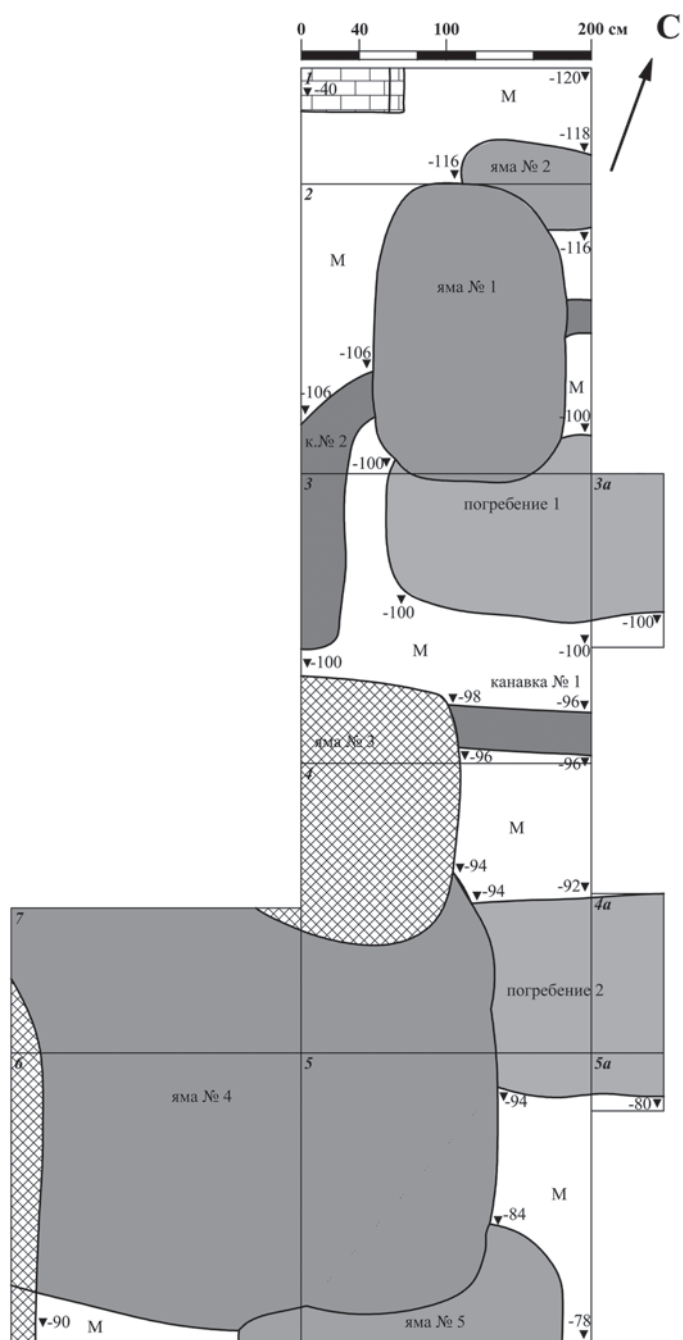

Рис. 2. План раскопа на уровне материка

более поздним периодом жизни индивида. Реконструируемая длина тела невелика: 150–154 см, маркеры физической нагрузки на костях верхних и нижних конечностей выражены слабо. Череп выражено европеоидный, в том числе по важным расово-диагностическим признакам, таким, как углы горизонтальной профилировки лица, степень выступания носовых костей, степень изогнутости скуловой кости. Патологических изменений скелета не отмечено, в зубной системе отмечено начало кариозных изменений на втором коренном зубе левой стороны верхней челюсти, а также многочисленные следы остановки ростовых процессов – гипоплазия на резцах верхней и нижней челюсти (рис. 2). Возраст, которому соответствуют линии гипоплазии – 2–4 года, то есть в этом периоде жизни индивид претерпевал стрессовые воздействия. Обычно явления остановки ростовых процессов в этом возрастном периоде связывают с переходом от грудного вскармливания к обычной пище, а также с сопровождающими этот переход различными детскими инфекциями. **Погребение 2** – мужское, возраст смерти 40–50 лет. В соответствии с возрастом на костях посткраниального скелета отмечено большое количество возрастных/патологических проявлений:

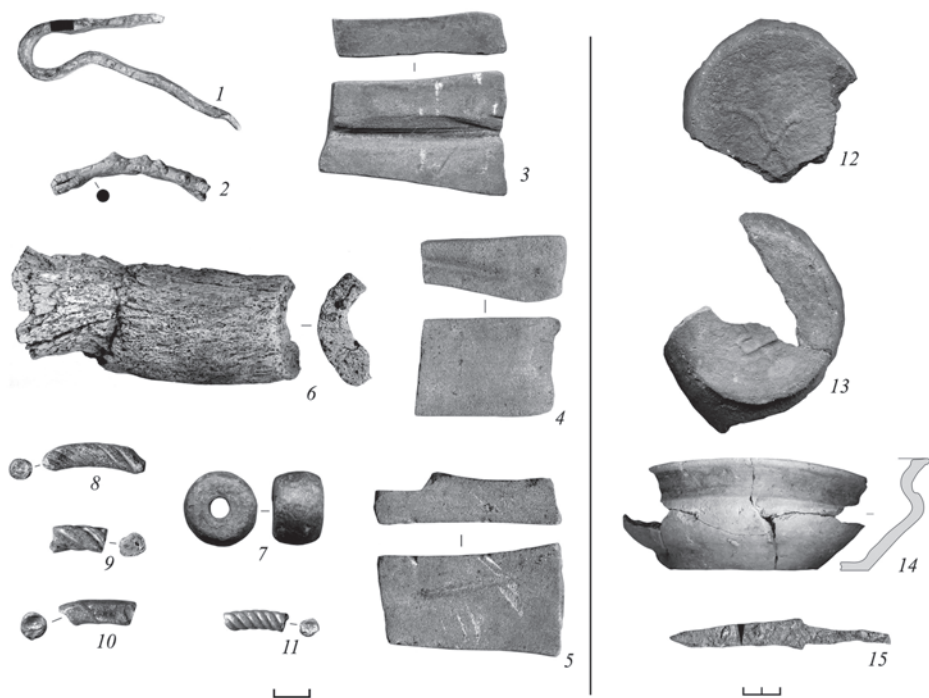

Рис. 3. Находки из заполнений ям: 1 – пробой, железо; 2 – стержень, бронза; 3–5 – точильные камни; 6 – рог опиленный; 7 – пряслице, глина, полива; 8–11 – браслеты, стекло; 12, 13 – донца гончарных сосудов с клеймами; 14 – мисковидный горшок; 15 – нож, железо

Рис. 4. Погребение 1. Вид с юга

- по всем отделам позвоночника отмечается повышенная порозность тел позвонков, что может свидетельствовать о начале процессов остеопороза;
- в шейном и поясничном отделах позвоночника отмечены краевые разрастания на позвонках – остеофиты;
- на нижних грудных позвонках произошло окостенение связки, что в равной мере может быть и проявлением возрастных процессов и началом какого-либо специфического заболевания;
- воспалительные процессы в правом плечевом суставе, костные разрастания в правом локтевом.

Реконструируемая длина тела 164–167 см, что соответствует среднему значению длины тела в изучаемом периоде. Отмечены практически все виды патологий зубочелюстного аппарата: кариес, выпадение части коренных и предкоренных зубов, зубной камень. Явлений гипоплазии (маркера остановки ростовых процессов) не отмечено. Особенности строения черепа позволяют (с осторожностью) предположить принадлежность индивида к финно-угорским народам (строение мозгового отдела, углы горизонтальной профилировки лица, строение носовой области и степень выступания носовых костей и т.д.).

Можно предположить, что найденные в раскопе захоронения являются продолжением могильника, обнаруженного и исследованного в 1991 и 2001 гг. Наблюдается схожесть стратиграфических ситуаций раскопов. Захоронения предшествуют появлению в этой части Суздаля застройки древнерусского времени. В заполнениях могильных ям наблюдается просадка культурного слоя в результате оседания могил. М.В. Седова отмечает временной разрыв между последними захоронениями и появлением застройки в 20–30 лет (Седова, 1997. С. 142).

Рис. 5. Погребение 2. Вид с севера

Наблюдается рядность захоронений. Вероятно, ямы 2 и 5, имеющие вытянутые по линии В–З подпрямоугольные очертания, тоже являются могильными ямами (рис. 2). Несмотря на отсутствие человеческих костей, в центральной придонной части отложений ям прослежен древесный тлен.

В работах М.В. Седовой и Н.В. Нестеровой утверждается, что исследованный участок некрополя у стен Ризоположенского монастыря по размерам не уступает Мжарскому могильнику, и привязывают его к береговой линии реки Каменки, предполагая, что это окраина могильника (Седова, 1997. С. 142; Нестерова, 2008. С. 198). Размеры Мжарского могильника составляют 250×250 м. Обнаруженные в раскопе захоронения на ул. Ленина, 89 удалены от стен Ризоположенского монастыря в северном направлении на 200 м. Анализ ранее проведенных исследований в окрестностях монастыря так же подтверждает эти предположения. В раскопах 2008 г. и 2010–2011 гг. О.А. Несмиян и Д.А. Кабаева на ул. Слободская, 47–49, В.В. Бейлекчи на ул. Гастева, 12 (2006 г.) захоронения не обнаружили. В.П. Глазов в 2000 г. на территории Александровского монастыря исследовал могильник XVI–XVIII вв. Напластования и сооружения древнерусского времени отсутствуют. Также не были обнаружены захоронения в шурфах при прокладке газопровода к дому 1 по ул. Гастева у северной ограды стадиона.

Обнаруженные в раскопе захоронения по ул. Ленина, 89 в Суздале могут быть частью могильника, обнаруженного в 1991 г. на территории Ризоположенского монастыря. В этом случае могильник вытянут в северном направлении вдоль ул.

Ленина. Возможно, исследованные захоронения являются частью могильника, не связанного с монастырем. Будущие археологические исследования в этом районе Суздаля покажут, какое из наших предположений верно.

Литература

- Нестерова Н.В.*, 2008. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // АВСЗ: материалы науч. семинара. Вып. 2. М.
Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Архивные материалы

- ГУК «Государственный центр по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области». Заключение о проведенных археологических исследованиях на участке по адресу: Владимирская обл., г. Суздаль, ул. Гастева, 15 от 05.08.2000 г.
- ГУК «Государственный центр по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области». Заключение о проведенных археологических исследованиях на участке по адресу: Владимирская обл., г. Суздаль, ул. Гастева, 12 от 25.09.2006 г.
- Кабаев Д.А.*, 2009. Отчет о раскопках в г. Суздале в 2008 году (Раскоп 1 по ул. Слободская, 47–49), Владимир.
- Кабаев Д.А.*, 2016. Отчет об археологических разведках в г. Суздале Владимирской области (ул. Гастева, д. 1) в 2015 году. Владимир.

Т.П. Тимофеева

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПЕРЕПИСКЕ Н.Н. ВОРОНИНА И А.Д. ВАРГАНОВА

Т.Р. Timofeeva

THE ARCHAEOLOGICAL THEME IN THE CORRESPONDENCE OF N.N. VORONIN AND A.D. VARGANOV

Summary. In the correspondence of eminent scientists N. Voronin and A. Varganov (approximately 300 letters), archaeology is an important theme. In the letters they mention the following excavations and artifacts: the Nativity Cathedral in Suzdal, the Church of Boris and Gleb in Kideksha, ancient kilns for bricks and lime, the necropolis of the Assumption Cathedral in Vladimir, seals with inscriptions, chambers of Andrei Bogolyubsky, the Church of the Intercession on the Nerl. The correspondence adds the bright colors of human, personal attitude to the work of the archaeologist and to the excavated objects.

Ключевые слова: Письмо, археология, раскопки, Суздаль, Воронин, Варганов.

Keywords: Letter, archaeology, excavations, Suzdal, Voronin, Varganov.

Н.Н. Воронин (1904–1976) – профессор, доктор исторических наук, лауреат Ленинской премии, присуждённой за двухтомник «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков». А.Д. Варганов (1905–1977) – директор Суздальского музея, архитектор-реставратор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Этим выдающихся ученых связывала полувековая дружба, отразившаяся в их переписке. Изучено около 300 писем за 1934–1976 гг.: почти 130 писем Н.Н. Воронина к А.Д. Варганову во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике и более 170 писем обоих в Государственном архиве Владимирской области (Тимофеева, 2016. С. 118–126). Археологическая тема – одна из наиболее часто обсуждаемых в письмах. Оба почти одновременно окончили один и тот же факультет в Ленинградском университете (Академии художеств) и на протяжении многих лет вели археологические раскопки, по преимуществу архитектурных памятников.

Преобладают письма Варганова. Несколько писем касаются раскопок 1937 г., проводившихся совместно с А.Ф. Дубыниным. 8 февраля 1937 г. Варганов пишет:

«На лето запроектировал 600 р. на археологию Суздаля. Но целый ряд намеков Облмузея да и вообще его молчание меня крайне удивляет... Дубынину мной послано 5 писем, но ответа нет, как уехал летом...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 1–2 об.). В следующих двух письмах Варганова от 23 февраля и 24 марта речь идет, помимо раскопок, о предполагавшемся летом того же года археологическом пленуме в Ленинграде: «Очень буду рад всякому поводу выбраться из Суздаля в Ленинград на пленум, т. к. посмотреть экспозицию археологических материалов по городам для меня очень важно и, кроме того, договориться о работах вместе всем»; «Получив предварительное приглашение на пленум, было совсем собрался... Но так и пропало даром. Причин ехать в Ленинград больше нет» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 3–4). Речь идет, видимо, о 16-м пленуме ГАИМК, после которого в июле 1937 г. Академия была преобразована в ИИМК им. Н.Я. Марра в составе АН СССР. В письме от 13 мая продолжается обсуждение раскопок: «Очень жаль, что так складываются обстоятельства с раскопками в Суздале; а ребята уже давно спрашивают о твоём приезде... В раскопках участвовать мне, по-видимому, не придется, т. к. А.Ф. [Дубынин] со своим штатом приедет...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 5–5 об.). В письме, написанном 2-го, а отосланном 9 июля, Варганов сообщает: «Т. к. предполагавшиеся раскопки с 24 июня были перенесены до 1 июля, а фактически начали только сегодня. Т. к. приказ о разрешении денег № 68 как улита приполз, А.Ф. приступил сегодня, 2 июля приезжий... Сейчас получил отпуск, и ОблОно дало распоряжение использовать его на научные дела по раскопкам. Так что сейчас работаю у А.Ф. Пиши, что нового в раскопках детинца (см.: *Воронин*, 1949. С. 215–239)... Кстати, уже 8 дней, много вынули земли – особенного пока что ничего» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 7–7 об.). 26 февраля следующего, 1938 г., Варганов вновь возвращается к этим раскопкам: «Летом 1937 я делал большой раскоп **южной части собора**: очень много кирпича тонкого, целые площадки, не поддающиеся раскопу. Кроме того, притвор южный стоит на нем (кирпиче) немного выше главной массы собора. Это обстоятельство очень заметно и еще больше запутывает вопрос с кирпичом... Т. к. раскопки делал лишь в южной стороне, они дали много фресок... Но меня все больше смущает громадное! количество тонкого кирпича вокруг собора» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 8–9 об.). Впоследствии вышло несколько статей А.Д. Варганова о Рождественском соборе (*Варганов*, 1940. С. 38–40; 1945. С. 99–106; 1960. С. 143–151; 1977. С. 249–255).

6 мая 1940 г. Варганов пишет о предполагаемых раскопках: «В отношении летних работ А.Ф. говорил, что будет копать Городище Давыдовское и, видимо, в Суздале. Мне, конечно, охота заняться собором. Как быть с разрешением? Лист на собор нужно ли или включить в дубынинский? Давай советуй. Хотя мне лист не дадут, т. к. я ведь не археолог!.. Сейчас занимаюсь грядами, копаю... В грядах нашел образец мозаики пола XIII в. не кубический, а круглый с желтой поливой, как и плитки наши “моромор”» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 12–13) (**рис. 1**). В следующем письме (б/д) речь идет об Открытом листе: «Посылаю на всякий случай заявку на Открытый лист. Так составлено или нет – не знаю. Посылаю тебе, увидишь сам» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 15); 7 июня: «Сердечно благодарю за содействие. Открытый лист получил, о периоде работы договоримся с А. Ф., но с деньгами туговато... Посоветуй, где копать?» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1.

Д. 1190. Л. 14–14 об.). Несколько писем Варганова сохранилось от военного времени. В одном из них (не датированном) речь идет о предполагаемой публикации: «Пользуюсь случаем, сообщая в ИИМК свое согласие, решил послать на тебя, т.к. тут же примут. Интересно, что будет использовано? Если валы – то жаль, что в отчете нет у меня чертежа с городней внутри вала, это было бы любопытно, да и фотоснимок с городней. Все это есть, а не приложил я их потому, что это сделано было в 1937 г., когда горсовет копал. Сейчас мной выяснены интересные работы по земляным работам – каналам; о рвах: знаешь, что они были в XII в. перерыты, это около слободки, наз. “Глушица”. Извилина р. Каменки была сокращена каналом и теперь течет по новому руслу, т.е. каналу, а старая – заводь. Это было устроено князем Иваном Суздальским в XIV в., где в заводи к его столу ловилась рыба» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 16–16 об.). Среди суздальских князей единственный Иван – один из сыновей Василия Кирдяпы – княжил в 1390–1417 гг.

[illegible]

Рис. 1. Письмо Варганова 1940 г. Фрагмент (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 13)

В Кидекше при раскопках алтар-
ной обсерв., по ее наугадному
описанию обнаружены следы
с остатками Елисейского тирена
при том обнаружены
блочно-мраморные ивадки
с резовой (печью).
Один обломок плинтия и
фрагменты фресок. Одна из фресок пред-
ставляет убого вездешных на конях
без нимбов и без шапок. Слав и
ваг ир бат...

Рис. 2. Рисунок синтрона из письма Варганова от 15.12.1948 (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1177. Л. 5)

Рис. 3. Два камня из раскопок Варганова Борисоглебской церкви в Кидекше (В-6300/2542, В/2543)

Рис. 4. Раскоп в северной галерее Успенского собора. 1951 г. Гробница с мужским погребением (ГВСМЗ. Инв. № НВ-12557/19)

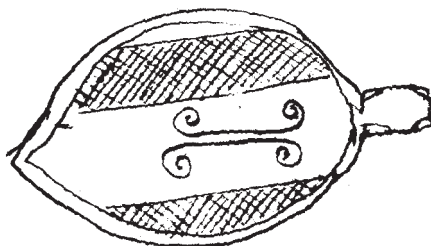
Рис. 5. Раскоп в северной галерее Успенского собора. 1951 г. Гробница с детскими погребениями (ГВСМЗ. Инв. № НВ-12557/21).

Раскопки валов Варганов проводил вместе с Дубыниным в 1939–1940 гг. (Дубынин, 1945. С. 98–99).

20 ноября 1942 г. Варганов пишет о находке печи: «...появились новые ценные материалы. Например, в траншее одной из части города 7 ноября обнаружил стену на большой глубине, сложенную из кирпича полуобожжённого – сырца, размер $21 \times 21 \times 3$, т.е. плинфа, но связующее – глина, кладка превосходная. Около стены (это оказалась печь для обжига кирпича) валяются красные кирпичи типа нашего собора XI в. Вот смотри, клад-то где зарыт... Хорошо бы эту печь в дальнейшем раскрыть всю» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1165. Л. 3–3 об.). Впоследствии выяснилось, что эта печь служила для обжига извести. Статья о траншеях-щелях имела такое начало: «В связи с военным временем в ряде городов нашей страны сооружаются всевозможные военно-оборонительные сооружения, а также разнообразного

Прокоса руса

*обратная сторона
резная по металлу*

Рис. 6. Рисунок печати с надписью «Прокоса руса» из письма Варганова от 22.07.1952 г. (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1186. Л. 9).

типа убежища в целях укрытия мирного населения. На территории нашего города Суздаля в разных его частях, в земле было устроено большое количество убежищ-щелей глубиной много превышающих культурное напластование. Большинство этих траншей-щелей были нами обследованы и зарегистрированы. Изучение культурного напластования и полученного вещественного материала, правда, не многочисленного, преимущественно керамического (т. к. раскопки были случайны) позволило нам сделать некоторые выводы к истории древнейшего периода города Суздаля». Еще одно письмо этого же времени, но без даты, затрагивает раскопки **вне Суздаля**: «Хочу просить в отношении Уваровской мери. Как верить теперь его труду. Меря это или нет? И где лучше об этом прочесть? Т. к. такие замечательные археологические находки (Гнездилова, Веси, Шокшова) жалко оставлять без внимания и охота как-то обработать. Ведь совсем рядом с Суздалем, а IX–X вв.» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1165. Л. 4–5).

Несколько писем посвящены предполагавшимся и не состоявшимся раскопкам 1946 г. 10 февраля Варганов пишет: «"Тверское зодчество" (Воронин, 1945. С. 373–386) получил, крайне заинтересован. Вопрос поставлен правильно. Жаль, что нет планов собора. Неужели ничего не осталось? Ну, прямо зуд берет покопать. Нам как-то везет на это... Сообщи от ИИМК об археологическом заповеднике в Суздале, а то снова в гряды обратят, тиры, и на ул. Коммуны. Не было бы неприятностей с городом. Кроме того, валы копают под гряды» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1165. Л. 28–28 об.). 9 мая письмо отправил Воронин: «Владимир до сих пор не ответил о деньгах на раскопки, и поэтому ИИМК отказался от работ в Суздале и Владимире, организовав на свои средства лишь одну Муромскую экспедицию... Работы по тирам надо все же начать в этом году. Это наш долг перед кремлем. Сможешь ли ты лично принять это дело на себя в связи с реставрационными работами? Боюсь, что нет!.. Мне бы казалось, что надо бы поручить это дело Дубынину с тем, чтобы он оставил все коллекции сразу в Суздале» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211. Л. 31–31 об.). 5 сентября Варганов пишет в записке: «Оставил заявление на Открытый лист. Раскопки думаю делать не послойно т. к. в этих местах сплошной щебень на 2–3 метра. Сообщи твое мнение» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1171. Л. 13). В результате оказалось: 31 октября – «Раскопки провести не удалось ввиду холодов, и подгоняли меня обкомами по ремонту здания» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1171. Л. 12–12 об.); 20 декабря – «Как я уже писал, Открытый лист остался не использован... Очень охота поработать над чем-то очень нужным и интересным» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1171. Л. 9–9 об.).

В 1948–1949 гг. обсуждаются работы в **Кидекше**. 20 ноября 1948 г. Варганов пишет: «Интересного, конечно, много. Резной камень типа боголюбовской капители, плинфа (1 шт.) и пр. В раскопках масса фрагментов фрески, охру из коих я тебе и послал для анализа в мой отчет для мастерской»; 15 декабря того же года: «В Кидекше при раскопках алтарной абсиды, по ее полукругию открыто белокаменное сидение с остатками епископского трона, причем обнаружены белокаменные квадры с резьбой (птица), один обломок плинфы с фрагментом фресок... Кое-что установилось или лучше сказать подтвердилось из строительных периодов последующих эпох XVI–XVII вв. Кидекши» (**рис. 2, 3**); 13 января следующего года: «В этом году хотя покопал немного, это единственные отрядные дни. Очень

хотелось бы отстать от руководства и предаться целиком научной работе и археологии... Читал твой Переславский Спас (см.: *Воронин*, 1949. С. 193–202), очень много общего с Кидекшей, но жаль, что ты опустил вопрос о полах: глубину первоначального настила и отношение его к стенам и порталам. Ты это поймешь, когда прочтешь мой отчет по Кидекше, который я тебе вышлю на просмотр» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1177. Л. 5–9). Фотографию двух обломков резного кивория опубликовал Воронин: «Один из фрагментов представляет плетенку (12×15 см), другой (18×19 см) – часть изображения птицы (павлина?) с бордюром из кружков» (*Воронин*, 1961. С. 491). Еще два фрагмента хранятся во Владимиро-Суздальском музее – инв. № В-6300/2542 и 6300/2542/43. О Кидекше есть еще одно письмо, от 21 ноября 1949 г.: «В Кидекше странные фундаменты здания, внизу узко, а сверху широко, ты их называешь галицкими, я вполне согласен, т. к. есть и еще особенности, сближающие Галич и Суздаль» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1204. Л. 22 об.). 27 июля 1950 г. Варганов вновь возвращается к Кидекше: «На днях выезжала ко мне ученая комиссия во главе с Сычевым, осматривали памятники и, главным образом, 1001-й раз великомученицу Кидекшу... а окна у того шедевра забиты ржавым железом, гнилыми досками, рамы разворочены, полное бескультурье. И снова копать, снова создавать хаос. Зачем? Хватит...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 1–1 об.).

Несколько писем посвящено раскопкам **обжигательных печей** (см.: *Варганов*, 1956. С. 49–54). 28 апреля 1949 г. Варганов писал о находке печи для обжига кирпича: «...Представь себе превеликое мое удивление, оказалась целой с небольшим разрушением в фасадной части, которое легко реконструируется. Ввиду того, что печь находится у самой дороги, по которой шествует масса народа и транспорта, и в особенности мальчишки целым роем окружали нас, пришлось работы закончить, не доведя до конца, и ради сохранения столь ценной находки засыпать ее до более благоприятных дней. Думаю осенью доделать эту печурку до конца, взяв на это Открытый лист от вас... Что посоветуешь делать с этим чудом ремесленной техники XI в.? Как ее спасти от разрушения (после того, как мы ее распатронили всю): засыпать ли обратно или соорудить какой сарай?..» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1177. Л. 2–2 об.). В письме от 12 мая сообщает: «Печь буду копать в августе, а Кидекшу, если получу Открытый лист, в мае, т. к. Н.П. [Сычев] тоже будет там фрески ковырять» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1177. Л. 7 об.). На это письмо Воронин 16 мая отвечает: «Получил по очереди все твои заявки, в пятницу, 20, буду их проводить через комитет. Не знаю, как решать – сейчас большие новые строгости с правом на раскопки. Но надеюсь, что лист добуду. Только обеспечить всемерную точность фиксации и обстоятельный отчет – не подкачай. Зачем вторично раскапывать в алтаре?! Не пойму. Очень интересуюсь печкой. А не может она быть XIII в.?» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211. Л. 2). 25 сентября 1949 г. Варганов сообщает об окончании работ: «Вчера, наконец, закончил раскопки плинфяной печи. Уж очень трудно копать такие обветшалые и рассыпчатые объекты... Раскопалась хорошая вещь, но без фасадной стенки, последнюю можно легко реконструировать. Таким образом, памятник получается целый и легко восстанавливается. Суздальские все скопом ходили смотреть на чудо древней техники. Ужасно жалко засыпать такую находку... В этом году в начале октября был вызван во Владимир через райком. Там в

“Гончарах” при работе экскаватора была обнаружена кирпичная кладка. Пришлось три денька покопать и раскрыть также печь для обжига кирпича, но конца XVII века. Подобная печь обжигала сразу по 15–20 тысяч кирпича...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1177. Л. 8).

В следующем, 1950 году, археологическая тема продолжает обсуждаться. 2 января Варганов пишет: «Наконец-то, и то с большим трудом, закончил отчет по археологии 1949 года... Что нового в Гродно? Чем увенчались раскопки? Мне сообщили, что А.Ф. Дубынин перешел в докторантуру Института, вот как хорошо, еще земляк будет в Москве...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1177. Л. 10). Воронин отвечает 6 января: «Получил твой отчет и залпом прочитал и уже написал заключение... Отчет дает полное представление о памятниках, открытых тобой...» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211. Л. 3). 26 августа Варганов сообщает о раскопках **печи**, открытой в 1942 г.: «Недавно приступил к раскопкам в кремле в одной из траншей тира. После двух слоев, к великому нашему удивлению, раскрылась часть печи (другая ее половина уходит под нераскрытые квадраты)...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 2–2 об.). 21 сентября пишет уже об окончании раскопок: «Печь (халдейская) довольно сложная, несмотря на свое простейшее устройство, но все же думаю, что для обжигания извести... При полной расчистке оказалась наполовину разрушенной, так что раскрыт только один полукруг. Около печи найдены керамические материалы: лепные тонкие беловатой глины, жженные камни, уголь и пр. Раскоп 2-й заложен в самом валу, где у военных была устроена землянка, которую мы углубили до материка, пройдя подошвенный слой, на котором стоит вал... нижний слой дал грубую лепную керамику, подобную Мало-Давыдовской, жженные камни, как мостовая, кости кабана, руда, крицы и бронзовые крученые гривны и браслеты. Вот смотри, с чем поздравлять? Думаю, уж не XIII-й ли век...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 3).

В 1951 г. Варганов вел археологическое наблюдение в **Успенском соборе**, при прокладке калориферных каналов (**рис. 4, 5**). 26 мая 1952 г. он пишет Воронину: «...За последний 1951 год написаны исследования: по Кидекше, Архиерейским палатам (центральный корпус или Крестовая палата). В этой работе я устанавливаю кирпичное строительство в Суздале в XIV веке. А в первой пересматриваю вопрос о “великом священии” Кириллом в 1239 году... Кроме того, мной составлено исследование по раскопкам Успенского собора во Владимире. Там главным образом гробницы, в числе которых Михалка, две снохи Агафьи и 7 человек ребят. Словом, монголо-татарские жертвы. Это исследование названо мной “Отчет по археологическим раскопкам в Успенском соборе Владимира”» (см.: *Варганов*, 2009. С. 120–140)... В западной части палат нашелся фундамент гражданского сооружения эпохи Мономаха. Печи растут. В прошлом году закончил полностью расчистку второй печи, которая оказалась для обжига извести» (ГАВО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 1186. Л. 10).

В письме от 17 июля 1952 г. Воронин пишет в ответ о работах в Успенском соборе: «Материал исключительно интересный, и отчет составлен вполне ясно, не хватает чертежей – плана расположения гробниц и в них костяков, хорошо бы приложить и профили их в слое. Очень жаль, что костяки не извлечены, а погребены вновь – их нужно было бы дать Герасимову, т. к. твои наблюдения над этим

делом «спецы» не признают. Определение погребений тебе, на мой взгляд, удалось бесспорно. Только опущены они под пол, кажется, позже – в XIX в.; об этом, помнится, есть точное указание в “Воспоминаниях” ключаря Виноградова (книжка издана в 50 экз.!) (см.: Виноградов, 1915). По амулету ГИМ с Георгием и Христиной есть еще статья, см. сводку данных в кн. Орлова А.С. – библиография древнерусских надписей... приготовь заметку для КС; нужно публиковать и находки – пластину с птицами рассмотри подробнее: она раньше и примитивнее врат и техника, по-видимому, отличная, эту вещь нужно описать особенно тщательно, нужно издать и характеристику плиток, дать знаки и пр.» (НА ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51. Л. 2. О пластине см.: Воронин, 1956. С. 17–19).

В ответном письме от 22 июля 1952 г. Варганов сообщает об интересной находке: «... При сем посылаю тебе на консультацию рисунок и оттиск (хотя слабый) с печати, найденной в валу Суздалья случайно. Печать серебряная с ушком с изображением какого-то гиппокампуса, каких много встречал в античной живописи на вазах и в Помпеях. Надпись я читаю “Печать прокоша руса”, не знаю, так ли?» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1186. Л. 7–9) (рис. 6). 12 сентября того же года Воронин пишет: «Рыбаков очень заинтересовался твоими открытиями. “Прокоша” еще не отдал – виделся случайно» (НА ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51. Л. 7). 17 января 1953 г. Воронин продолжает начатые темы: «Ты спрашиваешь о печати – она уже в моем столе со снимками отличными – ждет случая переехать в Суздаль. Нового Янин ничего не накопал, так что придется ограничиться сказанным им...» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211. Л. 8).

В письме от 8 августа 1952 г. Варганов продолжает об Успенском соборе: «“Раскопки” в Успенском соборе производились по заказу духовенства. В сущности, это были самые ненаучные раскопки, т. к. гробницы были обнаружены случайно, рабочих все время торопили, чтобы не было простоя, да и духовенство всячески ускоряло работы, ибо все это совершалось на страстной неделе к Пасхе... Вынуть погребения для музея было невозможно, протоиереи и без того смотрели на мои работы, хотя они и проводились с благословением, как на нечто, Богу не угодное, и просили сохранить их в лоне Авраама. Книжка Орлова, о которой ты писал, у меня имеется, и то чуду подобно, что в надписи на амулете (змеевике) имеется заклинательная надпись “о подаче Георгию и Христине мирного сна и об угашении силы огненной”. Нельзя ли считать, что эта надпись сделана после гибели княжеской семьи в пламени Успенского собора? И имя Георгия не принадлежит ли единственному сыну Христины и Мстислава, погибшему вместе с матерью в пламени огня? Молитвенное прошение о “помощи Марии и Христине...”, что-то не разберу смысла. Мало того, плохо представляю, когда и по каким случаям делались эти змеевики, после ли смерти о погибших или идучи на ратное дело? Весьма сложное это дело – археология, приходится знать если не все, то почти все» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1186. Л. 6–6 об.). 18 августа последовал ответ Воронина: «... Соображение о змеевике вкупе с данными погребений в Успенском соборе заслуживают особой заметки. Змеевики к погребению отношения не имели – это амулеты-обереги, о них есть ряд статей... Сентябрь думаю быть на Украине: Киев, Галич, Львов, Владимир-Волынский. Надеюсь увидеть живых предков Кидекши, о чем давно мечтал...» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211. Л. 4).

В письме от 22 ноября 1953 г. Варганов вновь возвращается к **Успенскому собору**: «...хочу поделиться своими наблюдениями, как остались в памяти. 1. Пол в два слоя, мне пришлось видеть в части А (см. план). Как в нижнем, так и в верхнем слоях сохранились лишь известковые чешуйки от плиток (образцы на фото есть). Я их назвал “соты” (как пчелиные). Плитки же сами я находил в завалах гробницы и около них. Большинство плиток Всеволода, Андрея попали одна с плетёнкой (ты её видел), а то гладкие без узора 2 шт. 2. На глубине 1.0–1.3 связанный с углом С-З большой белый камень Б (см. план). Сначала он казался мне случайно попавшим в траншею, но после осмотра оказался *in situ*. Блок преизрядный, обитый угол. Интересно, что выходит из контуров периметра А здания. Хотелось тогда же копнуть поглубже на предмет фундамента. Но попы торопили к Пасхе. 3. Севернее от него большая гробница со скатной крышкой В (я тебе говорил). Гробница древняя, но поставлена недавно, т.к. слои напластований нарушены. Видимо, весь С-З угол нарушен при устройстве лестницы на хоры. 4. Около Агафьиного аркосолия (камеры) находится гробница снوخ ее Г. Эта гробница врублена в бут Всеволодовой стены. Здесь же Михалка, дети, Данилыч и др. Вся эта чехарда екатерининских времен нарушила покой не только «упокойников», но и стратиграфии. 5. В месте, где должна находиться стена с порталом А собора (северным), имеется фундамент Д сухой из булыжника, не превышающего 20 см в диаметре. Его сохранилось немного, т.к. здесь идёт большой и глубокий – 2.0–2.40 – коридор-тоннель вдоль трансепта ... На днях переносил гробницу **Святослава Ю[рьевича]** (инв. № В-6300/2545. – Т. Т.) из собора в музей. Осмотрел череп и нашел очень большое сходство с Михалкиным. Та же форма, те же челюсти и выпяченные зубы. Думаю, что теперь из десятка нашел бы и Всеволода» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1190. Л. 23–26 об.). Эту белокаменную гробницу в 1934 г. раскопал и извлек в Рождественском соборе А.Ф. Дубынин (*Дубынин*, 1945. С. 97–98). 11 января 1945 г. Варганов спрашивал Воронина: «С какими примерами ранними можно сопоставить наш саркофаг Святослава (!?) Не Бельского ли он? Есть ли в Москве такие, кроме имеющихся у нас князей Пожарских и Шуйских?» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1165. Л. 16 об.).

В последующие годы переписка касается разных сюжетов. 20 декабря 1954 г. Варганов вновь пишет о Рождественском соборе: «На пленуме с удовольствием прочитал твой доклад о Ростове (Лиза мне писала) [Караваева] и просмотрел плитки; и все жаждал поговорить с тобой подробнее: о деревянном соборе, о фрагментах фресок, о черной земле (что это такое? она везде), о следах работы Кирилла и пр... Собор сломал всю голову. А.Ф. Дубынин просит совместно дать статейку по старым раскопочным материалам. Мне ужасно хочется издать какой-то альбом по собору со всеми новшествами: фрески XI–XIII–XVII вв., плитки, молоточек, новые рельефы и т.п., а то лепят во всех изданиях одну голову святого, а ведь есть еще не хуже ее. Тем более, открыл еще маленькие головки. Мало того, промежуточный слой с фреской М.В. Алпатов определяет школы А. Рублёва, если не он сам» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1171. Л. 20–21 об.).

Вот письмо Воронина от 10 июня 1955 г.: «В понедельник отправлюсь в Ростов вязнуть в мерянской топи... Да, не ответил на вопрос о **Покрове на Нерли**. Богородица и на сей раз подала ми, скудоумному, неколико новых фактиков. Холм

весь насыпной и был облицован белым камнем! Храм строился первоначально на ровном месте и постепенно засыпался и утрамбовывался. Поэтому лицеванная кладка идет вниз на 9 рядов. Всё сие понадобилось для того, чтобы поднять храм над отметкой разлива...» (В-55747/14, конверт В-55747/15).

В письме от 15 сентября 1959 г. Воронин спрашивает: «Да, еще вопрос: не наблюдал ли ты при **сносе Дмитриевской церкви** за Каменкой и вообще при земляных работах там культурного слоя? Напиши ответ по обоим вопросам “не замотчав” – очень не терпится знать твой ответ» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211. Л. 23). В 1936 г. Воронин при раскопках незадолго до сноса церкви обнаружил и извлек белокаменную гробницу, атрибутированную как **гробница епископа Кирилла** (находится в суздальском Рождественском соборе, инв. № В-6300/2524). Кирилл I, епископ Ростовский (1216–1229), из игуменов Дмитриевского монастыря, оставив кафедру, вернулся в монастырь, постригся в схиму под именем Кириак и в 1230 г. скончался.

В 1960-х гг. о своих работах пишет Воронин. 23 августа 1960 г.: «В **Горьком** нашел 2 храма: 1227 крестовый с дивной резьбой (1 обломок – голова льва) и 1359 – тоже крестовый с кирпичным резным полом типа Галича – орнамент: звезды, затертые белым раствором...» (НА ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51. Л. 69). 21 сентября 1963 г.: «Просто промучался полтора месяца в **Смоленске** на раскопках, устал до потери сознания, но добыл превосходный соборище с галереями и капеллами по бокам, плюс 30 кв. м фресок – все сие конец XII в. и впервые на Смоленской земле, живопись которой доселе неизвестна» (В-55747/26). 16 февраля 1964 г. Варганов пишет о раскопках в **Боголюбове**: «Летом вероятно придется вынимать грунт (до уровня А. Боголюбского) в восточной части палат в Боголюбове. Осенью я проверил шурфом и сразу попал на склеп с кирпичным сводом, так, не вскрывая, и закопал. Видимо, здесь по всей территории могилы. Дверь в башню оказалась высоченной, очень странной. Площадка, старые плиты (чуть не в крови Андрея!). Жаль, что мало приходится заниматься этим, и то не мне, а под моим наблюдением молодым архитекторам...» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 929. Л. 76–77 об.). Варганов задумывался о возможности музеефикации шурфов. Воронин в письме от 12 апреля 1965 г. изложил свое мнение об этом: «Относительно Боголюбова... По-моему, едва ли стоит делать открытые раскопы. Опыт 1937 г. убедил меня в правоте покойного Д.П. Сухова (Дмитрий Петрович Сухов (1867–1958) – архитектор-реставратор, академик архитектуры. – Т. Т.): земля – лучший хранитель. Думаю, что сейчас вскрытая и надежно укрытая часть собора вполне достаточна для показа, как строили и на какую глубину вросло здание, тем более, что у палат и перехода цоколя такие же, что и у собора. А портить вид шурфами, которые обратятся в помойки (это уже было с киворием), совсем не стоит» (В-55747/32). В том же году, в письме от 27 ноября он сообщает о своих работах в **Смоленске**: «... только что вернулся из Польши с международного конгресса славистов-археологов... В Смоленске много накопал. Одно гражданское здание, два храма, в том числе бесстолпный, все XII века. Не обижай Владимирскую землю – она дала мне столько, что ни с чем не сравниться. Может, успею докопать и Смоленск и написать об нем книжицу» (В-55747/36, конверт В-55747/37).

В 1968 г. обсуждались предполагаемые раскопки **на Торговой площади** во Владимире. 2 февраля Варганов пишет: «Базарная площадь сзади рядов освободилась, стоит как Сахара. Вот пришло время развернуть раскопки, никто не мешает, земля чистая (асфальта нет), только и копать, тем более за забором. Подумай, а я буду тебе в помощь» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 332. Л. 6–6 об.). 24 февраля ответ был таков: «Что касается раскопок во Владимире “на Торгу”, то, конечно, я сам не смогу копать... сделал даже перерыв в Смоленске. Однако, Б.А. Рыб[аков], по моей настоятельной просьбе отряжает для этой работы очень дельного сотрудника (В.П. Даркевича). Думаю, однако, что раз уже поставили забор, то нам делать нечего: землеройная техника произведет “раскопку” за сутки. Что касается средств, то ни у Института, ни у музея их нет. Надеюсь обеспечить это средствами Общества» (В-55747/42). В письме от 19 июля того же года Воронин добавляет: «Успокаивая себя мыслью о том, что на этой площади культурного слоя XII–XIII вв. нет и что торг тут был лишь в XVII в., что очень вероятно» (НА ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51. Л. 103).

В 1967–1968 гг. Варганов восстанавливает в кремле **переход**. Обнаружено одно недатированное письмо об этом: «В субботу докладывал о ходе работ по переходам из Архиерейских палат в колокольню. Работа очень сложная, но по оплате дешевая (поэтому никто ее не брал). Ориентировал все, раскопал весь двор. Нашел много нужного и ненужного. Хороший материал по кирпичам (надо писать работу). Из более глубокой древности ничего нет, лишь установил, что в XIII в. был применен кирпич 340×200×80 мм. Это для меня новость. Интересовался вопросом расположения хор в интерьерах собора, интересный, и, по-моему, последний вопрос к собору» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 332. Л. 11–12 об.).

Еще один животрепещущий сюжет касается церкви **Покрова на Нерли** и маргинального доклада владимирского художника П.Н. Аркатова 25 января 1973 г. на заседании Сектора славяно-русской археологии. 20 марта 1973 г. Воронин пишет: «Аркатов нас всех потряс – идиот неслыханный и наглец отменный. Не пойму, как Б.А. Рыбаков допустил этого мерзавца и психованного на высоты сектора!?» (НА ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51. Л. 160–161; См.: Информация о докладе..., 1975. С. 112–113). Сохранилось еще одно письмо Воронина на ту же тему от 24 апреля 1973 г.: «Спасибо за информацию о текущих “мероприятиях” этого маньяка и кретина. Рыбакову, конечно, это доставит мало удовольствия. Я совершенно не обращаю внимания на эту пакость. Меня только беспокоит, не разрешили бы “начальники” сдурить раскопки у Покрова на Нерли: здесь я устрою барьер в Институте археологии, а вы там не спасуйте. Укажите на необходимость Открытого листа и пр. Напиши мне, кто такой П.И. Куглюковский и зачем нужно было копать Покровский некрополь, а главное – законсервированы ли великолепные головные уборы и части одежд?? Что-то мне эта вакханалия раскопочная во Владимире и Суздале не нравится» (НА ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51. Л. 162–163. П.А. Куглюковский – археолог, в 1971–1973 гг. работавший в музее. См.: Куглюковский, 1973, 1974). Это последнее известное нам письмо на археологическую тему.

Таким образом, переписка дополняет к фактической стороне, отраженной в отчетах и статьях, яркие краски человеческого, личностного отношения к работе археолога и объектам раскопок.

Литература

- Варганов А.Д., 1940. Фрески XI–XIII веков в Суздальском соборе // КСИИМК. Вып. 5. С. 38–40.
- Варганов А.Д., 1945. К архитектурной истории Суздальского собора (XI–XVII вв.) // КСИИМК. Вып. 11. С. 99–106
- Варганов А.Д., 1956. Обжигательные печи XI–XII вв. в Суздале // КСИИМК. Вып. 65. С. 49–54.
- Варганов А.Д., 1960. Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора // СА. № 4. С. 143–151.
- Варганов А.Д., 1977. Ещё раз о Суздальском соборе // СА. № 2. С. 249–255.
- Варганов А.Д., 2009. Отчёт по производству ремонтно-реставрационных работ в памятнике архитектуры «Успенский собор» в гор. Владимире за период 1950–1954 гг. Археологическое наблюдение при производстве земляных работ в 1951 г. // Тимофеева Т.П. Исследования по истории владимирского Успенского собора. М. С. 120–140. Приложение 6.
- Виноградов А.И., 1915. Воспоминания (на память детям). Владимир на Клязьме.
- Воронин Н.Н., 1945. Тверское зодчество XIII–XIV веков // Изв. АН СССР. № 5. С. 373–386.
- Воронин Н.Н., 1949. Раскопки в Переславле-Залесском // МИА. 1949. № 11. С. 193–202.
- Воронин Н.Н., 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. № 11. С. 203–239.
- Воронин Н.Н., 1956. Археологические заметки // КСИИМК. Вып. 62. С. 17–19.
- Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М.
- Дубынин А.Ф., 1945. Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940 гг.) // КСИИМК. Вып. 11. С. 91–99.
- Информация о докладе П.Н. Аркатова о новой идее графической реконструкции храма Покрова-на-Нерли // КСИА. 1975. Вып 144. С. 112–113.
- Куглюковский П.А., 1973. Вскрытие гробниц в Покровском монастыре в г. Суздале // Археологические открытия 1972 года. М. С. 70.
- Куглюковский П.А., 1974. Исследование древнего жилища в г. Суздале // Археологические открытия 1973 года. М. С. 60–61.
- Тимофеева Т.П., 2016. «Пожизненные друзья». Переписка Н.Н. Воронина и А.Д. Варганова как часть научного наследия учёных // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 21. Владимир. С. 118–126.

Архивные материалы

- ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 929, 1165, 1171, 1181, 1186, 1190, 1204; оп. 2. Д. 332.
- ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 211.
- ГВСМЗ. Инв. № В-55747/14, В-55747/26, В-55747/32, В-55747/36, В-55747/42.
- Научный архив ГВСМЗ. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 2. Д. 51.

С.В. Томсинский

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСКОГО СВАТИЛИЩА НА ТЕРРИТОРИИ УГЛИЧСКОГО КРЕМЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2014 г.

S.V. Tomsinskiy

THE REMAINS OF A PAGAN SANCTUARY ON THE TERRITORY OF THE UGLICH KREMLIN ON MATERIALS OF EXCAVATIONS OF 2014

Summary. The author presents the materials of the excavations of 1995 and 2014 in the Kremlin of Uglich, interpreted as the remains of pagan sanctuary of the X century, belonged to a mixed Slavic-Finno-Ugric population.

Ключевые слова: Древняя Русь, Углич, язычество, славяне, меря.

Keywords: Old Russia, Uglich, paganism, Slavs, Merya.

В 2014 г. Древнерусская экспедиция Государственного Эрмитажа, после девятилетнего перерыва, возобновила раскопки на территории Угличского кремля, проводившиеся с 1989 по 2004 гг. За пятнадцать лет в Угличе был исследован практически весь кремль, за исключением участков, остававшихся под зелеными насаждениями и засыпанных русел оврагов, а также Успенская площадь. Были проведены раскопки небольшой площади на территории за ручьем Шелковкой, к западу от кремля. Однако сведение части зеленых насаждений на участке к югу от церкви Святого царевича Димитрия «на крови» открыло перспективу исследования именно той части мысовой площадки кремля, на которой в 1993–2002 гг. были сделаны наиболее интересные находки и установлена хронология антропогенных отложений памятника. Не воспользоваться предоставившейся возможностью мы не могли, и в восточной части мысовой площадки кремля, вплотную к березовой аллее вдоль берега Каменного ручья, был заложен раскоп 23, общей площадью 88 кв. м, разбитый на два неравных по площади участка (**рис. 1**).

Участок А размерами 18×4 м (72 кв. м) ориентирован по сторонам света, разделен контрольной бровкой шириной 0,5 м на две части: северную (кв. А1–Д2) и южную (кв. Е1–И2). Участок А примыкал к раскопу 10 (1995 г.), однако не вплот-

ную, поскольку по границе этого раскопа был проложен кабель к церкви «на кро-
ви», приближаться к которому ближе 1 м нам было запрещено.

Участок Б размерами 4×4 м (16 кв. м), ориентирован углами по сторонам све-
та; непосредственно примыкает к раскопу 86 (1993 г.).

Стратиграфия участка раскопа 23 принципиально ничем не отличается, как
и следовало ожидать, от стратиграфии прилегающих участков раскопов 1993–
2002 гг. Здесь зафиксированы четыре почвенные структуры, четко датированные
фрагментами керамики и индивидуальными находками, в каждой из которых за-
фиксированы прослойки различного состава и мощности. (Томсинский, 2004.
С. 27–29).

Слой 1 сформирован легкой светло-серой супесью с включениями строитель-
ного и бытового мусора и отдельными предметами, в т.ч. монетами, датируемыми
XVIII–XX вв.

Слой 2 сформирован более плотной коричневой супесью с включениями ор-
ганики (древесный тлен, навоз). Датируется XIV–XVII вв.

Слой 3 сформирован углистой супесью с многочисленными включениями
дресвы и датируется X–XIII вв. На мысовой площадке кремля этот слой резделя-
ется на два горизонта, соответственно 1 (верхний) и 2 (нижний). На участке рас-
копа 23 формирование горизонта 1 слоя 3 завершается отложением мощных про-
слоек песка в процессе возведения, ремонтов и разрушения дерево-земляных укре-
плений вдоль Каменного ручья в середине XII в. (Томсинский, 2006. С. 338–340).

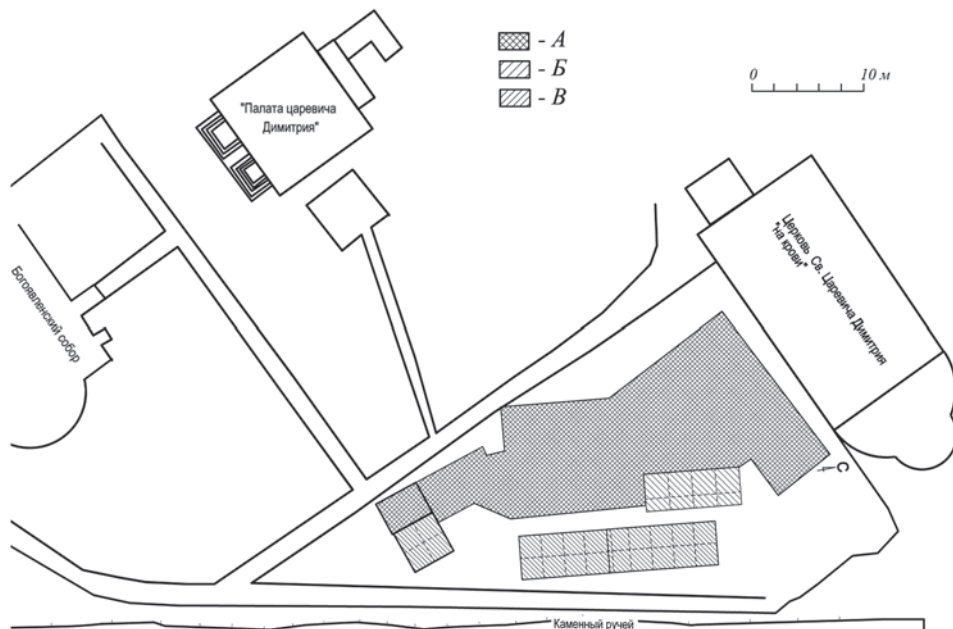

Рис. 1. Мысовая площадка Углического кремля. Участки раскопов 1993–2002 и 2014 гг. А – раскопы 1993–94, 1998–2002 гг., Б – раскоп №10 1995 г., В – раскоп №23 2014 г.

Слой 4 сформирован предматериковой серо-коричневой оподзоленной супесью, подвергавшейся интенсивной распахке, следы которой зафиксированы на материке в виде параллельных полос, пересекавшихся под прямым и тупым углом.

В антропогенных отложениях раскопа 23 зафиксированы ямы различной площади и глубины и плохо сохранившиеся остатки деревянных сооружений, стратиграфически распределившиеся по 9 строительным периодам. Ямы, отнесенные к **6–9-м строительным периодам**, впущены в антропогенные отложения в период формирования слоев 1 и 2, т.е. в XVI–XX вв. и их назначение однозначно не устанавливается. Эти ямы прорезали прослойки 10–17, сформировавшиеся, как отмечалось выше, на линии дерево-земляных укреплений вдоль Каменного ручья. В процессе изучения этих прослоек зафиксированы плохо сохранившиеся остатки деревянных клеток в виде слабо различимых линз древесного тлена и отдельных камней.

К **5-му строительному** периоду отнесены остатки наземных срубных построек 1 и 2, уничтоженных пожаром, которые уверенно датируются фрагментами гончарной керамики серединой XII в. Ямы **4-го строительного периода** на участке А датированы нами предположительно первой половиной XI в.

К **3-му строительному** периоду отнесены остатки наземных срубных построек 3 и 4, поставленных на самом краю пологого берега Каменного ручья и также сгоревших; к югу от этих построек проходил исток постепенно заплывавшего культурным слоем русла оврага. Исходя из реконструкции топографии мысовой площадки по материалам раскопок предшествующих сезонов, эти сооружения, как и постройки 1 и 2, можно с наибольшей вероятностью признать хозяйственными постройками княжеского двора древнерусского города Угличе Поле, основанного в середине X в. (Томсинский, 2004. С. 153). Индивидуальные находки, стратиграфически соотносимые с сооружениями 3-го строительного периода, позволяют датировать этот период второй половиной X в. Это: «широкосрединные» ножи (VIII–XII вв.); ключ-лопаточка и фрагменты замка типа А (X – перв. четв. XII в.); ледоходный шип (IX–XI вв.); пластинчатый перстень с продольным литым валиком, аналогии которому известны в материалах раскопок Сарского городища и финно-угорских древностей Поволжья IX–XI вв. (Седова, 1980. С. 129; Леонтьев, 1996. С. 175); фрагмент витой подвески и два фрагмента дирхемов – один без чекана, другой с сильно стертой легендой. Обнаружены 32 стеклянные бусины, среди которых преобладают «лимонки» (14 ед.); серебростеклянные двухчастные (4 ед.); золотостеклянная одночастная и двухчастная (2 ед.); полосатые (2 ед.); желтые (4 ед.); темно-синие (2 ед.). Хронология угличских бус-«лимонок» вполне соотносится с хронологией этих украшений, установленных материалами раскопок Ростова, Старой Ладogi, Новгорода и других центров северо-запада Восточной Европы. (Львова, 1968. С. 88; Щапова, 1956. С. 174; Самойлович, 2006. С. 184; Томсинский, 2004. С. 124). Второй половиной X в. могут быть датированы и стеклянные и каменные бусы других типов: дисковидная желтая бусина с красно-синими глазками и зонные – синяя, зеленая и бирюзовая бусины. Обнаружено 3 ед.: синяя, зеленая и бирюзовая, последняя, исходя из стратиграфии участка Б раскопа 23 и ростовских аналогий, могла попасть в антропогенные отложения не позднее первой половины XIII в. (Самойлович, 2006. С. 383). Рубленный бисер (2 ед.) датируется VIII–X вв., бусинный бисер (1 ед.) бытовал в Ростове до XII в. (Самойлович, 2006. С. 383).

Помимо индивидуальных находок и фрагментов гончарной керамики, в этот период в культурный слой попали многочисленные кости животных, в т. ч. бобров (челюсти и часть позвоночника), обнаруженные в заполнении русла оврага и свидетельствующие о развитии бобрового промысла. В заполнении этого оврага челюсти бобра впервые были обнаружены еще в 1994 г. на участке раскопа 9.

Особый интерес представляет **2-й строительный** период, которому на участке А отнесена яма 43, а на участке Б – кострище, перекрытое песчаной насыпью.

Яма 43 представляла собой в действительности образующие единый комплекс четыре ямы (43а–г) различной глубины, постепенно заполнявшиеся прослойками угля и дресвы, что свидетельствует о периодическом разведении в ямах сильного огня. Судя по сохранившемуся фрагменту, зафиксированному на уровне 6-го пласта, огонь разводился из крупных дров. В яме 43б (западная стенка раскопа) дважды зафиксированы прослойки песчаных подсыпок, после которых в ней продолжался разводиться огонь.

Этот комплекс ям на участке раскопа 23 четко соотносится с ямами и каменными конструкциями, зафиксированными на уровне материка на участке раскопа 10 (1995 г.). Несмотря на то, что по вышеназванным причинам, раскопы 10 и 23 не состыкованы вплотную, можно уверенно утверждать, что яма, обозначенная на участке раскопа 23 номером 43б, на участке раскопа 10 была обозначена номером 36 и с большой вероятностью обозначить предполагаемую границу ямы за пределами обоих раскопов (при условии, что котлован имел прямоугольную форму, а оснований сомневаться в этом как будто нет). Разумеется, даже гипотетическое определение примерных размеров ямы в этом случае было бы рискованным. Однако можно констатировать, что одна из сторон предполагаемого прямоугольника имела длину не менее 3 м, а другая – не менее 4 м.

С запада на участке раскопа 10 к яме 36 (1995 г.) и 43б (2014 г.) примыкала яма 40 (1995 г.), пятно заполнения которой на уровне материка зафиксировано как вымостка из мелких валунов и гальки, на которой были обнаружены фрагменты черепов лошади и собаки. Черепа были уложены в прерывисто-кольцевидной выкладке из валунов. На участке раскопа 23 с ямой 43 стратиграфически уверенно соотносится череп лошади, обнаруженный в кв. Б1; лошадиная голова, ориентированная резцовой частью на Запад, была уложена в неглубокую яму под закладкой из мелких камней (**рис. 2**).

Интерпретация этого комплекса принципиально важна для правильного понимания топографии мысовой площадки до основания древнерусского города Угличе Поле. Определяющее значение для правильного понимания назначения ям с прослойками угля и дресвы имеет находка на заполнении ямы 43 (2014 г.) сразу четырех калачевидных кресал с язычком и фитильной трубки (**рис. 3**). Исходя из стратиграфического локуса вышеперечисленных предметов, есть все основания полагать, что обнаруженные здесь портативные инструменты для высекания огня, использовались только на этом комплексе ям и явно не были потеряны, а скорее неглубоко зарыты на самом краю ямы, причем на одном из кресал в окисле сохранились следы дерева. Эти кресала, в соотнесении с предметами, залегающими выше в антропогенных отложениях, и керамикой из отложений, с уровня которых впущена яма 43, датируют весь комплекс с наибольшей вероятностью первой по-

ловиной X в. Никаких следов ремесленных производств (гончарного, металлургического), равно как и следов термической обработки продуктов в яме № 43 и рядом с ней не выявлено; не могут эти ямы быть признаны и остатками сооружения для сушки снопов – овина, тем более – остатками постройки с очагами бытового назначения. Аналогии комплексу в финно-угорских и древнерусских древностях Волго-Окского междуречья нам неизвестны.

Остается предположить, что в 2014 г. в северо-восточной части Угличского кремля открыты остатки языческого святилища, функционировавшего еще до основания древнерусского города Угличе Поле. Общие размеры сакральной зоны достаточно значительны: не менее 7×10 м; южная его граница на участке раскопа 23 маркирована уложенными по периметру ямы 23 валунами и руслом оврага; северная граница не столь ясна, во всяком случае, выразительных остатков каких-либо ограждений в процессе раскопок не зафиксировано. Мы не располагаем достоверными данными для реконструкции совершавшихся в сакральной зоне других действий кроме разведения сильного огня в ямах 40а–г (2014 г.) и погребения черепов лошадей и собаки. Впрочем, находки в заполнении ямы № 43 (2014 г.) кальцинированных костей, среди которых опознаются кости птиц без диафизов и эпифизов, позволяют предполагать, что в ямах сжигались либо жертвенные животные и птицы, либо, что не менее вероятно, в костер бросали остатки трапезы. Также можно было бы предположить, что вымостка, зафиксированная на участке раскопа 17 (2001 г.), предназначалась для совершения жертвоприношений – но это невозможно подтвердить никакими достоверными данными.

Большой интерес представляет коллекция фрагментов керамики, стратиграфически соотносимых с комплексом 2-го строительного периода на участке раскопа 2014 г. Эта коллекция невелика – всего 901 фрагмент лепных сосудов. Однако она оказалась достаточно интересной по составу. В антропогенные отложения периода функционирования святилища выпали фрагменты только лепной керамики.

По технологическим признакам и аналогиям выделенным типам сосудов лепная керамика с участка раскопа 23 может быть отнесена к двум культурным традициям: 32 фрагмента принадлежат финно-угорской (мерянской) культурной традиции и изготовлены из красножгущихся глин. Поверхность их тщательно заглажена, иногда залощена, в качестве примеси в тесте присутствует песок, обжиг хороший; отличительным признаком керамики этой группы признается четко формованный, аккуратно срезанный венчик (**рис. 4, 1–32**) (Леонтьев, 1996. С. 54–55).

Лепная керамика древнерусской традиции с участка раскопа 23 – что, собственно, и неудивительно, учитывая местоположение Углича – обнаруживает ближайшие аналогии на памятниках центральных районов Волго-Окского междуречья – Ростова и ростовской округи (**рис. 4, 33–67**) (Исланова, 1982. С. 192–193, 195; Леонтьев, 1996. С. 279–280).

Наконец, к **1-му строительному периоду** на участке А раскопа 23 относятся четыре ямы, назначение и датировка которых материалами раскопок не устанавливаются, однако они определенно прорезали горизонт распахки предматериковой прослойки оподзоленной супеси, зафиксированный по всей мысовой площадке кремля.

Несмотря на небольшую площадь раскопа 23, результаты исследований 2014 г., в соотнесении с материалами раскопок предшествующих сезонов, оказыва-

ются весьма важными для правильного понимания последовательности и причин перепланировок всей территории кремля, зафиксированных в процессе раскопок.

1. Освоение территории плато правого берега Волги при впадении Каменного ручья началось с интенсивной распашки предматериковой прослойки серо-коричневой оподзоленной супеси, производившейся однозубым пахотным орудием в течение по крайней мере четырех сезонов. Распашка производилась обитателями

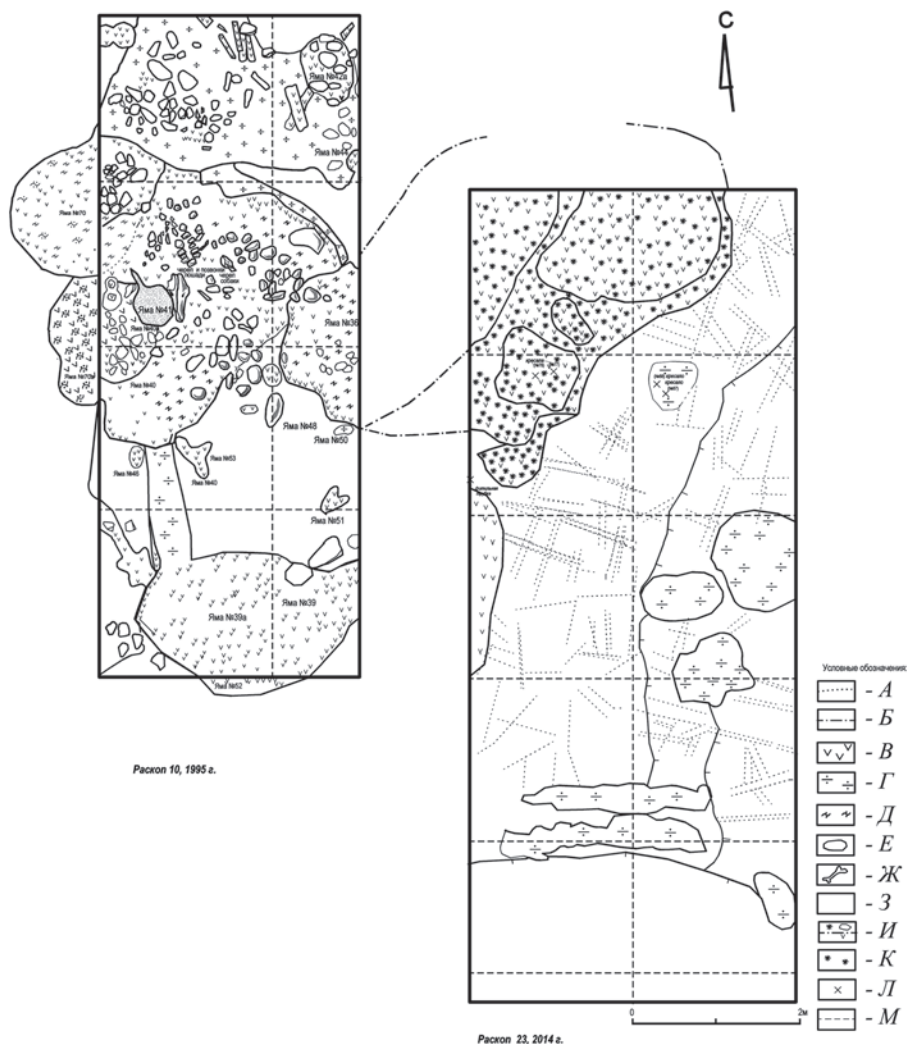

Рис. 2. Соотнесение комплексов раскопа 10 (1995 г.) и раскопа 23 (2014 г.).

А – следы распашки на материке, *Б* – реконструируемые границы ям, *В* – уголь, *Г* – супесь серая, *Д* – супесь золистая, *Е* – камень, *Ж* – кость, *З* – материковый песок, *И* – объекты, отнесенные к комплексу святилища, *К* – дресва, *Л* – индивидуальные находки, *М* – останцы слоя под корнями деревьев

Рис. 3. Железные кресала и фитильная трубка

либо мерянского поселения, располагавшегося на береговых террасах Волги, либо уже смешанным славяно-мерянским населением после миграции в этот регион выходцев из Бежецкого верха. Это «ближние поля» поселения, расположенного на берегу Волги. Надо полагать, «дальние поля» начинались за оврагами, там, где не ранее второй половины XIII в. образовалась Успенская площадь.

2. Период распахки завершается возникновением на линии мыса, далеко вдававшегося в Волгу и закрывавшего устье Каменного ручья, сакральной зоны – языческого святилища, остатки которого зафиксированы на участках раскопов 23 (2014 г.) (2-й строительный период) и 10 (1995 г.).

Полагаем также, что слишком рискованно углубляться в поиски этнографических аналогий этому комплексу в традиционных культурах финно-угорских этносов Поволжья и Приуралья. Во-первых, неясно, насколько уверенно религиозные представления и практики, зафиксированные этнографами, можно соотносить с реалиями исторической действительности X в. Во-вторых, даже если признать эти религиозные практики и представления мало изменившимися за тысячу лет (что все же сомнительно), навсегда останется неизвестным, чем отличались и отличались ли таковые у предков мордвы или марийцев от религиозных практик и представлений локальных групп финно-угорских этносов Волго-Окского междуречья. Тем более, что, как отмечалось выше, и аналогии в материалах раскопок памятников I тыс. н.э. на территории этого региона пока неизвестны. Впрочем, при желании аналогии можно найти и в комплексах, интерпретируемых исследователями, как остатки славянских святилищ, т. к. и там археологами зафиксированы кострища и столбовые ямы (Седов, 1953. С. 96–98; Русанова, Тимошук, 2007. С. 26–40). Но вряд ли эти аналогии прибавят убедительности нашим предположениям.

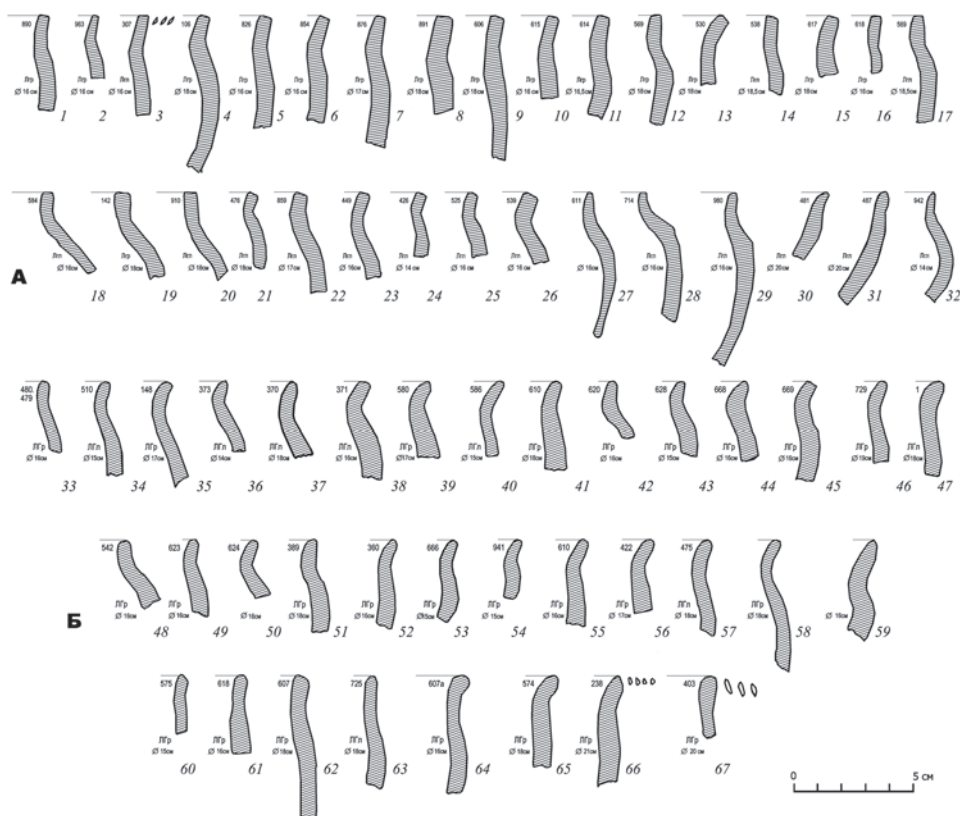

Рис. 4. Раскоп 23 (2014 г.). Лепная керамика

Охарактеризованная выше сакральная зона стратиграфически и хронологически принадлежит периоду до основания древнерусского города Угличе Поле в середине – третьей четверти X в., следовательно – к периоду обитания на правом берегу Волги финно-угров (летописной мери или близкого к этому этносоциуму населения), а затем – смешавшихся с финно-уграми древнерусских мигрантов с северо-запада. Существование до третьей четверти IX в. финно-угорского поселения на террасах правого берега Волги при впадении Шелковки и Каменного ручья надежно удостоверено материалами раскопок предшествующих сезонов (Томсинский, Турова, 2006. С. 387–395). Можно также считать установленным, что финно-угорское поселение, на месте которого возник древнерусский город Угличе Поле, находилось в плотном скоплении синхронных поселений, остатки которых обнаружены либо под антропогенными отложениями древнерусских селищ, либо в непосредственной близости от таковых (Леонтьев, 1996. С. 222–223; Кириченко, Спиридонова, 2006. С. 135). Память о смешанном славяно-финно-угорском населении, очевидно, сохранилась в местной традиции до XVIII в. («угляне» Угличских летописцев) (Угличский летописец, 1996. С. 23–24).

3. Запустение святилища произошло только после того, как яма № 43 была заполнена на всю глубину, причем никаких следов последующей нивелировки, намеренной или случайной, выступающего на 0,2–0,3 м над уровнем дневной поверхности заполнения ямы не выявлено. Из этого можно заключить, что святилище было не разрушено, а именно оставлено. На месте остались и предметы для разведения огня – очевидно, были неглубоко закопаны в деревянных коробочках. Полагаем, имелся и какой-то не сохранившийся до наших дней на своем месте, но весьма надежный ориентир на местности, наминавший угличанам о статусе запустевшей сакральной зоны. Таковым вполне мог быть большой валун, например, тот, что в настоящее время находится под крыльцом церкви Св. царевича Димитрия «на крови» и по размерами мало уступает «Синему камню» в Переславле Залесском. Такое перемещение валуна в 1695 г. вполне вероятно, т.к. тот же «Синий камень» одно время также был заложен в основание православной часовни. Эти предположения возвращают нас к тексту уже цитированной купчей А.Т. Горяиновой от 1627 г., в которой, как известно, в качестве ориентира локализации продаваемого двора упомянут некий «калеметь». В 2004 г. мы предположили, что так именовался расположенный к югу от сакральной зоны небольшой могильник представителей местной знати, какие-то ориентиры которого также сохранялись до XVII в. (Томсинский, 2004. С. 149). Результаты раскопок 2014 г., на наш взгляд, корректируют это предположение.

4. Во второй половине X – середине XII в. рядом с заполненными прослойками угля и дресвы заброшенного святилища появляются наземные срубные постройки 3 и 4 – хозяйственные сооружения княжеского двора, возведенного на мысовой площадке кремля, как минимум дважды перестраивавшиеся и окончательно уничтоженные пожаром в середине XII в. («поход племянников» 1149 г.). После окончательного разрушения этих построек по линии берега Каменного ручья были возведены новые дерево-земляные укрепления, наиболее выразительные остатки которых были зафиксированы нами и на раскопе 20 (2003 г.) (Томсинский, 2006. С. 339).

Рассуждая о сакральной зоне, остатки которой открыты раскопками 1995, 2001 и 2014 гг., нельзя не обратить внимания на весьма существенное обстоятельство. Местная угличская традиция, отразившаяся в Летописях XVIII в., древнейшим христианским культовым сооружением на территории кремля признает церковь Св. Костантина и Елены. Никакими другими письменными источниками эта версия не подтверждается, а достоверность информации об основании города, содержащейся в текстах «Угличских Летописцев», давно и упорно подвергается сомнению историков – несмотря на то, что наши исследования подтвердили факт возникновения города не позднее середины X в., вполне соотносимый с этими текстами. Однако погребения, зафиксированные нами на участке раскопа 18 (2002 г.), маркируют местоположение некоего культового сооружения на мысу, перекрывавшем устье Каменного ручья, т.е. севернее языческой сакральной зоны, по крайней мере в XIII–XIV вв., а может быть и ранее. Такое соседство в общем контексте информации об утверждении христианства в Волго-Окском междуречье в XI в. вполне объяснимо, а находка на участке раскопа 17 (2001 г.) серебряного крестика-энколпиона, датированного второй половиной X в. (Томсинский, 2002а. С. 49; Томсинский, 2002б. С. 263–267; Корзухина, Пескова, 2003. С. 58–59; Томсинский, 2004. С. 235–237) определенно свидетельствует о весьма раннем проникновении христиан с юга

в новооснованный город на Верхней Волге. Можно полагать, что намеки составителей «Угличских Летописцев» на изначальные и прочные связи Углича с главным центром христианизации Восточной Европы – Киевом – вообще небезосновательны, как бы ни относиться к этим источникам – хотя бы потому, что в антропогенных отложениях княжеского двора обнаружены два кубика смальты, полностью идентичной киевским смальтам XI в. (Томсинский, 2004. С. 212–213). Таким образом, конфессиональный контекст в Угличе Поле в X – первой половине XI в. был весьма сложным и динамичным – как, впрочем, и в других регионах Древней Руси.

Литература

- Исланова И.Н., 1982. Селище Шурскот II близ Ростова Великого // СА. № 2.
- Кириченко А.В., Спиридонова Е.Н., 2006. Многослойный памятник у деревни Налуцкое Угличского района Ярославской области // Археология Верхнего Поволжья: (к 80-летию К.И. Комарова). М. С. 131–139.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реliquарии XI–XIII вв. // Archeologia Petropolitana. XIV. 423 с.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.
- Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л.
- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 11.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А., 2007. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога. 304 с.
- Самойлович Н.Г., 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М. С. 371–386.
- Седов В.В., 1953. Древнерусское языческое святилище в Перыни // Крат. сообщ. ИИМК. Вып. 50. С. 92–103.
- Седова М.В., 1980. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Томсинский С.В., 2002а. Раскопки в Угличском кремле // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 2001 г. СПб. С. 47–50.
- Томсинский С.В., 2002б. Серебряный крестик-энколпион (из раскопок в Угличе) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб. С. 263–267.
- Томсинский С.В., 2004. Угличе Поле в IX–XIII вв. СПб.: Гос. Эрмитаж. 319 с.
- Томсинский С.В., 2006. Материалы раскопок на территории Угличского кремля как источник для уточнения хронологии фортификации раннесредневекового Углича // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 332–341.
- Томсинский С.В., Турова Е.А., 2006. Новые данные о мерянском компоненте в культуре Углича Поля в конце I – начале II тыс.н.э. // Археология Верхнего Поволжья: (к 80-летию К.И. Комарова). М. С. 387–395.
- Угличский Летописец. Углич, 1996.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.

Архивные материалы

- Турова Е.А. Работы архитектурного отряда Древнерусской археологической экспедиции на Угличском Посаде и в Никольском Улейминском монастыре // Государственный Эрмитаж. Археологические экспедиции за 2003 г.

Е.А. Турова

**РАБОТЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-
ЗАПОВЕДНИКА «АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА»
НА УЧАСТКЕ РАСКОПА 3**

E.A. Turova

**WORKS OF THE OLD RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE
STATE HERMITAGE IN THE TERRITORY OF STATE MUSEUM-RESERVE
“ALEXANDROVSKAYA SLOBODA” ON THE SECTION OF AN EXCAVATION 3**

Summary. Excavation of the Old Russian archaeological expedition of the State Hermitage of a season of 2013 obtained new data on topography of the territory of the residence of Vasily III – Ivan IV in the Alexandrovskaya Sloboda. The pond existing in a northern part of the territory, according to the research, was a part of the stream falling into the river Seraya and it was also created not earlier than construction “Tsarevichev’s yard” in the third quarter of the 16th century. The author defined the location and direction of the fence “Tsar’s court” of Vasily III inside the residence, surrounded by ramparts. It is possible to consider 12–15th century determined the fact of existence of the settlement on which place in 1508–1513 Vasily III’s residence was built.

Ключевые слова: Александрова слобода, резиденция, топография, поселение.

Keywords: Aleksandrova Sloboda, residence, topography, settlement

Архитектурно-археологические исследования на территории Александровской Слободы проводятся силами Древнерусской экспедиции ГЭ с 2005 г. по настоящее время.

В работах 2005–2012 гг. и в 2015 г. исследовались остатки каменных построек дворцового комплекса начала и середины третьей четверти XVI в., расположенные на Царицыном дворе, в районе церкви Успения Богоматери XVI в., и надкладезной часовни XVIII в., в пределах монастырской стены XVIII в.

Возникший в середине XVII в., в границах валов древней Александровской Слободы, Успенский женский монастырь занял только около половины великокняжеской и царской резиденции. Северная и северо-восточная часть её территории, окруженная валом, осталась за пределами монастыря.

Древняя топография этого участка практически не была изучена. Данные письменных источников XVI в. по этой территории ограничиваются свадебными чинами Ивана Грозного и Марфы Собакиной и царевича Ивана. Краткие указания чинов (*Турова*, 2010. С. 9) дают основание осторожно предполагать, что на северо-западном участке могла располагаться северная часть государева двора и сад, а на юго-восточном – двор царевича.

В 2013 г. были начаты археологические исследования за границей монастырских стен XVIII в., в пределах древнего вала Александровской Слободы, к юго-востоку от северной башни монастырской ограды.

Местоположение и конфигурация раскопа 3 определялось исследованиями берега пруда, расположенного в западной части территории за оградой монастыря, и насыпи – к востоку – юго-востоку от пруда под существующей грунтовой дорогой. Время устройства пруда известно не было. На схематичных планах XVIII в. пруд не обозначен. Время формирования насыпи под дорогой, на момент начала работ, с точностью не определялось.

Подлежала проверке бытующая среди местных жителей легенда о благоустройстве белокаменной набережной пруда в период существования резиденции Василия III – Ивана IV.

Раскоп 3 был разбит в виде траншеи, на участке берега пруда, от уреза воды до насыпи под дорогой и к юго-востоку от дороги.

Работы велись под руководством начальника археологической экспедиции С.В. Томсинского и автора настоящей работы.

По данным нивелировки, площадка раскопа 3 находится ниже, чем территории, исследованные ранее в пределах монастырских стен, где отметки поверхности составляли -0.90–1.10, максимально -1.90 от принятого нами репера. Отметки материка на неповрежденных участках -2.40. На участке раскопа 3: отметка -1.27 – самая высокая точка дорожной насыпи, отметка у уреза воды -4.70, остальная территория -1.70 – -3.06.

Уже на начальной стадии работ выяснились обстоятельства появления дорожной насыпи к востоку от пруда, образованной самыми поздними антропогенными отложениями на участке.

Состав перекопа в верхних горизонтах насыпи общей мощностью до 1,10 м – это темный коричневый суглинок (1Б) с линзами крупнозернистого золистого песка с включениями шлака (1В), линзами переотложенной материковой глины с включениями песка (1В'), мелкой гальки и битого стекла, древесного угля, шлака обожженной глины, кирпичным щебнем со следами пребывания в кладке, реже, щебнем белого камня, с фрагментами различных по составу известковых строительных растворов: светло-серого, средней прочности, однородного, со значительным содержанием речного песка; в небольшом количестве – качественного желтовато-белого, однородного, плотного, со стабильной небольшой примесью среднезернистого речного песка.

В перекопе зафиксированы линзы (1Г), желтовато-коричневого суглинка с многочисленными включениями угля антрацита, древесного угля, фрагментов известкового строительного раствора, преимущественно качественного желтовато-белого, встречающегося в кладках построек Александровской Слободы, датированных началом XVI в. и линзы (1Д), слегка унавоженного желтовато-коричневого суглинка с включениями мелкого кирпичного щебня.

Характерные волнистые линии, образующие нижние границы напластований насыпи, позволяют предполагать, что данные структуры образовались в результате работы ковша и движения тяжелой землекопной техники (бульдозера или погрузчика) с рифлеными покрывками.

Верхние горизонты насыпи перекрывают в восточной части раскопа прикрытое фрагментами листов кровельного железа значительное скопление бытового мусора, включающее железную вьюшку, гвозди, фрагменты керосиновой лампы, осколок стеклянной рюмки, фрагменты кожаной обуви, в том числе детский ботинок 1940–50-х гг. Состав мусора позволяет предполагать, что он отложился при расселении квартир в ходе передачи монастырских строений под нужды музея в 1950-х гг.

В нижнем горизонте насыпи на восточном участке раскопа зафиксирована нивелировочная прослойка (2), мощностью до 0,83 м, перекопа, темно-коричневого суглинка с включениями угольков, мелкого строительного мусора, в том числе кирпичного щебня и развала строительных растворов, преимущественно качественного, желтовато-белого, а также осколков стекла без следов ирридации,

Нижняя граница этой нивелировки также имеет характерные следы ковша бульдозера. При формировании прослойки (2) были уничтожены антропогенные отложения восточного участка раскопа на большую часть их мощности, местами почти до материка.

Датировка прослоек и линз в составе насыпи под грунтовой дорогой вдоль берега пруда определяется находками монет 1950-х гг, фрагментов фаянсовой, фарфоровой и стеклянной посуды 1960–1970-х гг. и включениями шлака и каменного угля. Её формирование началось в конце 1950-х гг. в процессе обустройства Александровского музея и закончилось в ходе работ по выравниванию территории в пределах вала, к северо-востоку от монастырской стены XVIII в., проведенными в 1970-х гг.

Характер грунта, включавшего, вероятнее всего, отходы котельной с ближайшей школы № 3 и битую дешевую посуду (весьма вероятно, из школьной столовой), наряду с развалом разновременного строительного мусора, включающего, в значительной части, строительный мусор XVI в., позволяет предполагать, что насыпь полностью сформирована переотложенными антропогенными отложениями, срезанными ковшом бульдозера на всей окруженной валом северо-восточной территории Александровской Слободы.

Ниже на всем участке раскопа отложились прослойки: (3) мощностью на центральном участке до 60 см, (4) мощностью до 0,5 м, последовательно сформировавшиеся отложения желтовато-коричневого, слегка унавоженного суглинка с вкраплениями кирпичной крошки, редкими вкраплениями мелкого кирпичного щебня.

Период формирования прослоек (3) и (4) определяется находками монет 1943 г. и 1938 г., в 1934 г. – фрагментов фарфоровой посуды первой половины – середины XX в. и ключа от полукруглого навесного замка середины – второй половины XX в. Напластования связаны с выпасом скота близлежащих частных жилых домов.

Ниже на всей площади раскопа отложилась прослойка (4Б) мощностью до 0,5 м – желтовато-сери-коричневый однородный плотный слегка унавоженный суглинок со следами травянистой растительности, вкраплениями угольков и кирпичной крошки, редко светлого известкового строительного раствора. При разборке прослойки в её нижнем горизонте были зафиксированы следы крупного рогатого скота.

Дата формирования прослойки (4Б) может быть установлена только методом относительной стратиграфической датировки, поскольку обнаруженный археологический материал не позволяет однозначно датировать почвенную структуру. Датировка определяется в пределах XVII – нач. XX в. Состав и характер прослойки позволяет предполагать, что в указанный период назначение участка мало отличалось от начала XX в.

В западной части раскопа, в 3 м от уреза воды берега пруда, была раскрыта кладка тыльной части кирпичной печи, сложенной на глине из восьми рядов уложенного на плашку большемерного кирпича. Кирпич кладки околотый, со следами качественного желтовато-белого известкового раствора. Размеры и форма кирпича соответствуют кирпичу кладок построек Александровской Слободы начала XVI в., расположенных в пределах поздних монастырских стен. У основания кладки зафиксированы остатки дощатого опечка, уложенного по ее периметру. Рядом с печью зафиксирована стратиграфически одновременная ей линза органических остатков, площадью до 4 кв. м, перекрытая неправильно округлой формы выкладкой из двух-трех рядов окатаного гранитного булыжника. Материал кладки не позволяет датировать печь временем ранее первой трети XVI в., когда стала возможна разборка кладок каменных построек Слободы начала XVI в. для вторичного использования. Но наиболее вероятная датировка конец XVI–XVIII в.

Ниже горизонта унавоженного суглинка и напластований, связанных с существованием печи, на всей площади раскопа были зафиксированы линзы нивелировок (4В). Они образованы переотложенной материковой коричневой глиной с включениями переотложенных предматериковых почвенных структур: светлого желтовато-серого предматерикового оподзоленного суглинка, серой золистой супеси и темно-сери-коричневой золистой супеси.

На уровне горизонтальных срезов и при послойной разборке, а местами в стратиграфии удалось зафиксировать, что эти нивелировки отложились в виде двух горизонтов.

Нижний горизонт представляет собой выброс из, как минимум, пяти огромных столбовых ям (20А, 22, 23, 26А, 26Б) неправильно округлой формы, воронкообразного, уступчатого профиля. Две ямы из пяти оказались полностью в пределах раскопа. Диаметр ям 1,50–1,66 м, глубина 1,16 м, дно плоское. В нижних-средних горизонтах двух ям зафиксированы ямы подпрямоугольного профиля, размерами 0,62×0,52 м, глубиной 0,27–0,37 м от извлеченных прямоугольных в сечении столбов. В одной яме – незначительные остатки столба.

Ямы расположены по одной линии, ориентированной запад – восток, перпендикулярно береговой линии пруда. Расстояние между столбами 3,5–4 м.

Между столбами по линии ограды были зафиксированы остатки горизонтально уложенного на подсыпку крупного темного речного песка деревянного бруса или доски шириной до 40 см (сохранился в виде отпечатка, вмятого в грунт на 3–6 см, с остатком дерева, шириной 3–9 см, длиной 2,28 м).

Второй из столбов, очевидно, занимал угловое место в ограждении или служил воротным. К нему под углом 90° к линии ограждения подходила прямоугольного профиля траншея, шириной 0,46–0,52 м, глубиной 0,19–0,55 м, в верхнем горизонте заполнения которой отпечаток прямоугольного профиля, постепенно заплывавший грунтом со следами травянистой растительности – возможно след другого горизонтально уложенного бруса. Нижние горизонты траншеи заполняет перетолженная материковая глина. Возможно, первоначально траншея использовалась как частокольная, но четких следов столбов в заполнении зафиксировано не было.

Столбовые ямы ограды впущены с уровня поверхности прослойки (7) темно-серого золистого суглинка. На этом уровне на ранее исследованных участках Царицына двора, в пределах монастырских стен, фиксируется начало хозяйственно-строительной деятельности по обустройству резиденции и возведению каменных построек. Подсыпка под брусом визуальна идентична подсыпкам деревянного мощения¹, датируемого на исследованных участках раскопов 2007–2008 гг. тем же периодом. Предшествующие работы позволяют уверенно отнести его к началу – первой трети XVI в.

По поверхности нижнего горизонта глиняной нивелировки (4В) образованной выбросом столбовых ям фиксируются полосы разнонаправленной распашки и следы травянистой растительности, прочитавшиеся как на поверхности нивелировки, так и на уровне горизонтального почвенного среза (пластов 9, 10) и на уровне стратиграфии. Распашка производилась по обе стороны ограды.

Местоположение ограды вдоль склона протоки, к востоку от основных каменных строений, принадлежащих Государеву двору, в т. ч. домового Троицкой шатровой церкви Василия III, позволяет предполагать, что был найден северо-восточный участок ограждения, преграждавшего доступ на территорию, служившую местом пребывания государя лично, выделенную из прочих дворов резиденции. В этом случае распашка по глине могла служить для выравнивания грунта у ограды, а могла создавать у ограды нечто вроде пограничной контрольно-следовой полосы.

В тот же период, что и столбовые ямы ограды, на участке были произведены мероприятия по укреплению берега. Зачистка на уровне предматериковых напластований и материка показала, что водоем, существующий как пруд, изначально имел естественный природный характер. Рельеф материка и вышележащих отложений имеет равномерное падение к линии уреза воды. На расстоянии около метра от кромки берега в западной части раскопа зафиксированы остатки выкладки из небольших (15–25 см в поперечнике) гранитных валунов. Валунная выкладка была уложена на свайную подготовку. В местах, где выкладка повреждена, прочитались торцы не менее 5 рядов вертикально забитых в речной песок у кромки

¹ Обозначена в полевой документации как прослойка (7Г), подстилающая дощатое мощение на участке прирезки 4.

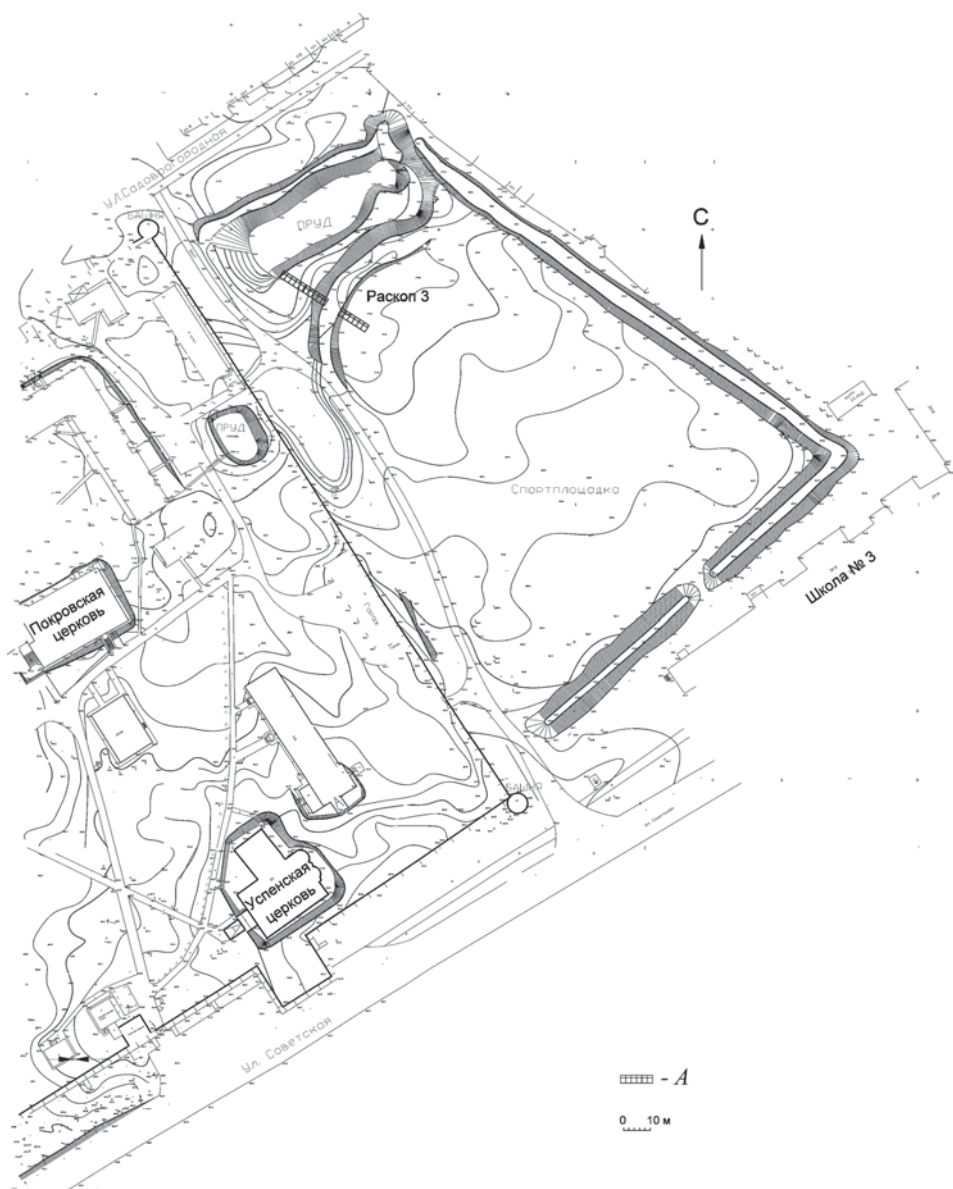

Рис. 1. Александровская Слобода. Территория за пределами стен Успенского монастыря. Схема расположения раскопа 3 ДАЭ ГЭ сезона 2013 г.
А – участок археологических исследований 2013 года.

берега деревянных свай, диаметром 5–8 см на расстоянии 6–13 см друг от друга, расстояние между рядами 4–10 см.

В 1,5 м от валунной выкладки, параллельно береговой линии, впущена траншея прямоугольного профиля, шириной 0,54–0,79 м, глубиной 0,80 м. На дне траншеи – две горизонтально уложенные деревянные тесаные доски, ориентированные вдоль траншеи, размерами шириной 12–13 см, при толщине 6–9 см. Функции траншеи остаются не вполне понятными.

Верхний горизонт нивелировки (4В), перекрывающий горизонт распашки по глиняному выбросу столбовых ям, более мощный, на восточном участке раскопа он зафиксирован в виде забутовки естественной депрессии материка, вероятнее всего склона небольшого оврага-протоки, устье которого было обращено в сторону водоема, ныне существующего в качестве пруда.

На центральном участке раскопа эта нивелировка перекрывает верхние горизонты заполнения столбовых ям ограды и может быть определена как перекоп, сформировавшийся в ходе разрушения предматериковых напластований не ранее начала XVI в. и в ходе работ по выборке ям, впущенных в материковую глину, находился не в границах исследуемого участка. Судя по мощности нивелировок, работы должны были быть довольно масштабны. В ходе этих работ были также выбраны и ранее установленные столбы ограды. Эти напластования могут быть

Рис. 2. Александровская Слобода. Центральный и западный участки раскопа 3 сезона 2013 г. до начала работ. Вид с востока

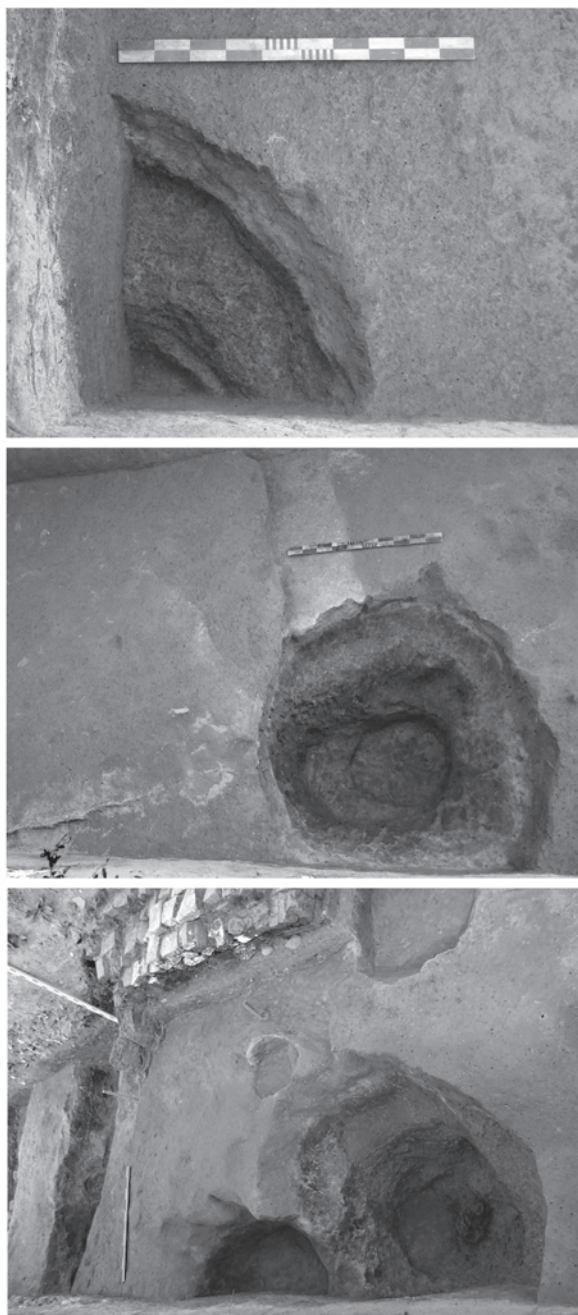

Рис. 3. Выбранные ямы от столбов ограды «Государева двора» Александровской Слободы (ямы № 23, 20Б, 26А-26Б). Зачистка на уровне дневной поверхности времени установки столбов

датированы поздним периодом существования резиденции, предположительно середина – вторая половина XVI в.

Наиболее ранние антропогенные отложения на участке сформированы светлым желтовато-серым предматериковым оподзоленным суглинком (9) и отложившимися поверх него прослойками серо-коричневого, местами золистого, суглинка (5), мощностью 8–22 см, с верхней границы которого велась распашка и выше – серого золистого суглинка (7) с единичными включениями линз со следами травянистой растительности, мощностью 6–20 см. При разборке этой прослойки также были зафиксированы следы распашки, но менее интенсивной.

Обе прослойки отложились на всей площадке раскопа, исключая склон протоки на восточном участке раскопа, впадающей в ручей, позднее превращенный в пруд. По краю склона протоки зафиксированы ямки от кольев плетня и остатки дощатой конструкции для спуска по склону. На самом склоне отложились только линзы глиняной забутовки протоки.

В предматериковых напластованиях почти не было обнаружено находок. Однако в переотложенных прослойках, сформировавшихся в процессе возведения и разборки массивной столбовой ограды государева двора, и в предматериковой прослойке подзола, подвергшейся распашке, обнаружены немногочисленные, но весьма выразительные фрагменты горшков.

Фрагменты гончарной керамики из предматерикового подзола могут быть признаны самыми ранними (рис. 5. 1–2). Сосуды аналогичной профилировки бытовали на территории Волго-Окского междуречья до середины XII в. (*Лапшин*, 1992. Рис. 1. Тип I).

Фрагменты горшков из выброса столбовых ям ограды (рис. 5. 3–4) принадлежат к самым распространенным типам керамики домонгольского периода, бытовавшим и во II пол. XIII в. (*Лапшин*, 1992. Рис. 1. Тип VIIA; *Майорова*, 2011. Рис. 1. Тип 8). В перекопах также обнаружен керамический материал, датируемый XIII–XIV вв. (рис. 5. 5–10) (*Чернов*, 1991. Табл. 33).

Указанные находки керамики свидетельствуют о существовании на месте резиденции, скорее всего на террасах левого берега р. Серой, поселения XII–XV вв. «Зона обитания» этого поселения, судя по результатам раскопок 2013 г., распространялась вверх по руслу ручья, впадающего в р. Серую.

Датировки и стратиграфическое распределение индивидуальных находок с участка раскопа 3 2013 г. достаточно четко устанавливают последовательность формирования антропогенных отложений.

Хронологически самыми ранними оказываются кремневые орудия, никак не связанные с культурой Древней Руси и Московского царства.

В период существования на террасах левого берега р. Серой и в устье впадавшего в нее ручья древнерусского поселения в культурный слой попали: синяя зонная бусина, медные накладки и фрагментированный звенчатый браслет; в период существования резиденции Василия III – Ивана IV – замок типа Е и несколько сапожных подковок. Все прочие предметы, включая и фрагменты изразцов XVI в., попали в слой в XVIII–XX вв. Завершился процесс формирования антропогенных отложений засыпкой большой свалки, функционировавшей в 1920–50-е гг. в глубокой западине на берегу пруда, т.е. в период заселения зданий закрытого Успенского монастыря.

По итогам работ сезона 2013 г. формирование антропогенных отложений на участке раскопа 3 происходило следующим образом:

Первоначальный ландшафт исследуемого участка представлял собой покрывную кустарниковую растительность площадку, с небольшим уклоном к северу – северо-востоку, на краю склона оврага протоки, впадавшей в ручей (в настоящее время – это пруд).

Территория входила в зону освоенную в XII–XV вв. обитателями поселения, расположенного, предположительно, на террасах левого берега р. Серой и вдоль устья впадающего в него ручья. На начальном этапе освоения на участке велась распашка однозубой сохой, прекратившаяся с началом формирования прослойки (7) с редкой травянистой растительностью.

Не ранее начала XVI в. на площадке была установлена ограда из массивных деревянных столбов, расположенных на расстоянии чуть более 3,5 м друг от друга, и соединенных пролетами ограды из забранных, вероятнее всего, в пазы столбов, мощных деревянных брусев. По выбросу из столбовых ям ограды, составленному предматериковыми напластованиями и переотложенной материковой глиной, велась распашка с внутренней и внешней стороны от ограды. Длительность распашки точно не устанавливается. После распашки на площадке фиксируется редкая травянистая растительность.

Рис. 4. Александровская Слобода. Раскоп 3 сезона 2013 г. Остатки конструкций берегоукрепления у уреза воды существующего пруда. (Кв.АБ1)

В этот же период кромка берега ручья была обустроена валунной выкладкой, укрепленной вбитыми в основание выкладки в прибрежный песок деревянными свайками небольшого диаметра.

Прекращение существования столбов и ограды связано с масштабными нивелировками участка выбросом из ям, находящихся за пределами изучаемой территории и впущенных в глинистый материк на значительную глубину. В этот же период производится нивелировка оврага протоки, преимущественно переотложенной материковой глиной из ям, находящихся за пределами изученного участка. В ходе этих работ нарушены, а частично и уничтожены полностью напластования на склоне засыпаемого оврага протоки. Предположительно данные работы могут быть связаны с постройкой Царевичева двора на территории к юго-востоку от изучаемого участка, и датироваться третьей четвертью XVI в.

В этот же период выбросом ям была перекрыта валунная выкладка вдоль берега ручья.

В последующий период на площадке велась хозяйственная деятельность, связанная с образованием пищевых отходов, для утилизации которых была устроена булыжная выкладка. Спустя непродолжительный период в непосредственной близости от кромки берега из кирпича вторичного использования была сложена печь, предположительно – хлебная.

Затем, вероятнее всего, со времени, не позднее конца XVIII и до конца XIX в., площадка длительное время использовалась для выпаса коров.

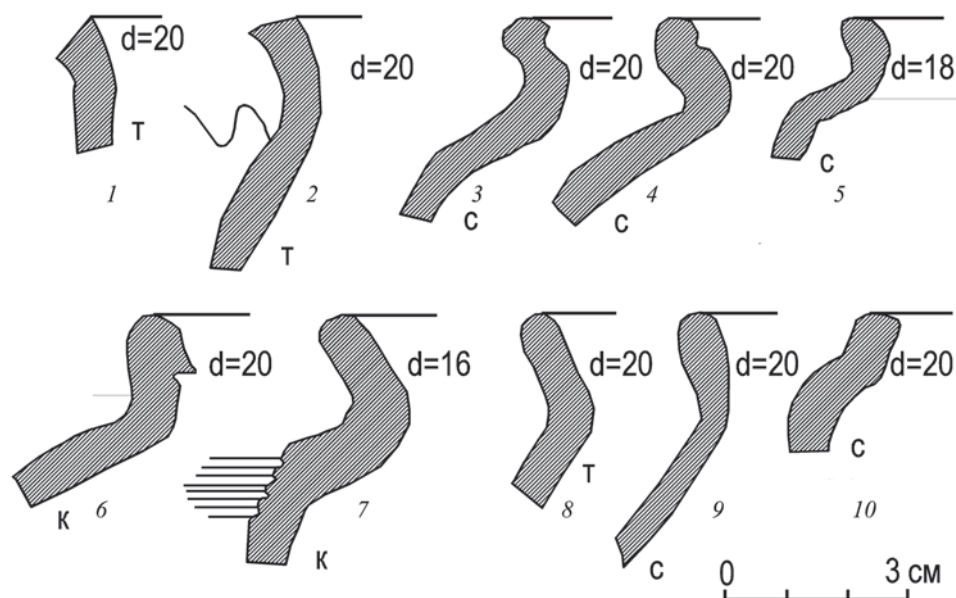

Рис. 5. Александровская Слобода. Раскоп 3 сезона 2013 г. Гончарная керамика из нижних горизонтов антропогенных отложений

В XX в. она продолжала использоваться по тому же назначению, кроме того, как стихийная свалка бытового мусора.

В 1970-х гг. на участке была произведена нивелировка с устройством насыпи под грунтовую дорогу с использованием отходов угольной котельной и разновременного мусора с соседних участков.

Основные результаты исследований на участке раскопа 3 сезона 2013 г.:

Получены новые данные о топографии территории резиденции Василия III – Ивана IV. Существующий на территории пруд, как выяснилось, являлся частью ручья, впадавшего в р. Серую. Пруд был создан не ранее строительства Царевичева двора в третьей четверти XVI в. Тогда же была забутована впадавшая в ручей протока. Устье ручья сохранялось на картах Александрова до конца XVIII в.

Можно считать установленным факт существования поселения XII–XV в., на месте которого в 1508–1513 гг. была сооружена резиденция Василия III.

Определено местоположение и направление ограды Государева двора Василия III внутри территории резиденции, обнесенной валами.

Литература

- Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М. С. 90–102.
- Майорова Е.В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // ABC3: Материалы науч. семинара. Вып. 3. М. С. 142–153.
- Турова Е.А., 2007. Архитектурно-археологические исследования на территории Александровской слободы в 2005–2006 гг. // ABC3: Материалы науч. семинара. Вып. 1. М. С. 156–164.
- Турова Е.А., 2010. Архитектурно-археологические исследования Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на территории «Александровской Слободы» в 2005–2008 гг. // Зубовские чтения. Вып. 5. Памяти выдающего российского ученого А.И. Комеча (15–17 окт. 2008 г.). Александров. С. 8–21.
- Турова Е.А., 2015. Изразцы из раскопок археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на территории «Царицына двора» Александровской Слободы // ABC3: Материалы науч. семинара. Вып. 5. М. С. 266–278.
- Томсинский С.В., Турова Е.А., 2015. Работы Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в Успенском монастыре в г. Александрове в 2005–2013 гг. // Вторая ежегодная конференция «Археология и общество». Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М. С. 132–135.
- Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М. С. 20–32, 96.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

А.Г. Лапшин, А.В. Бисерова

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА: ТРЕХЧАСТНАЯ РОЗЕТКА¹

A.G. Lapshin, A.V. Biserova

POTTER HALLMARKS FROM MEDIEVAL VLADIMIR: A THREE-ROSETTE

Summary. The publication is devoted to studying relief images of three-part rosette on bottom of gray-clay vessels from medieval Vladimir. A systematization of these materials is executed on the basis of statistics analysis and with methods of trassology. A three-part rosette can be interpreted as a mark of pottery production at a large medieval farm.

Ключевые слова: Владимир-на-Клязьме, сероглиняная керамика, гончарные клейма, матрица клейма, трехчастная розетка, знаки княжеской власти.

Keywords: Vladimir-on-Kliazma, gray-clay ceramics, potter hallmarks, matrix image, trefoil rosette, signs of princely power.

Рельефные изображения на донцах сероглиняных сосудов представляют собой довольно многочисленную группу материалов археологического изучения древнерусских городов. Среди материалов, обнаруженных в ходе археологического изучения памятников Владимиро-Суздальской земли, особое место занимают фрагменты сосудов с «клеймом» в виде «трехсторонней розетки». Они обнаружены в слоях Владимира второй половина XII – начала XIII в., Суздаля второй половины XI–XII в. и Ярополча Залесского второй половины XII – начала XIII в. (Кадиева, 2007. С. 178. Рис. 4: 1–10, 21]. Эти изображения называются *розеткой* условно и представляют собой три одинаковые по длине прямые или слегка изогнутые линии, исходящие из одной точки и заканчивающиеся окружностью или овалом. Элементы изображения расположены по отношению друг к другу симметрично по осям с углом 120 градусов. Таким образом данное изображение можно определить как «трехчастная розетка с поворотной симметрией» (Кокорина, Лихтер, 2007. С. 89–94). Вне пределов Владимиро-Суздальской земли эти знаки не встреча-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Гончарные клейма древнего Владимира: трехлепестковая розетка» РГНФ № 16–11–33001.

ются. Большинство клейм этой группы происходят из Владимира. Трехчастная розетка является наиболее встречаемым знаком во Владимире (Князева, 2007. С. 125. Рис.1). Данные знаки соотносятся только с сероглиняной керамикой и использованием ручного гончарного круга. Инвариантность морфологии трехчастной розетки и ее множественность указывают на стабильность денотата этого знака в период его использования. Очевидно данный знак был своего рода эндемиком этого региона и использовался лишь в домонгольский период.

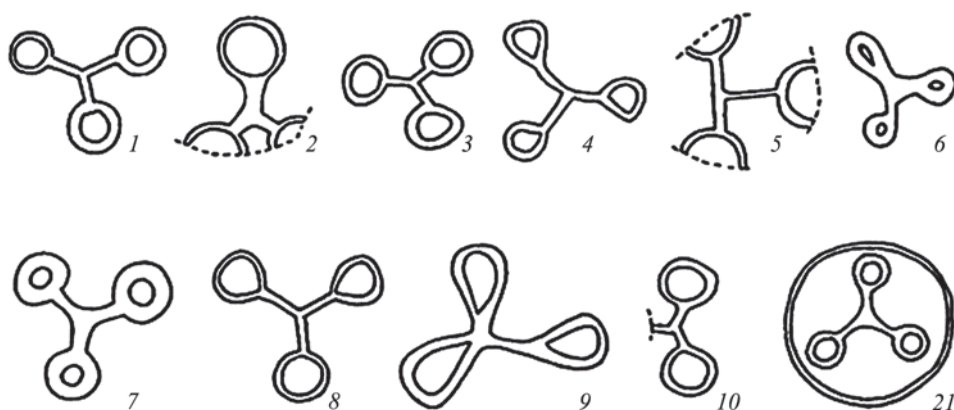

Рис. 1. Клейма в форме «трехсторонней розетки» на донцах сероглиняных сосудов из Владимира, Суздаля, Ярополча Залесского (Кадиева, 2007. Рис. 4)

Интерес исследователей к гончарным клеймам Древней Руси развивается более 150 лет: первые публикации по данной теме появились в середине XIX в. К настоящему времени накоплен и обобщен значительный материал по проблеме морфологии знаков и технологическим характеристикам их нанесения (Гоняный, Заидов, 2002; Коваль, 2002; Кадиева, 2007; Лапшин, Бисерова, 2016). В контексте этого актуальной видится аналитика групп клейм, имевших хождение в малых длительностях и на небольших территориях. Трехчастные розетки на донцах сероглиняных сосудов из древнего Владимира являются именно такой группой.

В фокусную группу представляемого в данной публикации исследования были включены материалы археологического изучения Владимира в 1936–2014 гг. (табл. 1). Систематизация материалов фокусной группы осуществлялась по следующим позициям:

- абсолютная и относительная статистика находок;
- топография находок;
- идентификация форм сосудов;
- наличие нагара;
- рецепты формовочной массы;
- вид подсыпки;
- особенности рельефного изображения (симметричность клейма, детальность проработки клейма, наличие дополнительной окружности);

- профиль выемки формирования рисунка клейма;
- типология матриц клейм;
- высота рельефного рисунка;
- расположение рельефного рисунка по отношению к центру донца.

Таблица 1. Топография находок клейм на сероглиняных сосудах.

№ п/п		Всего	Розетка
	«Ветчаный город»		
1	ул. Ильича, д. 14 (автор раскопа – Л.Д. Шакулова, 2003 г.)	1	1
2	ул. Коммунальный спуск, д. 1 (автор раскопа – Д.В. Абрамов, 2004 г.)	1	–
3	ул. Герцена, 20 (автор раскопа – Т.Ф. Мухина, 1997 г.)	36	4
4	ул. Герцена, 20 (автор раскопа – Т.Ф. Мухина, 1999 г.)	11	3
5	ул. К.Маркса, д. 8 , Раскоп 1 (автор раскопа – Д.Н. Григорьев, 2007 г.)	1	–
6	ул. К.Маркса, д. 8 Раскоп 2 (автор раскопа – В.С. Баранов, 2007 г.)	–	–
7	ул. К.Маркса, д. 8 (автор раскопа – А.Г. Лапшин, 2008 г.)	1	–
8	ул. Большая Нижегородская, д. 23 (автор раскопа – В.И. Кильдюшевский, 2003 г.)	1	1
9	ул. Большая Нижегородская, 17 (автор раскопа – Д.В. Абрамов, 2005 г.)	–	–
10	ул. Большая Нижегородская, д. 34 (автор раскопа – С.В. Очеретина, 2005 г.)	12	2
11	ул. Большая Нижегородская, д. 14–22 (авторы раскопа – В.И.Кильдюшевский, А.В. Курбатов, 2006 г.)	24	11
12	ул. Большая Нижегородская, д. 27а (автор раскопа – С.В.Очеретина, 2006 г.)	20	5
13	ул. Большая Нижегородская, д.27б (автор раскопа – С.В. Очеретина, 2007 г.)	36	7
14	ул. Большая Нижегородская, д.27б (автор раскопа – С.В. Очеретина, 2008 г.)	4	1
15	ул. Большая Нижегородская, д.14–22 (автор раскопа – В.В. Чивилев, 2009 г.)	8	3
16	ул. Большая Нижегородская, д.14–22 (автор раскопа – А.Г. Лапшин, 2009 г.)	124	20
17	ул. Большая Нижегородская, д. 14–16 (автор раскопа – В.И.Кильдюшевский, 2006 г.)	25	14
18	ул. Большая Нижегородская, д. 27, 29, 33 (автор раскопа – Д.А.Кабаев, 2012 г.)	24	9
19	ул. Большая Нижегородская, д. 45а (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2004 г.)	3	2
20	ул. Большая Московская, д. 74 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2002 г.)	7	4
21	ул. Большая Московская, д. 75 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2011 г.)	8	1
22	ул. Большая Московская, д. 104 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2011 г.)	10	8
23	ул. Златовратского, д. 1 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2011 г.)	12	5

Гончарные клейма древнего Владимира: трехчастная розетка

24	ул. Чехова, д. 4 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2012 г.)	3	–
25	ул. Чехова, д. 1 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, С.В. Сазонов, 2014 г.)	11	–
26	22 квартал (автор раскопа – Ю.Э. Жарнов, 1993 г.)	5	2
27	22 квартал (автор раскопа – Ю.Э. Жарнов, 1994 г.)	15	5
28	22 квартал (автор раскопа – Ю.Э. Жарнов, 1995 г.)	19	7
29	22 квартал (автор раскопа – Ю.Э. Жарнов, 1996 г.)	14	2
30	22 квартал (автор раскопа – Ю.Э. Жарнов, 1997 г.)	4	4
31	22 квартал (автор раскопа – Ю.Э. Жарнов, 1998 г.)	2	2
32	22 квартал (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2007 г.)	8	2
33	22 квартал (автор раскопа – Н.Н. Грибов, 2007 г.)	16	3
34	«Район Серебряных Ворот» (автор раскопа – Н.Н. Мошенина, 1973 г.)	7	4
35	«У южной стены Княгининского монастыря» (автор раскопа – Н.Н.Мошенина, 1977 г.)	4	–
ВСЕГО в Ветчаном городе		477	132
Мономахов город			
36	ул. Подбельского, д. 12, (автор раскопа – В.И. Кильдюшевский, 2003 г.)	5	3
37	ул. Подбельского, д. 14 (автор раскопа – Д.В. Абрамов, 2005 г.)	10	1
38	ул. Подбельского, д. 20 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2004 г.)	2	1
39	ул. Подбельского, б/н (автор раскопа – Н.Н. Мошенина, 1983 г.)	4	2
40	ул. Володарского, д. 5 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2014 г.)	7	–
41	«район Детинца» (автор раскопа – Н.Н. Воронин, 1936–1937 гг.)	17	1
42	«Шурфы в разных частях города» (автор раскопа – Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт, 1953 г.)	7	2
43	ул. Столетовых, б/н (автор раскопа – Н.Н. Мошенина, 1974 г.)	10	3
44	ул. Кремлевская, д. 16 (автор раскопа – Н.Н. Мошенина, 1982 г.)	1	1
45	ул. Воровского, б/н (автор раскопа – Н.Н. Мошенина, 1975 г.)	3	2
ВСЕГО в Мономаховом городе		66	16
Новый город			
46	Торговые ряды I (автор раскопа – М.В. Седова, Т.Ф.Мухина, Н.Е. Чалых, 1994 г.)	1	
47	Торговые ряды V (автор раскопа – А.В. Курбатов, 2003 г.)	1	–
48	Торговые ряды VI (автор раскопа – А.В. Курбатов, 2003 г.)	5	2
49	Торговые ряды VI (автор раскопа – А.В. Курбатов, 2005 г.)	13	5
50	Торговые ряды VIII (автор раскопа – А.В. Курбатов, 2004 г.)	39	15
51	Торговые ряды IX (автор раскопа – А.В. Курбатов, 2005 г.)	25	5
52	Торговые ряды X (автор раскопа – В.И. Кильдюшевский, 2005 г.)	3	1
53	ул. Большая Московская, б/н (автор раскопа – Н.Н. Мошенина, 1976 г.)	1	1
54	ул. Большая Московская, д. 1 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2006 г.)	10	3
55	ул. Большая Московская, д. 11 (шурф) (автор раскопа – Д.В.Абрамов, 2004 г.)	1	–
56	ул. 2-я Никольская, д. 20 (автор раскопа – Л.Д. Шакулова, 2005 г.)	–	–

57	ул. 2-я Никольская, д. 14 (автор раскопа – Н.М. Захарова, 2002 г.)	11	3
58	ул. Никольская, д. 3 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2003 г.)	5	1
59	ул. Октябрьская, д. 2 (автор раскопа – А.В. Курбатов, 2006 г.)	2	1
60	ул. Спасская д. 2 (автор раскопа – Е.Н. Торшин, 2004 г.)	–	–
61	ул. Спасская д. 8а–8б (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2007 г.)	4	1
62	ул. Княгининская, д. 2 (автор раскопа – Т.Ф. Мухина, 2006 г.)	–	–
63	ул. Передний Боровок, д. 12–16 (автор раскопа – А.Г. Лапшин, 2005 г.)	–	–
64	ул. Девическая, д. 2а (авторы раскопа – Д.А. Кабаев, А.Н. Щапов, 2008 г.)	–	–
65	ул. Девическая, д. 2а (автор раскопа – С.В. Сазонов, 2009 г.)	34	11
66	ул. Владимирский спуск, д. 18 (автор раскопа – С.В. Сазонов, 2009 г.)	–	–
67	ул. Гагарина, д. 2 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2005 г.)	40	7
68	ул. Гагарина, д. 14 (автор раскопа – К.Ю. Моржерин, 2011 г.)	1	1
69	ул. Никитская, д. 27а (автор раскопа – В.В. Родин, 2013 г.)	1	–
70	ул. Дзержинского, д. 13 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, А.Н. Щапов, 2008 г.)	–	–
71	ул. Николо-Галейская, д. 34 (автор раскопа – Д.А. Кабаев, 2008 г.)	–	–
	ВСЕГО в Новом городе	197	57
	ИТОГО	740	205

Представляется, что комплексный анализ данных вопросов позволит приблизиться к пониманию производства и использования сероглиняных сосудов с рельефным изображением трехчастной розетки на донцах.

В группу «Трехчастные розетки» были включены следующие рельефные изображения (рис. 2):

1. розетки с поворотной симметрией:

- 1.1. три радиально расходящиеся луча с расположенными на концах окружностями;
- 1.2. вписанные в окружность три радиально расходящиеся луча с расположенными на концах окружностями;
- 1.3. из центральной окружности радиально расходятся три луча с расположенными на концах окружностями;
- 1.4. из центрального круга радиально расходятся три луча с расположенными на концах кругами;
- 1.5. три округлых лепестка, расположенных вокруг круга малого диаметра;
- 1.6. вписанные в окружность три округлых лепестка, расположенных вокруг окружности малого диаметра;
- 1.7. три окружности одинакового размера, соприкасающиеся между собой;
- 1.8. три одинаковые окружности, вписанные в равносторонний треугольник;
- 1.9. три округлых фигуры неправильной формы, вписанные в треугольник с лучами на углах, напоминает соцветие или трилистник;
- 1.10. три окружности одинакового размера, соединенные между собой линиями, вогнутыми к центру фигуры;
- 1.11. окружность с радиально расходящимися лучами;

2. розетки с зеркальной симметрией:

2.1. три окружности, соединенных двумя прямыми линиями, пересекающимися под прямым углом;

3. розетки ассиметричные:

3.1. три радиально расходящиеся луча одинаковой длины с расположенными на концах окружностями неодинакового размера;

3.2. из центральной точки исходит четвертая несколько искривленная линия без окружности на конце;

3.3. три одинаковые окружности, две из которых соединены прямой линией, и две ломанной линией.

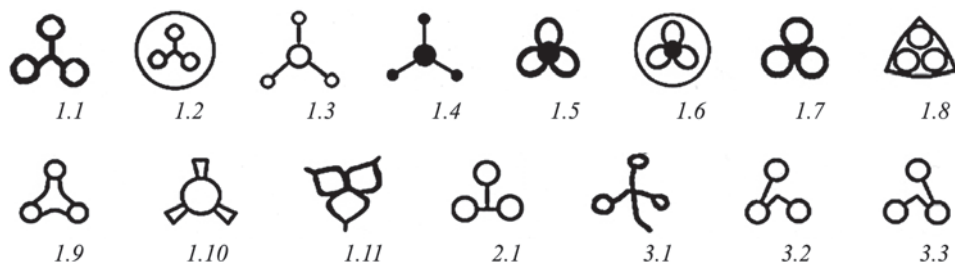

Рис. 2. Группа знаков «Трехчастные розетки»

Трехчастные розетки – не самая многочисленная группа рельефных изображений на донцах сероглиняных сосудов (табл. 1). В ходе работы было обследовано 740 гончарных клейм XII–XIII вв.: 239 (32%) – «княжеские знаки», 205 (28%) – трехчастные розетки, 197 (27%) – геометрические фигуры, 99 (13%) – сложные фигуры. Как видим, розетки – вторая по количеству группа. Однако, особенностью этой группы является ее низкая вариабельность: из 205 единиц группы 170 (83%) повторяют изображение трехчастной розетки с поворотной симметрией – три радиально расходящиеся луча одинаковой длины с расположенными на концах окружностями одинакового размера. В других группах повторяемость изображения составляет не более 5%. Т.е. трехчастная розетка с поворотной симметрией – самое распространенное «гончарное клеймо» древнего Владимира.

Формирование рельефного изображения происходило на этапе лепки днища сосуда. Инталия клейма располагалась на поверхности малого круга-подставки ручного гончарного круга. В процессе изготовления днища сосуда формовочная масса заполняла желобки в результате чего формировалось рельефное изображение. С течением времени матрица забивалась формовочной массой и не восстанавливалась, или восстанавливалась редко. Т.е. по мере использования подставки с матрицей качество оттиска снижалось. В конечном итоге оттиск исчезал, а на круге производили продукцию без клейма. По мнению Н.Н. Грибова это отчасти объясняет малый процент клейменых днищ в общей массе находок древнерусской керамики (Грибов, 2001. С. 51). Различия в качестве оттиска рельефного изображения значительно усложняет возможности выявления групп сосудов с клеймами, про-

изведенными на одном круге. Однако, исходя из имеющихся материалов, можно констатировать, что на гончарных кругах с инталией в виде трехчастной розетки выпускалось более четверти гончарной продукции Владимира второй половины XII – начала XIII в.

Перед началом работ поверхность круга-подставки покрывалась подсыпкой. Это делалось для того, чтобы предотвратить адгезию формовочной массы к поверхности круга. Необходимость этой процедуры определялась еще и тем, что в процессе трансформации кома формовочной массы в днище сосуда давление сверху вниз по вертикали было сильным, что и увеличивало опасность адгезии. Слой подсыпки делали тонким, т. к. толщина подсыпки обратно пропорциональна устойчивости заготовки на круге. Принято считать, что для подсыпки использовали золу, песок и дресву (Розенфельд, 1997. С. 22–28). В данном типологическом ряду зола обладает наиболее высокими показателями дисперсности. Это отражается на характере оттискиваемой поверхности: при подсыпке песком или дресвой на днище при визуальном осмотре просматриваются характерные вкрапления и вдавливания от гранул подсыпки. При проведении бинокулярной микроскопии все фрагменты фокусной группы определены как изготовленные на круге с зольной подсыпкой.

Базовый рецепт формовочной массы сосудов исследуемой группы (табл. 2) составлен на основе красножгущейся глины с примесью мелкой дресвы. Такая комбинация выявлена при визуальном обследовании 89 (43%) единиц фокусной группы. К этому рецепту могли добавлять по отдельности или в комбинации песок и шамот. Обжиг был окислительный, часто неполный.

Таблица 2. Рецепты формовочной массы

	Розетка	
	Абсолютное число	%
Глина+дресва	89	43%
Глина+дресва+шамот	72	35%
Глина+дресва+песок	20	10%
Глина+дресва+песок+шамот	20	10%
Глина+дресва+шамот+органика	2	1%
Глина+дресва+песок+органика	2	1%
Глина+дресва+шамот+песок+органика	–	0%
Всего	205	100%

Фрагменты сосудов с трехчастной розеткой обнаружены во всех частях древнего Владимира: в Мономаховом городе, Ветчаном городе и Новом городе (табл. 1). Доля розеток в общем числе клейм на донцах сероглиняных сосудов, ранжированная по частям города, варьируется от 24% до 29% (среднеарифметическая – 27%). Это, с учетом статистической погрешности, соответствует удельному весу розеток в общей массе изображений. Таким образом, посуда с данными изображениями использовалась жителями разных районов Владимира с одинаковой интенсивностью.

В ходе работы с отобранными фрагментами были идентифицированы четыре типологических формы сероглиняных сосудов (табл. 3): горшки, блюда, стаканы, миски. Подавляющее большинство (72%) составляют горшки. Однако, наличие в списке других форм сосудов позволяет заключить, что на гончарных кругах, имеющих инталию в виде трехчастной розетки, выпускался *ассортимент* продукции широкого потребления.

Таблица 3. Статистика находок клейм трехсторонней розетки

	Количество	%
Всего	205	100%
Горшки	148	72%
Блюда	37	18%
Стаканы	5	2,5%
Миски	12	6%
Не идентифицировано	3	1,5%

Посуда с изображением трехчастной розетки на донце активно использовалась как кухонная: в 69% случаев от общего числа фрагментов, подвергнутых анализу, зафиксировано наличие нагара (табл. 4). То есть посуда с рельефным изображением на донце использовалась для приготовления пищи также, как посуда без рельефных изображений. Это вполне соотносится с предположением о том, что в процессе эксплуатации гончарного круга инталия-матрица забивалась формовочной массой и не восстанавливалась, при этом выпускалась продукция без рельефного изображения на донце.

Таблица 4. Наличие нагара

	Розетка	
	Абсолютное число	%
Есть	142	69%
Нет	63	31%
Всего	205	100%

С учетом особенностей рельефного оттиска изображения группы «Трехчастная розетка» могут быть охарактеризованы как в большинстве своем симметричные, детально проработанные, не имеющие дополнительной окружности (табл. 5). Высокий процент симметричности и детальности рельефных изображений указывает на внимание и аккуратность резчика при создании инталии-матрицы. Очевидно, наличие и качество изображения на круге были важны для его изготовителя или хозяина: даже при забитой инталии-матрице качественное изображение на круге было читабельным, а качество рельефного изображения на изделии было вторичным.

Таблица 5. Особенности рельефного изображения

Характеристики рельефного изображения		Розетка	
		Абсолютное число	%
Симметричность клейма	симметричное	140	68%
	несимметричное	28	14%
	неизвестно	37	18%
Детальность проработки клейма	детально	158	77%
	недетально	24	12%
	неизвестно	23	11%
Наличие дополнительной окружности	есть	41	20%
	нет	152	74%
	неизвестно	12	6%
Всего		205	100%

Высота рельефного рисунка большинства исследованных образцов (80%) составляет 2 мм (табл. 6). Это позволяет предположить, что глубина выемки для образования рисунка на матрице не превышала 3 мм. Профиль валика, формирующего рисунок рельефного изображения, в 179 случаях (87%) был полукруглым (табл. 7). Очевидно инталия-матрица прорезалась специальным инструментом типа «фигурный резец».

Таблица 6. Высота рельефного рисунка

	Розетка	
	Абсолютное число	%
0,1 см	42	20%
0,2 см	163	80%
Всего	205	100%

Таблица 7. Профиль выемки формирования рисунка клейма

	Розетка	
	Абсолютное число	%
Треугольник	8	4%
Полукруг	179	87%
Трапеция	18	9%
Прямоугольник	—	—
Комбинированный	—	—
Всего	205	100%

Рельефные изображения трехчастных розеток на донцах сероглиняных сосудов располагались в центре донца или были смещены от него (табл. 8). Данный показатель определялся с учетом внешнего очерка донца – диаметра у целых форм,

дуги у фрагментов сосудов. Фрагменты клейменных донцев, сохранность которых не позволяет определить радиус окружности донца, были отнесены в отдельную – третью группу. Большинство (85%) исследуемой группы расположены в центре донца сосуда. Вне идентификации по данному критерию оказалось 6% фрагментов с клеймами.

Таблица 8. Расположение рельефного рисунка по отношению к центру донца

	Розетка	
	Абсолютное число	%
В центре донца	174	85%
Децентрировано	19	9%
Неизвестно	12	6%
Всего	205	100%

При изготовлении сосудов с рельефным изображением трехчастной розетки на донце использовались все типы матриц (*Лапшин, Бисерова, 2014а; Лапшин, Бисерова, 2014б; Лапшин, Бисерова, 2016*). Трасологическое исследование рельефных изображений на донцах сероглиняных сосудов позволяет идентифицировать матрицы двух типов, различающихся по профилю вертикального сечения (табл. 9). Матрицы первого типа имеют горизонтальную поверхность. Эта группа подразделяется на три подтипа. Матрицы первого и второго подтипов имеют одинаковую толщину по всей плоскости, но различаются формой краев (прямоугольные края и закругленные края). Матрицы третьего подтипа имеют сложный профиль с горизонтальной поверхностью в двух уровнях – утолщением в центральной части и истончением по периферии круга, формирующим своеобразные плечики. Матрицы второго типа имеют сферическую поверхность. Они подразделяются на два подтипа: матрицы с простым профилем и матрицы со сложным профилем. Последние имеют утолщение в центральной части и истончение по периферии круга, формирующее своеобразные плечики. Использование матрицы первого типа выявлено в подавляющем большинстве случаев – 70,5% от общего количества. При этом, подтип матрицы «1а» является наиболее распространенным: использование матриц этого подтипа выявлено в 60% случаев от общего количества. Вариации профиля вертикального сечения матриц вряд ли были случайны. Можно полагать, что это результат целенаправленной обработки поверхности круга-подставки. Целью такой обработки могло быть решение технологической проблемы оформления границы донца: донца сосудов, сформованных на матрицах типов 1а и 1б, предполагали валик по границе донца. Использование матриц типов 1в, 2а и 2б допускало производство сосудов без валика по границе донца, что в конечном итоге вело к снижению трудозатрат и удешевлению производства.

Итак, рельефные изображения в виде трехчастной розетки характерны для сероглиняной керамики древнего Владимира. Характер керамики позволяет соотнести данные изображения с местным производством и использованием ручного гончарного круга. Инталия-матрица изображения помещалась на малом круге станка. В процессе использования круга инталия-матрица забивалась формовочной мас-

сой. Это приводило к снижению качества рельефного изображения на донце сосуда и в конечном итоге – к производству на круге с полностью нивелированной инталией сосудов без рельефного изображения. Можно полагать, что рельефное изображение на сосуде не было целью создания инталии-матрицы. Косвенным подтверждением этого является максимально неудобное для обозрения расположение изображения – на внешней стороне донца сосуда: чтобы увидеть знак надо было либо перевернуть сосуд, либо (что менее удобно) заглянуть под него. Целью инталии-матрицы было «обозначение» гончарного круга: этот знак был виден даже будучи заполненным формовочной массой. О важности знака на рабочей поверхности круга говорят и техническая аккуратность нанесения изображения, и его эстетическая детальность, и использование специального инструмента.

Таблица 9. Типология матриц клейм

	Розетка	
	Абсолютное число	%
1а	124	60%
1б	3	1,5%
1в	18	9%
2а	48	23,5%
2б	12	6%
Всего	205	100%

Трехчастная розетка выявлена более чем на четверти всех клейменных сероглиняных сосудах. Данная статистика гипотетически может быть расширена с принятием тезиса о том, что круги с полностью нивелированными формовочной массой инталиями-матрицами продолжали использоваться: т.е. более четверти всей сероглиняной посуды древнего Владимира могло изготавливаться на гончарных кругах с изображением трехчастной розетки. Знак могли ставить в качестве оберега. Однако более реальным представляется использование инталии-розетки в качестве знака принадлежности мастеру (организованному производству при множественности знака) или крупному хозяйству.

В научной литературе имеются упоминания о связи изображений трехчастной розетки с группой знаков, определяемых как «геральдические клейма», «княжеские тамги» или «знаки Рюриковичей» (Кадиева, 2007. С. 180; Князева, 2007. С. 125). И знаки княжеской власти, и трехчастные розетки являются самыми встречаемыми рельефными изображениями на донцах сероглиняных сосудов во Владимиро-Суздальской земле. Многочисленные и разнообразные княжеские знаки точно не атрибутируются, хотя работы в этом направлении ведутся. Трехчастные розетки почти инвариантны в своей множественности. Очевидно значение данного знака в период его бытования было стабильным. Множественность его использования указывает на большой масштаб хозяйства. Но Северо-Восточная Русь XII–XIII вв. не знает ремесленных корпораций. Светская власть, представленная княжеско-дружинной и боярской иерархиями, была многолика. Это, в частности, нашло отражение в вариативности «княжеских знаков». Лишь христианская церковь (а также

люди и структуры с ней связанные) могла быть бенефициаром столь масштабного хозяйства, принадлежность которому маркировалась одним многократно повторенным знаком – трехчастной розеткой. Это коррелирует с тем, что в визуальной культуре XII в. трехчастная розетка активно осмысливается как графический эквивалент Афанасьевского символа веры.

Литература

- Гоняный М.И., Заидов О.Н., 2002. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля: (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология. Тула. С. 130–152.
- Грибов Н.Н., 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород. С. 38–55.
- Кадиева Е.К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра России Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 3. М. С. 172–196.
- Князева Н.А., 2007. Гончарные клейма средневекового Владимира (из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 1. М. С. 122–127.
- Коваль В.Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике: (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 4. Тверь. С. 125–135.
- Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А., 2007. Морфология декора. М.: КомКнига. 200 с.
- Лапишин А.Г., Бисерова А.В., 2014а. Гончарные клейма с трехлепестковой розеткой из древнего Владимира // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань. С. 283–285.
- Лапишин А.Г., Бисерова А.В., 2014б. О критериях систематизации клейм на сероглиняных сосудах древнего Владимира // Культурный слой: сб. науч. ст. Вып. 3. Н. Новгород. С. 69–78.
- Лапишин А.Г., Бисерова А.В., 2016. Гончарные клейма древнего Владимира: (опыт систематизации) // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 6. М. С. 272–287.
- Розенфельд Р.Л., 1997. Керамика // Древняя Русь. Культура и быт. М. С. 22–28. (Археология СССР).

А.А. Сатурин

ГЛИНЯНЫЕ ИГРУШКИ XIV–XVIII ВЕКОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

A.A. Saturin

CLAY TOYS OF THE XIV–XVIII CENTURIES FROM ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE KOSTROMA MUSEUM-RESERVE

Summary. The article gives a general description of the clay toys of the 14–18th centuries from the archaeological collection of the Kostroma Museum-Reserve. Particular attention is paid to the description of clay toys of 13–16 centuries. Clay whistles and the bell form this group. There are common features bringing together clay toys from Kostroma Volga region and Vladimir-Suzdal land. The evolution of the clay toys is shown: from stylisation in the middle ages to naturalism in the post-medieval period.

Ключевые слова: глиняные колокольчики с необычными орнаментами, глиняные свистульки, стилизация, эволюция форм глиняных игрушек, торговые отношения.

Keywords: The clay bell with unusual ornaments, clay whistles, stylization, evolution of clay toys shapes, trade relation.

Среди керамического материала, обнаруженного при раскопках в г. Костроме и на территории малых городов и сел Костромского Поволжья, заслуживают внимания находки глиняных игрушек.

Одним из первых к проблеме происхождения глиняной игрушки обратился Л.А. Динцес. На основе параллелей с изображениями, культовое происхождение которых бесспорно, он дал анализ большинства образов, повторяемых в глиняной игрушке (Динцес, 1936). Б.А. Рыбаков, разделяя мнение Динцеса о культовом происхождении игрушки, подчеркивал, что не все виды игрушек наделялись магическими свойствами, существовали и фигурки для детей, и фигурки религиозного значения (Рыбаков, 1948. С. 355). М.В. Фехнер доказала факт сопутствовавшего гончарному ремеслу производства игрушек; привела данные о хронологии и технологии изготовления глиняных игрушек (Фехнер, 1949. С. 52–56). Р.Л. Розенфельдт в первые

дал развернутую классификацию и хронологию московских керамических изделий, уделив большое внимание характеристике глиняных игрушек (*Розенфельдт*, 1968). Н.С. Владимирская проследила генетическую связь технологических приемов, использовавшихся в Москве при производстве пустотелых игрушек XVI–XVII вв. и малой декоративной скульптуры XVIII – начала XIX в. (*Владимирская*, 1987. С. 151–153). Н.А. Морозова дала обобщенную характеристику игрушек из Новгорода и выделила некоторые стилистические признаки, свойственные игрушке Средневековья и Нового времени (*Морозова*, 1990. С. 69–71). В.В. Федоров опубликовал данные о производстве поливных и расписных игрушек при изразцовых мастерских Калуги в середине XVIII – середине XIX в. (*Федоров*, 1995. С. 49–50). Л.И. Федорова и В.А. Ткаченко дали общую характеристику калужских игрушек, упомянув гончарный горн конца XVII – середины XVIII в., среди развала основания которого были обнаружены глиняные игрушки, идентичные по составу теста другим глиняным изделиям, найденным возле горна (*Федорова, Ткаченко*, 1995. С. 51–55). А.С. Хорошев дал развернутую классификацию игрушек из Новгорода, упомянув некоторые новые типы глиняных игрушек (*Хорошев*, 1998. С. 82–94). А.М. Колызин, обобщив данные об игрушках, найденных на территории Московского Кремля, пришел к выводу, что с XV в. глиняные игрушки из Москвы становятся массовой продукцией, производившейся на рынок (*Колызин*, 1998. С. 113–122). Н.В. Нестерова опубликовала коллекцию игрушек из археологической коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника, обосновала критерии выделения некоторых типов владимирской и суздальской глиняной игрушки (*Нестерова*, 2002). В.В. Черкасов дал развернутую характеристику коломенской игрушки XV–XVIII вв., указав на преимущественно местное ремесленное производство подобного рода изделий и распространение рынка сбыта на Москву в XVII–XVIII вв. (*Черкасов*, 2004. С. 309–320). Е.В. Спиридонова в статье «Керамические игрушки XIII–XVIII веков из Ярославля» указала на наличие производства в Ярославле белоглиняных поливных изделий в XVIII веке (*Спиридонова*, 2007. С. 193–203). Среди последних работ, следует отметить статью Т.Е. Володиной о глиняных игрушках из археологических раскопок в 25-м квартале исторического ядра города Владимира (*Володина*, 2014). А.А. Сатурин и В.Л. Щербаков в 2016 г. ввели в научный оборот глиняный колокольчик из раскопок г. Костромы (*Сатурин, Щербаков*, 2016. С. 71).

Большинство существующих классификаций глиняных игрушек основываются либо на выделении функциональных признаков (безмолвные и шумящие игрушки), либо на определении их видовой принадлежности (антропоморфные, зооморфные, игрушки-имитации и др.). Учитывая то, что ассортимент и набор образцов, воплощаемых в игрушке, не менялся столетиями, и, с некоторыми изменениями, используется в кустарной игрушке до сих пор, более утилитарным кажется подход, основанный на группировке игрушек по хронологическому признаку с учетом технологических и морфологических характеристик.

По хронологическому признаку все изделия были условно разделены на три группы: 1) игрушки XIII–XVI вв.; 2) игрушки XVI–XVIII вв.; 3) игрушки XVIII–XIX вв.

I группа (4 экз.; рис. 1, 1–4). Наиболее интересной находкой является глиняный колокольчик с держателем в виде птички (КМЗ ОФ-3580/6, рис. 1, 1).

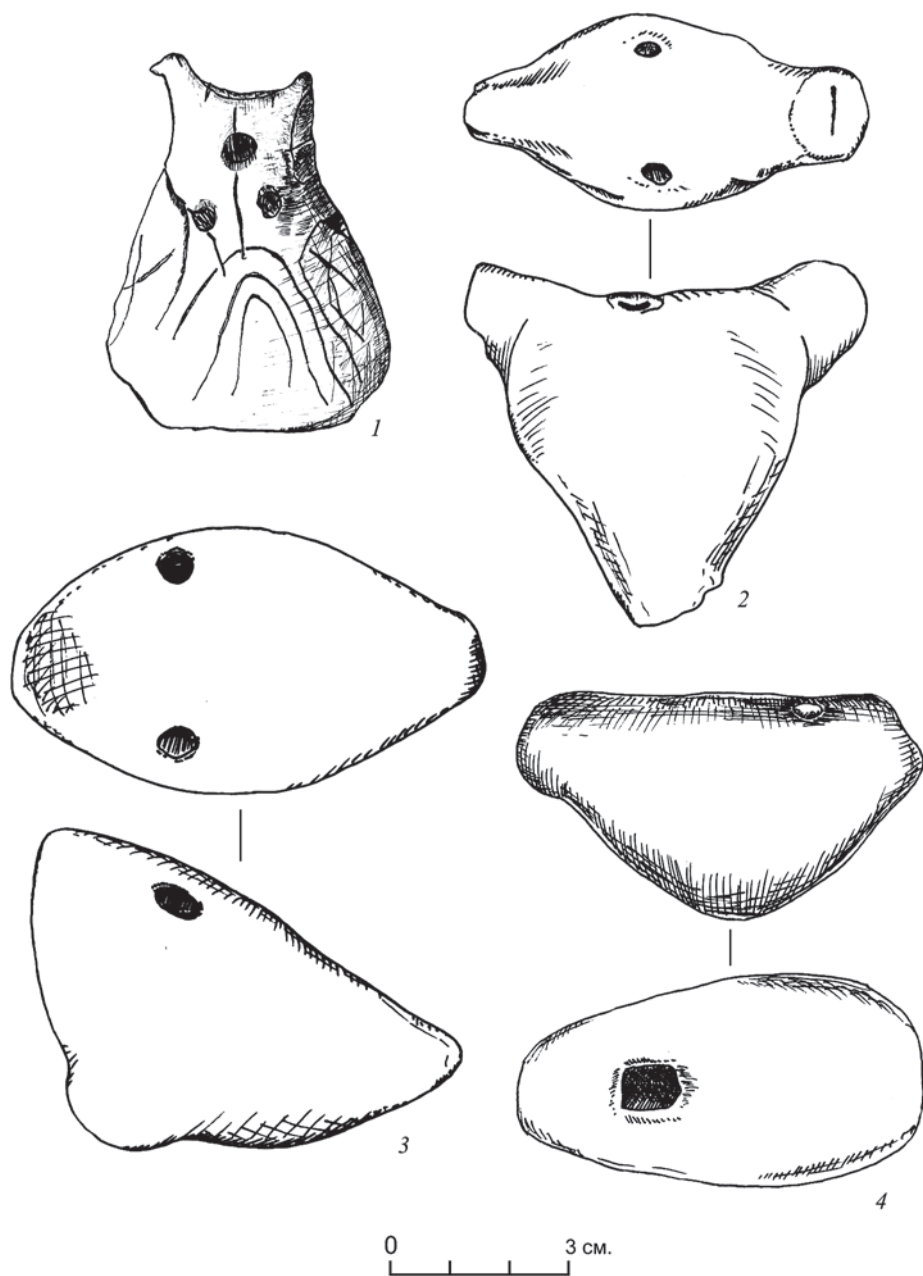

Рис. 1. Глиняные игрушки XIV–XVII вв.

Колокольчик был найден в ходе раскопок на территории бывшего Анастасиинского монастыря, первое упоминание – 1417 г. (Зонтиков, 2008. С. 25). Находка относится к условно-закрытому комплексу домонастырского времени XIII–XIV вв. (Горохова, 2012. С. 15). Подобные колокольчики считались ранее свойственными культуре средневекового Суздаля и Владимира-на-Клязьме, близкие аналогии датируются XIV–XVI вв. (Нестерова, 2002. С. 8; Володина, 2014). Большинство владимирских колокольчиков имеют следы росписи белым ангобом, предметы тщательно смоделированы, поверхность заглажена, колокольчик из раскопок 1976 г. имеет держатель в виде птички (Нестерова, 2002. С. 9). Костромской экземпляр грубо смоделирован вручную, поверхность не заглажена, рисунок нанесен острым предметом по сырой глине. В тесте примесь дресвы. Обжиг окислительный, черепок на сколе имеет трехслойную структуру. С внутренней стороны, в верхней части, прослежены следы от острого предмета, вероятно, служившего опорой во время нанесения рисунка. Игрушка имеет два отверстия у основания держателя для подвешивания язычка и одно сквозное отверстие в держателе для крепления самого колокольчика. Колокольчик имеет правильные пропорции, отношение диаметра к высоте 1:1, размеры колокольчика 5,4×5,4 см, толщина стенок 0,4–0,5 см. Отличительным признаком костромского колокольчика является особый декор, прочерченный в верхнем и нижнем условно-выделяемом поле корпуса колокольчика. Интерпретация рисунка, начерченного на корпусе игрушки, заслуживает дальнейшего исследования.

Наиболее ранние игрушки-свистульки происходят из материалов раскопок селища Вежи (3 экз., рис. 1, 2–4). Все игрушки являются стилизованными изображениями птичек. Первая свистулька (КМЗ ОФ-1846/12. Рис. 1, 2) изготовлена из красножгущейся глины. Голова птицы слегка намечена вытягиванием; более выразительно, в виде усеченного конуса, оформлен хвост; нижняя часть оформлена смещением глины с поверхности шарообразного корпуса. Игрушка имеет правильные пропорции, отношение длины к ширине 2 : 1, отношение сторон контура продольного профиля 1 : 1 : 1. Находка происходит из постройки 16, датированной автором раскопок концом XVI – началом XVII в. (Кабатов, 2011. С. 324), из этого же сооружения происходит ключ типа Д по Б.А. Колчину (КМЗ ОФ-1846/1-19: Полевая опись № 70). Игрушку можно датировать временем не позднее начала XVII в.

Вторая и третья свистульки были найдены на береговой линии. Одна из них сероглиняная, в тесте примесь песка (КМЗ ОФ-3232/23. Рис. 1, 4). По форме напоминает первую, но имеет более вытянутое тулово при сохранении отношения длины к ширине 2 : 1. Третья игрушка (КМЗ-ОФ 3581/2. Рис. 1, 3) изготовлена из красножгущейся глины с примесью дресвы, имеет правильные пропорции: отношение длины к ширине 2 : 1, отношение ширины к высоте 1 : 1. Игрушка имеет округлое тулово и две конусовидные ножки. Искусственные примеси на селище Вежи исчезают в XVI в. (Кабатов, 2011. С. 242). Свистульки с ножками известны в Суздале и Москве начиная с XV–XVI вв. (Нестерова, 2002. С. 27. № 56; Розенфельдт, 1968. С. 17). Изделие можно предварительно датировать XV–XVII вв.

Вежские игрушки близки суздальским свистулькам XV–XVII вв. с неустойчивым основанием (Нестерова, 2002. С. 24–26, 31. № 42–29, 73). Известны похожие

калужские птички-птушки, датируемые XVII в. (Федорова, Ткаченко, 1995. С. 104. Ил. 32). В Москве птички-свистульки с плохо смоделированным туловом датируются XIV–XV в. (Розенфельдт, 1968. С. 17).

II группа (7 экз.; рис. 2, 1–7). В этот период начинается постепенный отказ от стилизации. По замечанию В.В. Черкасова в XVII–XVIII вв., в некоторых городах, в частности, в Коломне, игрушки стали производиться в массовом масштабе (Черкасов, 2004. С. 319), чуть раньше, как минимум с XV–XVI вв., игрушки для рынка стали изготавливаться в Москве (Фехнер, 1949. С. 55–56; Колызин, 1998. С. 121).

Из раскопок в Ипатьевском монастыре происходит птичка-свистулька на устойчивом основании из трех точек опоры на ноги и хвост (КМЗ КОК-50520/54. Рис. 2, 1). Игрушка сделана из запесоченной ожелезненной глины; обжиг кирпично-красный. От свистулек из раскопок селища Вежи отличается более вытянутым хвостом и устойчивым основанием, голова схематично намечена; по пропорциям близка второй свистулке из указанного селища. Р.Л. Розенфельдт относил красноглиняные птички-свистульки с ножками к XVI – началу XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 17), вместе с тем поздние московские свистульки, трансформировавшиеся из ранних птичек с плохо смоделированным туловом, имели опору на две ноги. находка из Ипатьевского монастыря, имея три точки опоры, близка игрушкам Нового времени, однако отличается от них схематично оформленной головой и отсутствием дополнительной обработки поверхности. По совокупности признаков, игрушка может быть предварительно датирована XVI–XVII вв.

Из раскопок в г. Нерехта происходит фрагмент чернолощеной птички (КМЗ ВХ-175-15/3. Рис. 1, 2). Сохранилась только голова птицы, отличающаяся длинной шеей и вытянутым клювом. находка относится к условно-закрытому комплексу XVI в. (Щербаков, 2016. С. 35).

Единственный известный в Костроме красноглиняный коник (КМЗ ОФ-1086/3. Рис. 2, 3) представлен одним фрагментом головы, в тесте примесь песка. Уши, намеченные прищипом, сколоты, на шее обозначена грива в виде острого ребра. Московские красноглиняные игрушки-коники датируются XIV – началом XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 27), коломенские XV – первой половиной XVII в. (Черкасов, 2004. С. 310), суздальские XV–XVII вв. (Нестерова, 2002. С. 19–20. № 22–24, 26–29). По неполным аналогиям, костромскую находку можно датировать временем не позднее конца XVII в.

В материалах раскопок г. Костромы известны мореная и чернолощенная птички-свистульки, форма которых близка к каплевидной. Первая игрушка (КМЗ ВХ-112-14/9. Рис. 2, 4) мореная, с устойчивым основанием; на спине орнамент в виде двух оттисков циркульного штампа. Вторая птичка (КМЗ ОФ-3579/5. Рис. 2, 5) чернолощенная небрежного лощения, тулово округлое с условно-устойчивым основанием. Суздальские мореные птички датируются XVI–XVII вв. (Нестерова, 2002. С. 31. № 73, 76), близкие по форме свистульки из Владимира с устойчивым основанием относятся к XV–XVI вв. (Нестерова, 2002. С. 26–27. № 50–55), известны игрушки-свистульки каплевидной формы XVI–XVII вв. из Ярославля (Спиридонова, 2007. С. 201. Рис. 1, 7) и Пскова (Салмина, 2010. С. 273. Рис. 12, е, h).

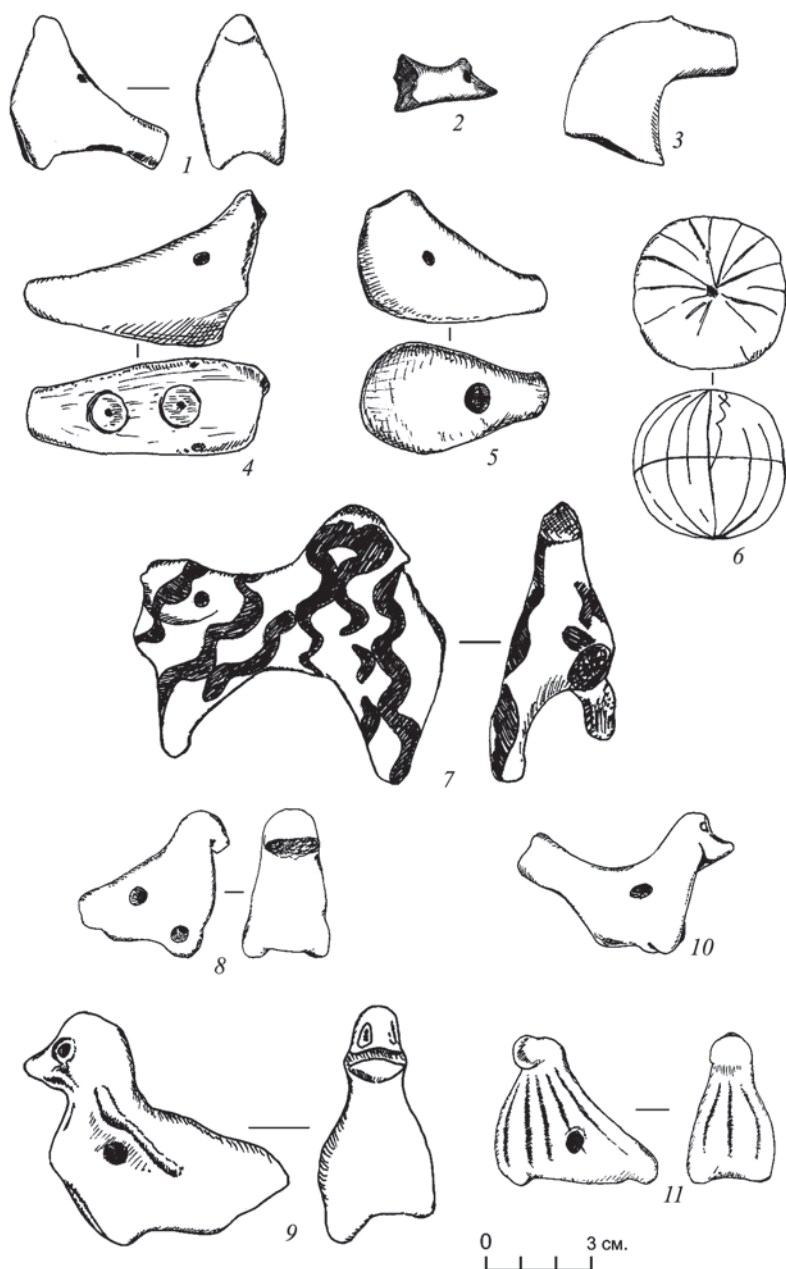

Рис. 2. Глиняные игрушки XVI–XVIII вв. (1–7) и XVIII–XIX вв. (8–11)

К шумящим игрушкам следует отнести погремушку (КМЗ КМЗ-ОФ 2742/35. Рис. 2, б) из раскопок в с. Тетеринское под г. Нерехтой в 2013 г. Игрушка сероглиняная (диаметр 5 см), имеет два технологических отверстия на «полюсах». Орнамент в виде прочерченных по слегка подсушенной глине меридианальных линий, пересекаемых поперечной линией на «экваторе». Находка происходит из условно-закрытого комплекса XVI – первой половины XVII в. (*Щербаков*, 2013. С. 54). Большая часть московских погремушек – это XV – начало XVI в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 21). Поливные игрушки-погремушки из Суздаля и Владимира с меридианальным ребристым орнаментом датируются XVII в. (*Нестерова*, 2002. С. 21–22. № 31–32, 35–36; *Володина*, 2014).

Среди игрушек позднего средневековья особняком стоит белоглиняный коник из с. Тетеринское под г. Нерехта (КМЗ ВХ-175-15/15. Рис. 2, 7). Игрушка представляет собой цельную белоглиняную фигурку с массивными широко расставленными ногами и выпяченной грудью. Шея, тулово и ноги орнаментированы вертикальными красными волнистыми линиями. По бокам и сзади тулова прослежены два отверстия-лада и сколотое отверстие пищик – коник являлся свистулькой. Различна датировка белоглиняных игрушек с красным орнаментом: Р.Л. Розенфельдт относил белоглиняных коников-свистулек, орнаментированных красными вертикальными полосами, к XVIII–XIX вв. (*Розенфельдт*, 1968. С. 47. Табл. 16, 18, 23), суздальские коники с красными полосами датируются XVI–XVII вв. (*Нестерова*, 2002. С. 18. № 18, 20), время бытования большинства коломенских лошадок XVI – середина XVIII в. (*Черкасов*, 2004. С. 311–317). Среди московских игрушек известен белоглиняный коник-свистулька, расписанный вертикальными красными полосами, датируемый XVI–XVII вв. (*Колызин*, 1998. С. 116), А.Г. Векслер датировал данную находку второй половиной XVII в. (*Векслер*, 1971. С. 210). Более ранние московские коники XV–XVI вв. покрыты белым ангобом и расписаны красными вертикальными волнистыми линиями, покрывающими всю поверхность шеи и тулова (*Розенфельдт*, 1968. С. 93. Табл. 8, 8). На основании аналогий, учитывая архаичный орнамент, тетеринскую лошадку можно датировать XVII – первой половиной XVIII в.

III группа (4 экз.; рис. 2, 8–11). Игрушки XVIII–XIX вв. в основном белоглиняные. Так как использование беложгущейся глины в качестве поделочного материала не характерно для костромского гончарства, с большой долей вероятности, мы можем говорить об импорте подобных изделий. В рассматриваемый период наблюдается отход от традиционных форм, проявляющийся как в изменении пропорций игрушек, так и в появлении разнообразных способов обработки поверхности и персонификации изделий (рельефные валики, художественная роспись, орнамент, имитирующий реальный окрас животных и т.д.).

В костромской коллекции известны 3 белоглиняные поливные уточки-свистульки (рис. 2, 8–10). На тулове первой игрушки (КМЗ ОФ-3578/6. Рис. 2, 8) прослежены следы частично сохранившейся коричневой и прозрачной желтой поливы. Птичка имеет выраженный хвост и две округло-конусовидные ножки. По бокам – три довольно крупных отверстия лада. Вторая уточка (КМЗ ОФ-3580/6. Рис. 2, 9) покрыта зеленой и коричневой поливой, глаза обозначены циркульным штампом, контур крыльев с одного бока подчеркнут рельефным валиком – орнамент имити-

рует естественный окрас птицы. Близкие по форме уточки известны в материалах раскопок Алевизова рва в Москве (*Владимирская*, 1987. С. 154. Рис. 1, г), суздальских (*Нестерова*, 2002. С. 33. № 82, 83), коломенских (*Черкасов*, 2004. С. 312. Рис. 2, 8–9) и ярославских (*Спиридонова*, 2007. С. 194. Рис. 1, 1) коллекциях – все они датируются XVIII веком. Третья утица (КМЗ ВХ 14-13/21. Рис. 2, 10), покрытая зеленой поливой, относится к условно-закрытому комплексу, вещевой комплекс которого датируется XIX в. (КМЗ ВХ 14-13/19-21: Полевая опись № 161).

Среди красноглиняных игрушек особняком стоит расписная уточка-свистулька с туловом близким к г-образной форме (КМЗ ВХ-112-14/12. Рис. 2, 11). Основание устойчивое – две небольших округлых ножки и уплощенный хвост. Корпус игрушки покрыт зеленой минеральной краской и вертикальными полосами серебристого цвета. Находка происходит из столбовой ямы XV–XVII вв. (*Горохова*, 2012. С. 11), вероятно, попала туда из вышележащего слоя XVIII–XIX вв. в результате перекопа.

Обобщая данные по костромской глиняной игрушке, можно сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, большинство игрушек XIV–XVII вв. имеют близкие аналогии в суздальских и владимирских материалах. Во-вторых, в Новое время начинают доминировать привозные белоглиняные и поливные изделия. В-третьих, подтверждается положение об эволюции формы игрушек от средневековой стилизации до той или иной степени натурализма в Новое время.

Литература

- Векслер А.Г.*, 1971. Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле (опыт реконструкции по документам и археологическим данным) // *Материалы и исследования по археологии Москвы*. Т. 4. Древности Московского Кремля. М. С. 193–211. (МИА; № 167).
- Владимирская Н.С.*, 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади // *ГММК МИИ*. Вып. 5. М. С. 151–163.
- Володина Т.Е.*, 2014. Глиняные игрушки из археологических раскопок в 25 квартале исторического ядра г. Владимира // *АВСЗ*. Вып. 6.
- Динцес Л.А.*, 1936. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Зонтиков Н.А.*, 2008. Монастыри Костромского края (в пределах современных административных границ Костромской области) // *Светочъ. Альманах Костромского церковно-исторического общества*. Вып. 3. Кострома. С. 22–29.
- Кабатов С.А.*, 2011. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вежи // *Археология Подмосковья: материалы науч. семинара*. Вып. 7. М. С. 222–248.
- Колызин А.М.*, 1998. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // *РА*. № 2. С. 113–122.
- Морозова Н.А.*, 1990. Игрушки древнего Новгорода // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 3. Новгород. С. 69–71.
- Нестерова Н.В.*, 2002. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций ВСМЗ. Каталог. Владимир.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / *САИ*. Вып. Е 1-39. М.: Наука. 124 с.
- Рыбаков Б.А.*, 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР.

- Салмина Е.В., 2010. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И.К. Лабутиной. Псков. С. 39–46.
- Спиридонова Е.В., 2007. Керамические игрушки XIII–XVIII веков из Ярославля // Археология: история и перспективы: сб. ст. 3-й межрегиональной конференции. Ярославль. С. 193–203.
- Федоров В.В., 1995. Нетрадиционная продукция изразцовых мастерских из Калуги // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. Археология. Киров. С. 49–50.
- Федорова Л.И., Ткаченко В.А., 1995. Калуга – один из центров традиционной игрушки края // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. Археология. Киров. С. 51–55.
- Фехнер М.В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1946 г.) // МИА. № 12. С. 52–56.
- Хорошев А.С., 1998. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород.
- Черкасов В.В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 1. М. С. 309–320.

Архивные материалы

- Горохова А.В. Отчет о проведении археологических раскопок на участке строительства жилых домов по адресу: г. Кострома, пр. Текстильщиков, в районе д. № 3 (технический вариант) // Архив Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
- Полевая опись № 70 КМЗ ОФ-1846/1-19. Предметы из керамики и минералов (камня), полученные в результате археологических исследований селища Вежи Костромского района Костромской области, проведенных экспедицией КГУ им. Н.А. Некрасова в 1996, 2001, 2004 гг. (раскоп I).
- Полевая опись № 161 КМЗ ВХ 14-13. Опись находок, полученных в результате проведенных охранных археологических раскопок на месте строительства офисного здания по адресу: г. Кострома, ул. Маршала Новикова, 10 в 2008 г.
- Щербаков В.Л., 2014. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XIV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. // Архив КГИАХМЗ.
- Щербаков В.Л., 2016. Отчет об археологической разведке на территории Участка культурного слоя правобережного посада г. Нерехта XIII–XVIII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2015 г. // Архив КГИАХМЗ.

О.В. Данилов, Д.В. Абрамов

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В СОБИНОВСКОМ РАЙОНЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015 ГОДУ

O.V. Danilov, D.V. Abramov

RESULTS OF A RESEARCH RECONNAISSANCE IN THE SOBINKA DISTRICT OF VLADIMIR REGION IN 2015

Summary. Two new medieval archeological sites were discovered as a result of archaeological reconnaissance in the Sobinka district of Vladimir region. Both sites (Babaevo-I and Afanas'evo-I) are located in the lower reaches of the river Koloksha. The results of the first studies of these sites are considered in this article.

Archaeological material of site Babaevo-I is mainly represented by fragments of clay vessels pre-Mongol period of ancient Russia. This site is interesting because the settlements do not exist in its territory since the beginning of the XVII century. This fact allows you to make assumption about the preservation of the medieval cultural layer (including the pre-Mongol cultural layer) which was not destroyed by the active economic activity in later time.

Collected in the site Afanas'evo-I individual finds include a items which are made from metal, bone, stone and clay. They belong to different historical periods. This is typical for the sites that are located within the modern settlements. The ceramic material of the monument also refers to a broad time period (XII–XIX centuries).

Ключевые слова: Археологические памятники средневековой России, сельские поселения, разведочные исследования, Собинский район Владимирской области, река Колокша.

Keywords: Archeological sites of medieval Russia, rural settlements, research reconnaissance, Sobinka district of Vladimir region, river Koloksha.

Владими́ро-Сузда́льская земля всегда была и остается очень привлекательной с точки зрения археологических исследований. Однако, следует отметить, что в ее пределах есть районы как с большей, так и с меньшей степенью исследованности. К последним можно отнести территорию, расположенную в нижней части реки Колокша. Археологические памятники, выявленные в ходе разведок В.Я. Сергина и В.П. Глазова, концентрируются здесь или выше современного поселка Ставрово,

или уже на левом берегу р. Клязьмы (АКР, 1995. С. 222–231). На территории, расположенной между этими двумя группами памятников, археологических объектов не зарегистрировано.

С целью восполнить этот пробел в октябре – ноябре 2015 г. сотрудниками археологической группы Государственного бюджетного учреждения культуры Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия» была проведена научно-исследовательская археологическая разведка вдоль правого берега р. Колокши (левого притока р. Клязьмы) на участке от села Бабаево до деревни Хрястово в Собинском районе Владимирской области.

Перспективность исследований данной территории обосновывалась не только удобными для хозяйственного освоения природными условиями, но и неоднократным упоминанием ее в письменных источниках. Первым письменным источником, относящимся к району археологической разведки, является Лаврентьевская летопись. В летописи описывается битва князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) с князем Глебом Ростиславичем Рязанским на р. Колокше в 1177 г.: «...*Князь же Всеволодъ възвратися отъ Коломны, приидя опять въ землю, и обрете Глеба стояща на Колохше на реце, съ Половци и съ полономъ; и не совкупишиа битъ обои за мѣсяць..... Князь же Всеволодъ посла сыновца своего Володимера, съ Переяславци и несколько дружины съ нимъ, где вози стояхуть, противу Мстиславу; а Глебъ, и Романъ сыне его, и Игорь, и Ярополкъ, перешедъ Колохшию, и пойдоша ко Всеволоду на Прускову гору...*» (ПСРЛ, 1926–1928. С. 384). Прусковой горой называется одна из возвышенностей, расположенная недалеко от современного села Бабаево.

В писцовых книгах XVI в. неоднократно упоминается территория, по которой проходил маршрут археологической разведки. Так в уставной грамоте, данной 16 июля 1537 г. бобровникам Ильмехотского стана Владимирского уезда говорится: «*Се язъ Князь Великий Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловаль есми своихъ бобровниковъ Володимерскихъ, въ Володимерскомъ уезде, въ Вылмехотскомъ стану, своими Великого Князя деревнями бобровымивъ деревне въ Хрястове Луку Гридина да Овдейка Сенкина да Васка Иванова а ведати се техъ деревень темъ бобровникомъ моя Великого Князя служба, бобровая ловля, ловити имъ бобры в реке, да реку Колахшу отъ устья и до верховья; а что добудутъ бобровъ и имъ бобры возити къ Москве, къ моей Великого Князя казне, шерстью*» (Акты. Т. 1, 1836. С. 155). Упоминается деревня Хрястово и в писцовых книгах конца XVI в. (Калачов, 1872. С. 793).

В ходе научно-исследовательской разведки было выявлено два новых памятника археологии «поселение Бабаево I» и «поселение Афанасьевое I», представляющие собой не укрепленные поселения, относящиеся к эпохе Средневековья.

Памятник «поселение Бабаево I» расположен на небольшом мысу надпойменной террасы на излучине правого коренного берега р. Колокши. На террасе произрастают деревья: берёза, дуб, ольха и кусты орешника. Высота над уровнем уреза реки 10 м. Общая площадь поселения около 17 000 кв. м. Площадка ровная, вытянутая, ориентирована юго-запад – северо-восток, длиной 250 м, шириной 140 м. Территория памятника задернована и имеет уклон к северо-востоку. Перепад высотных отметок составляет 4,5 м. С северо-западной стороны памятника находит-

ся карьер площадью около 120 кв. м, с восточной и западной стороны проходят грунтовые дороги, ведущие к р. Колокше и соединяющиеся на северо-восточном краю мыса. В настоящий момент территория выявленного памятника используется как пастбище для крупного рогатого скота. На данной территории были заложены шурфы и произведена одна зачистка. Только в одном шурфе был обнаружен археологический материал.

Культурный слой в шурфе 1 мощностью до 26 см представляет собой коричневатую-серую супесь с включениями угольков и пещины (рис. 1). В этом слое встречена одна индивидуальная находка – кресальный кремьнь, подвергшийся термическому воздействию (рис. 2, 14), и собран керамический материал, представляющий собой 13 фрагментов сосудов домонгольского времени (рис. 2, 1–13). Сосуды изготавливались на ручном гончарном круге из красножгущейся глины. Поверхность керамики шероховатая. В качестве отощителя использовались плохо окатанный песок размером от 0,5 до 1 мм, дресва размером от 0,5 до 3 мм и шамот размером до 0,5 мм. Обжиг сосудов производился в окислительно-неполной среде. На это указывает трёхслойная структура излома черепка. По краям он имеет буро-коричневый цвет, а в середине – серый. В составе керамического материала присутствует 1 фрагмент венчика с валикообразным краем типа VIIIБ по классификации В.А. Лапшина (Лапшин, 1992. С. 90–102), датируемый XII в. (рис. 2, 13). Остальной керамический материал представлен фрагментами стенок от сосудов, среди которых один имеет многорядный линейный орнамент (толщина линий – 2 мм).

Памятник «поселение Афанасьевое I» расположен в черте современной деревни Афанасьевое на левой стороне ручья, являющегося правобережным притоком р. Колокши. Деревня находится на надпойменной террасе и разделена шоссе Р-75. Площадка деревни ровная с лёгким уклоном в восточную и южную сторону (к ручью). Высота над ручьём от 2,5 до 5 м.

Площадь выявленного памятника «поселение Афанасьевое I» около 40 000 кв. м. Памятник занимает территорию длиной 280 м и шириной 150 м, ориентированную по направлению ЮЗ – СВ. Для определения границ памятника на территории деревни были заложены 5 шурфов и произведены 2 зачистки, а так же во дворе одной из современных усадеб на пашне был собран подъёмный материал.

Среди индивидуальных находок в составе подъёмного материала (13 шт.) можно выделить несколько предметов, характеризующих определенные периоды освоения территории памятника (рис. 3). В хронологическом порядке к первой группе следует отнести два кремневых отщепов. Один отщеп розово-серого цвета имеет приострѐнный край и частично обработан вентральной (брюшко) и дорсальной (спинка) мельчайшей ретушью. Размеры – 2,8×1,7 см (рис. 3, 6). Второй отщеп фиолетового цвета имеет приострѐнный край и обработан дорсальной (спинка) ретушью (нож?). Размеры – 3,6×1,9 см (рис. 3, 7). Данные предметы из кремня были атрибутированы канд. ист. наук В.А. Авериным как орудия, относящиеся к эпохе каменного века. Далее можно выделить пряслице из розового пиррофиллита (рис. 3, 4), орнаментированное неравномерными насечками по бокам. Размеры – 0,9×1,8 см. Подобные пряслица широко использовались в домонгольской Руси. Индивидуальные находки, относящиеся к периоду XV–XVII вв., представлены двумя металлическими изделиями: бронзовой подвеской и обувной железной

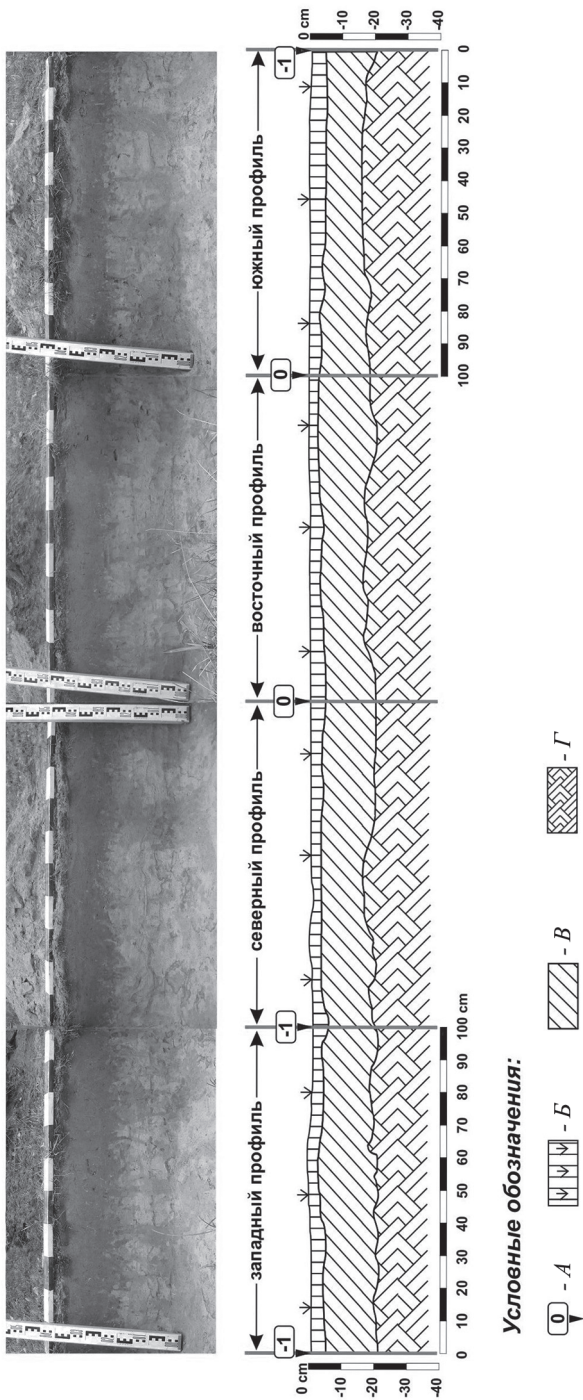

Рис. 1. Памятник археологии «поселение Бабаево I», шурф № 1
А – высотные отметки от временного репера, В – дерновый слой, В – коричневатого-серая супесь, Г – материк

подковкой, а также фрагментом западноевропейского сосуда. Бронзовая подвеска (рис. 3, 1) в виде грушевидной пуговицы (тип I отдела 4 по классификации Н.В. Жилиной (Жилина, 2012. С. 215–235) имеет округлую форму с пояском у нижней части петли и рифлёным колечком. Пуговица в данном случае имеет очевидно декоративное назначение. Размеры подвески – 10×5 мм. Диаметр колечка – 9 мм.

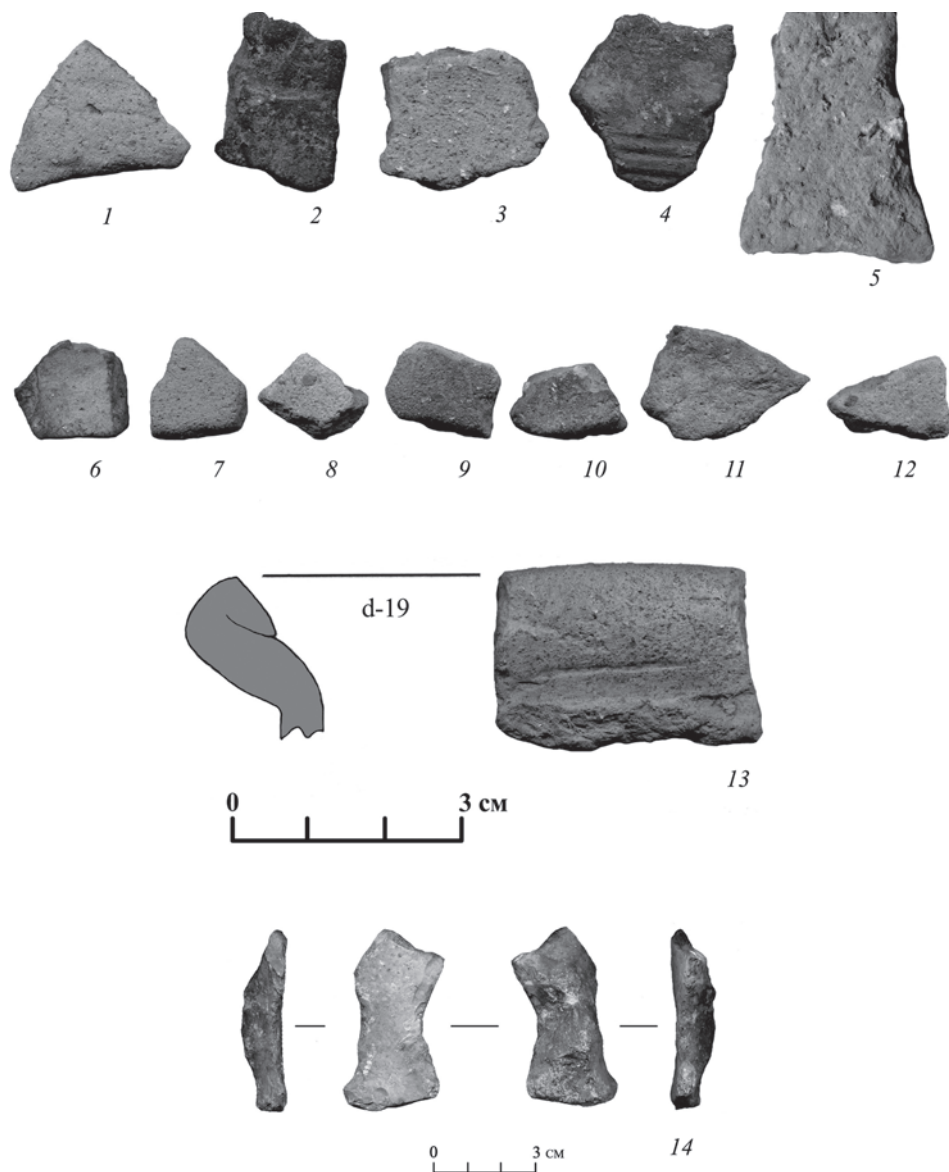

Рис. 2. Археологический материал памятника «поселение Бабаево I»: 1–13 – фрагменты керамической посуды; 14 – кремневый наконечник

Подвеска предположительно является частью женского головного убора или серьги. Предполагаемая датировка – XV–XVII вв. Обувная железная подковка (рис. 3, 5) изготовлена из широкой и тонкой пластины и относится к распространённому в XVI в., но редко встречающемуся в XVII в. типу врезных на шипах (*Осинов*, 2006. С. 77). Размеры подковки – 2,6×6 см, толщина – 5 мм. Датировка – XVI в. Фрагмент западноевропейского сосуда (Вестервальд) (рис. 3, 3) изготовлен из белой хорошо вымученной глины без визуальных примесей (так называемая каменная масса). Поверхность фрагмента рельефная, покрыта соляной глазурью и расписана кобальтом. Датировка конец XVI – первая треть XVIII в. (Немецкая керамика, 1984. С. 70–76). Вероятно, к группе предметов XV–XVII вв. можно отнести и фрагмент дисковидного орнаментированного изделия из кости с внутренней винтовой резьбой (рис. 3, 2). Предположительно данное изделие является фрагментом шахматной фигурки. Размеры – 9×22 мм. Аналогий не найдено.

Керамический материал, собранный при визуальном осмотре пашни во дворе современной усадьбы и относящийся к средневековой эпохе, насчитывает 83 фрагмента и разделяется на две группы. Первая группа объединяет керамический материал, относящийся к домонгольской Руси. В нее входят 22 фрагмента домонгольской, так называемой курганной, посуды из красножгущейся глины (*Розенфельдт*, 1968). Все сосуды изготавливались «жгутовым» методом. Из отщипителей в тесте преобладает плохо окатанный песок размерами до 1 мм. Фракции дресвы имеют размеры до 4 мм. Обжиг сосудов проходил в окислительно-неполной среде (излом черепка имеет трёхслойную цветность). Керамика представлена в основном фрагментами стенок без орнамента от горшков, изготовленных на ручном гончарном круге. Найден один фрагмент днища, которое формировалось на зольной подсыпке. Присутствуют стенки сосудов с линейным орнаментом (2 фр.), нанесённым рабочим инструментом в виде заострённой палочки или гребёнки. По форме найденные венчики можно разделить на два наиболее распространённых в домонгольской Руси общерусские типа (*Стрикалов*, 2003. С. 372). К первому типу относятся горшки с S-образным профилем венчика (2 фр.). Данный тип был широко распространён на всей территории Древней Руси в XII–XIII вв. Характерная особенность данных венчиков – завернутый внутрь черновой край, образующий валик округлого сечения. Варианты таких венчиков описаны Н.Н. Грибовым, И.С. Аникиным (*Грибов*, 2003. С. 16–36; *Аникин*, 2013. С. 152–167). Аналогичные краевые окончания известны в Суздале, Владимире и других городах (*Лапшин*, 1992. С. 90–102; *Кадиева*, 2003. С. 315–338). Второй тип венчиков – раструбовидный. В составе керамического материала присутствует 1 фрагмент такого венчика.

Вторая группа объединяет 61 фрагмент керамической посуды, которые датируются периодом XV–XVII вв. Данная керамика изготовлена из белой (19 фр.) и красной (42 фр.) глин. Среди последней по способу обработки поверхности и обжигу можно выделить краснолощённую керамику (10 фр.) и красноглиняную керамику, покрытую ангобом (1 фр.). Посуда была изготовлена на быстром (ножном) гончарном круге. В тесте присутствует плохо окатанный песок с размерами ядер до 1 мм, слюдистые частицы, вкрапления красного цвета (охра?). Обжиг производился в окислительно-неполной среде. На стенках краснолощённых сосудов присутствует орнамент в виде треугольного штампа в один ряд в сочетании с

линейным орнаментом (2 фр.). Предположительно они принадлежали кувшинам или корчагам. В собранном материале линейный орнамент присутствует только на венчиках от красноглиняных сосудов. Краевые окончания («венчики») из белых и красных глин относятся к одинаковым типам по классификации Е.В. Майоровой (Майорова, 2011. С. 142–153), а именно типу 1 (1 бел. глин. фр., 1 красн. глин. фр.), тип 2 (4 бел. глин. фр., 2 красн. глин. фр.), тип 3 (1 красн. глин. фр.), тип 4 (1 бел. глин. фр., 2 красн. глин. фр.), тип 10а (1 красн. глин. фр.). Они аналогичны кера-

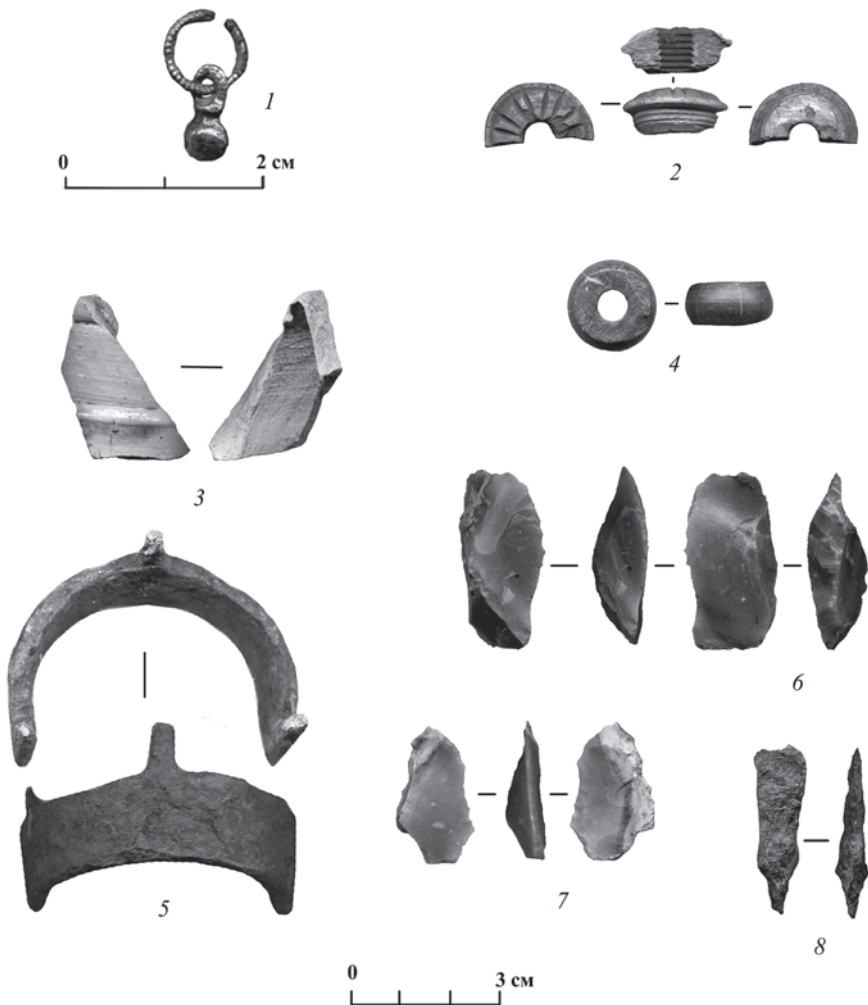
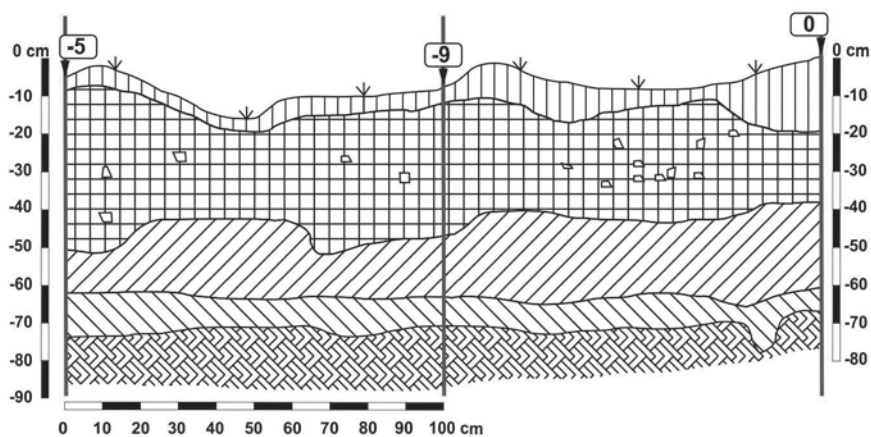
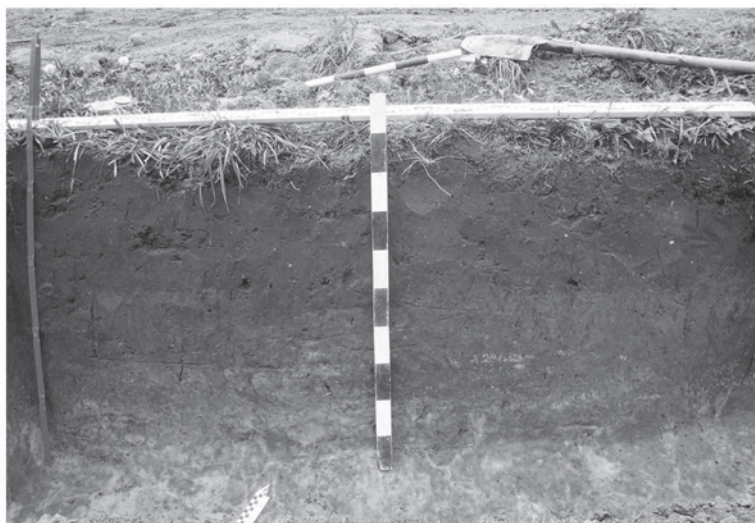

Рис. 3. Индивидуальные находки, собранные на территории памятника археологии «поселение Афанасьево I»: 1 – бронзовая подвеска; 2 – фрагмент дисковидного орнаментированного изделия из кости с внутренней винтовой резьбой; 3 – фрагмент западноевропейского сосуда; 4 – пряслице из розового пиррофиллита; 5 – обувная железная подковка; 6, 7 – кремневые отщепы; 8 – фрагмент железного черешкового наконечника стрелы

мическому материалу из раскопа в Москве в Большом Гнезниковском переулке (Бойцов, 1999. С. 152–163). Среди материала рассматриваемой группы также присутствуют 4 обломка крышек, изготовленных из красной глины.

Культурный слой на памятнике «поселение Афанасьево I», прослеженный в шурфах и зачистках, имеет мощность до 80 см и в основном представляет собой коричневатую-серую супесь (рис. 4). В ходе земляных работ была найдена одна индивидуальная находка, а именно обломок железного черешкового наконечника стрелы с упором (рис. 3, 8). Из-за того, что верхняя часть пера обломана, типологию наконечника стрелы установить трудно, но по определённым признакам он схож с типом 6 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев, 1966. С. 75). В шурфах и зачистках был собран керамический материал, представляющий собой 32 фрагмента разновременной столовой и кухонной посуды из красной и белой глины (XII–XX вв.), а также венчик лепного сосуда. Последний изготовлен из красножгущейся глины с примесью дресвы с размерами до 2 мм и органики. Обжигался при незначительно высокой температуре (до 600 °С) в окислительной среде (возможно костровым способом), в результате чего черепок крошится и мажется. Излом черепка по цвету двухслойный (коричнево-серый). Поверхность слегка заглажена. В шурфе 4 на уровне материка зафиксировано частично вошедшее пятно объекта, предположительно являющегося остатками постройки (рис. 5). Рамки археологической разведки не предполагают выборку заглублённых в материк объектов. Поэтому исследования были ограничены зачисткой выявленного пятна. Заполнение пятна представляет собой тёмно-серую супесь с большим содержанием древесного угля и пачины. При зачистке пятна найдено 3 фрагмента красноглиняной керамики. Причём один из них принадлежал тонкостенному краснотелёному сосуду, а ещё один представлял собой фрагмент стенки от сосуда, изготовленного из красной глины и покрытого двусторонним ангобом. По керамическому материалу данный объект можно датировать в пределах XV–XVII вв.

Таким образом, выявленный памятник «поселение Афанасьево I» представляет собой интерес, прежде всего, как археологический объект с культурным слоем XII–XVII вв. Современная деревня Афанасьево начинает свою историю в более поздний период. Она находится в непосредственной близости к старой дороге, соединявшей Владимир и Москву и получившей название «Владимирка». Такое расположение могло иметь неоднозначное влияние на характер существования поселений, располагавшихся на данной территории. С одной стороны близость к крупной торговой артерии не могло не способствовать их развитию. С другой стороны присутствовала опасность неизбежного нападения при передвижении по дороге неприятельских войск. Можно предположить, что более раннее поселение, располагавшееся на месте современной деревни Афанасьево и имевшее предположительно название Гавриловка (по названию протекающего рядом ручья), было разорено во время опричнины (Садиков, 1950. С. 63–64) или сожжено в начале XVII в. отступавшими польско-литовскими войсками. Так в грамоте 1611 года говорится: «... А въ роспросе, господа, намъ Володимерской гонецъ Микита Рагозинъ сказалъ, что бояринъ и воевода князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ съ товарищи, съ Рускими и съ Литовскими людьми, приходили изъ Юрьева Полскаго под Володимеръ Февраля въ 11 день; и дел де у нихъ подъ Володимеромъ

Условные обозначения:

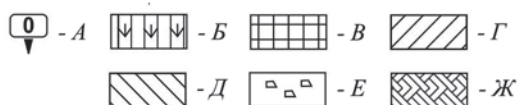

Рис. 4. Памятник археологии «поселение Афанасьево I», зачистка № 3

А – высотные отметки от временного репера, Б – дерновый слой, В – темно-серая супесь, Г – коричневатая-серая супесь, Д – серо-коричневая супесь, Е – кирпичный бой, Ж – материк

Рис. 5. Объект в шурфе № 4 памятника археологии «поселение Афанасьево I»

было, и Божию де милостию и Пречистая Богородицы помощью князя Ивана Куракина съ товарищи съ Рускими и съ Литовскими людьми побили и розогнали, и князя Ивана Борисовича Черкаского взяли въ Володимире жива, и князь Иван де Куракинъ съ Рускими и съ Литовскими людьми изъ-под Володимеря побежали Московскою дорогою, и вестъ де им учинилась на Ундоле...» (Акты, Т. 2, 1836. С. 304–308). Село Ундол сейчас входит в черту г. Лакинска, расположенного в Собинском р-не Владимирской обл. Оно расположено на 14 км западнее территории памятника. Очевидно, что отступавшие польско-литовские войска проследовали через расположенный здесь населенный пункт. Расположившись в селе Ундол, они также сохраняли его в доступных пределах. Очевидно, что указанный в летописи отряд князя Куракина нуждался в продовольствии и фураже, а после разгрома под Владимиром маловероятно, что его люди имели доброе расположение к местному русскому населению. В результате населенный пункт на территории памятника мог быть разграблен и разрушен, а его население истреблено или разбежалось. Видимо, после описанных событий на данной территории была пустошь и

только к середине XVIII в. появляется новый населённый пункт с двойным названием «сельцо Дорофейцево Афанасово тоже».

Таким образом, из результатов археологических исследований, а также работы с архивными материалами и письменными источниками очевидно, что выявленные памятники археологии «поселение Бабаево I» и «поселение Афанасьево I» представляют значительное научное и культурное значение для изучения расселения народов в ранний исторический период. Также они способны стать источником дополнительных сведений о культуре, быте и хозяйственной деятельности этих народов как в Средневековье, так и в более поздние исторические периоды.

Литература

- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1. 1294–1598. СПб., 1836.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1836.
- Аникин И.С., 2013. Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Муром (район села Карачарово) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 9. М.
- Археологическая карта России, 1995. Владимирская область. М
- Бойцов И.А., 1999. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездиновского переулк (Москва) // РА. № 1.
- Грибов Н.Н., 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской керамической посуды // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.
- Жилина Н.В., 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII – XVII в. На материале Северо-Восточной Руси // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 4. М.
- Кадиева Е.К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира к XII–XIII вв. (по материалам раскопок 1993–1998 годов в квартале 22) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.
- Калачов Н.В., 1872. Писцовые книги XVI века. СПб.
- Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
- Майорова Е.В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // ABC3: материалы науч. семинара. Вып. 3. М.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострелы VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.
- Немецкая керамика, 1984. Каталог выставки. Л.
- Осипов Д.О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН.
- ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926–1928.
- Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII веков. // САИ. Вып. Е1-39. М.
- Садиков П.А., 1950. Очерки по истории опричнины. М.; Л.
- Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и её округи // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВАЭ	– Верхневолжская археологическая экспедиция
ГАВО	– Государственный архив Владимирской области
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГВСМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой, А.М. Красниковой, Н.Д. Угулавы

«Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополье в 2016–2017 гг.»
С. 7–18

К статье С.И. Милованова

«Археологические исследования на месте расположения Знаменской (Пятницкой) церкви в г. Владимире в 2015 г.»
С. 100–109

К статье Е.Р. Михайловой

«Погребальные памятники комплекса Рапти-Наволоки: О сложении и развитии древнерусской обрядности»
С. 19–29

К статье А.Н. Федориной

«Группа памятников Кибол 2-3-4 по результатам разведочных работ 2002–2014 гг.»
С. 68–80

К статье С.В. Шполянского

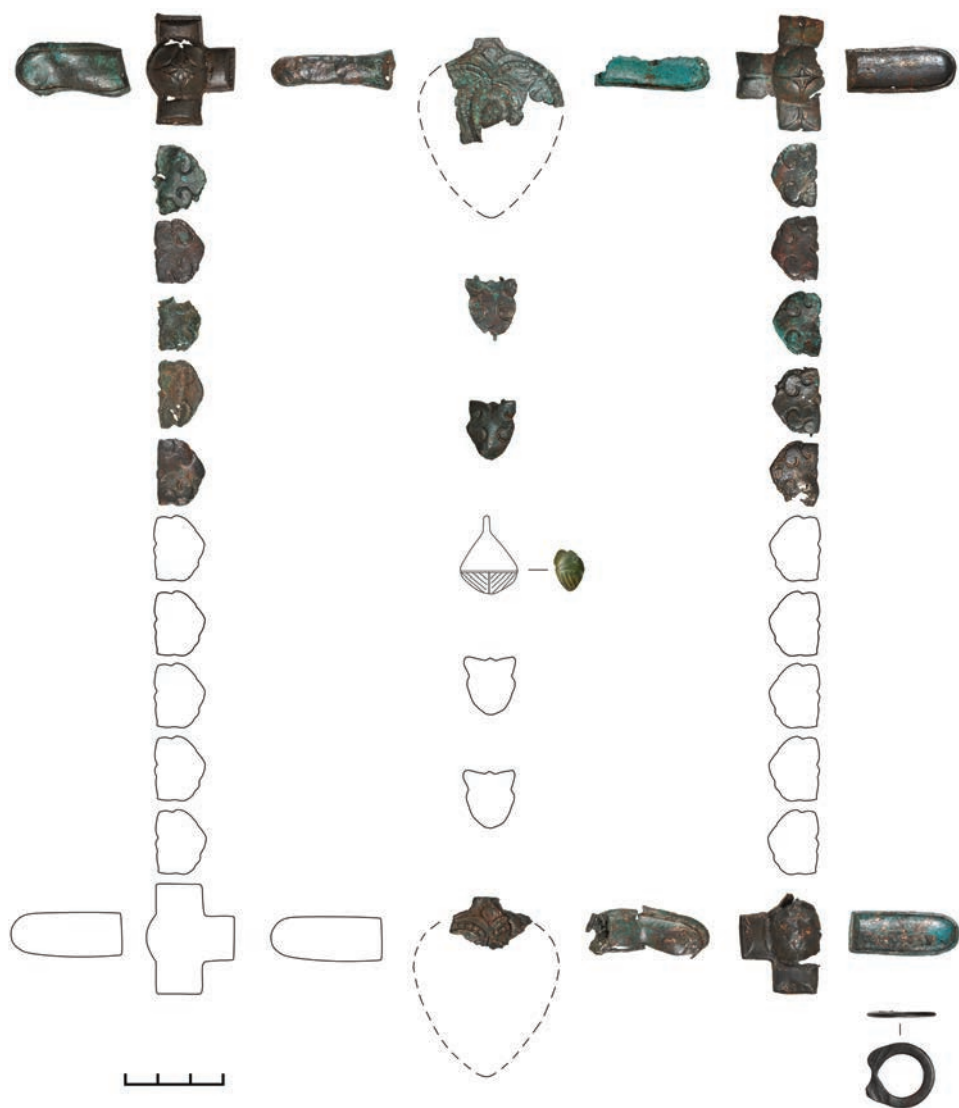
«На границе княжеств: новые данные о средневековом археологическом комплексе у села Павловское»
С. 81–92

К статье А.Е. Леонтьева, А.Л. Александровского, Вал. В. Бейлекчи, А.В. Кашкина

«Исследования городища Выжегша в 2016 г.»
С. 51–63

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой, А.М. Красниковой, Н.Д. Угулавы
 Рис. 2. Шекшово 9. Курган 12. Погребение по обряду кремации. Находки из погребения: 1 – кольцо, 2 – лапа, 3, 4 – сосуды. 1–4 – глина

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой, А.М. Красниковой, Н.Д. Угулавы
 Рис. 3. Предполагаемая реконструкция уздечного набора из погребения по обряду
 кремации из к. 12

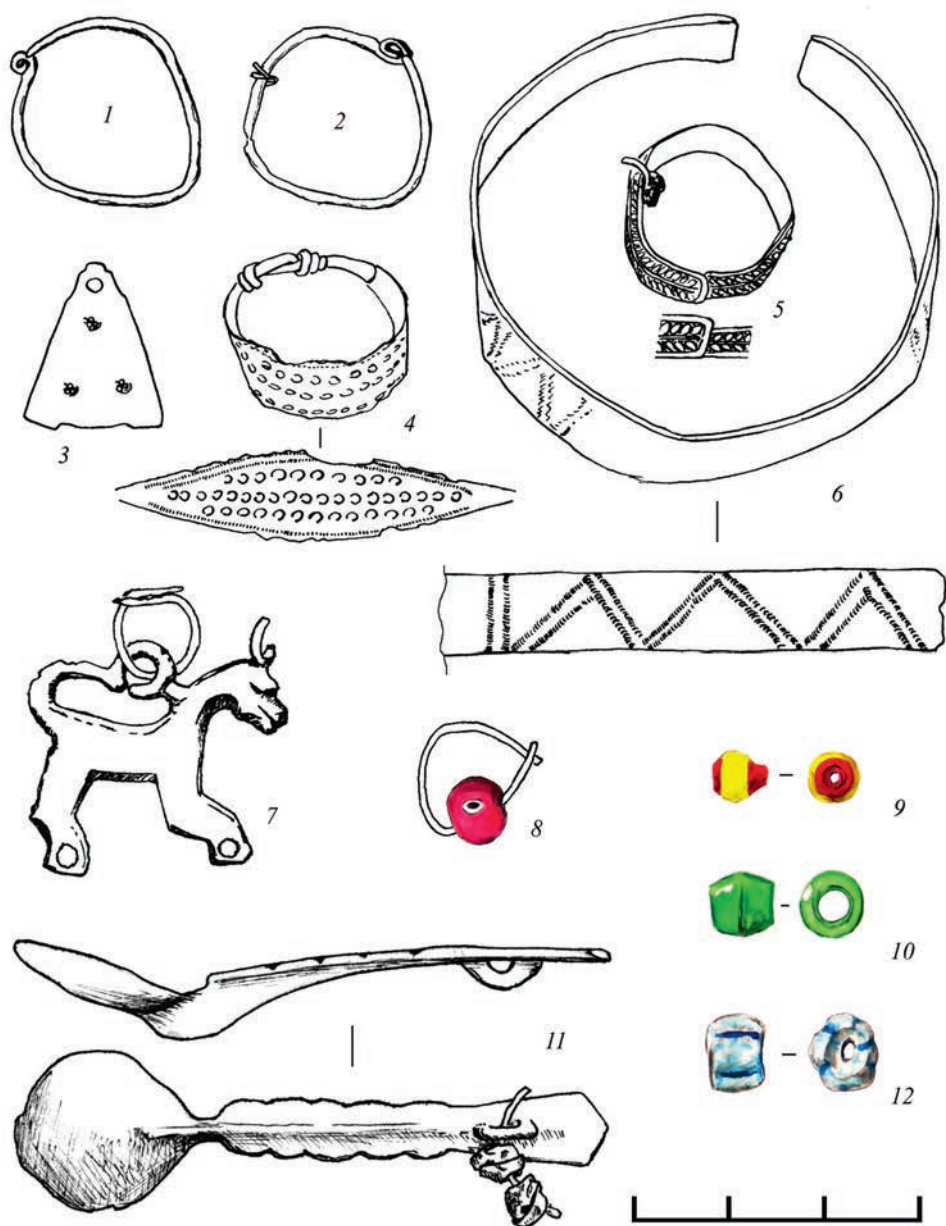
К статье С.И. Милованова

Рис. 1. Индивидуальные находки из раскопов 1 и 2: 1 – фрагмент стеклянного браслета; 2 – оплавок из цветного металла; 3 – железный брусок; 4 – булавка пус-йеппи из цветного металла; 5, 6, 14 – обломки и детали глиняных колокольчиков; 7, 17, 18, 19 – глиняные игрушки; 8–11 – глиняные грузики (костяшки от счет?); 12, 13, 15, 16 – глиняные рыболовные грузила

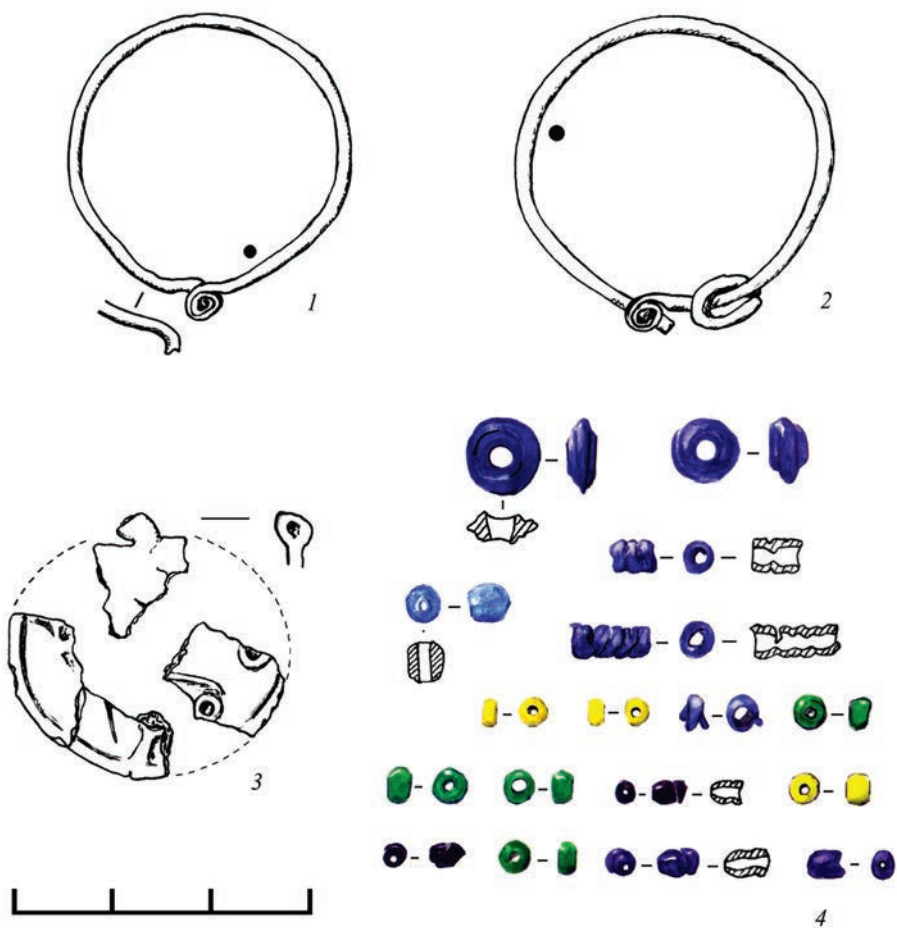
К статье С.И. Милованова

Рис. 7. Предметы эпохи Средневековья: 1, 2 – фрагменты стеклянных браслетов; 3, 4 – обломки полуфаянсовых сосудов; 5 – подвеска из кашина; 6 – ювелирная матрица из цветного металла; 7 – дужка замка железная; 8, 9 – ключи железные; 10 – наконечник стрелы железный; 11 – шип ледоходный железный

К статье Е.Р. Михайловой

Рис. 4. Хронологические значимые находки из погребения под курганом 4 группы Рапти-Наволоок III: 1, 2 – височные кольца; 3 – трапециевидная привеска; 4, 5 – перстни; 6 – браслет; 7 – привеска-конек; 8 – проволочное колечко с бусиной; 9, 10, 12 – бусы; 11 – привеска-ложечка с прикрепленным фрагментом височного кольца. 1–3, 5–7, 11 – медный сплав; 4 – серебро; 8 – медный сплав, стекло; 9, 10 – стекло; 12 – фаянс

К статье Е.Р. Михайловой

Рис. 5. Хронологически значимые находки из погребения 2 под курганом 6 группы Рапти-Наволоки II: 1, 2 – височные кольца; 3 – привеска-медальон; 4 – бусы. 1, 2 – медный сплав; 3 – свинцово-оловянный сплав; 4 – стекло

К статье А.Н. Федориной

Рис. 5. Находки из сборов и шурфов: 1–23 – цветной металл, 24–25 – стекло, 26–28 – глина. 1–8, 10–23, 25, 26, 28 – подъемный материал; 9 – зачистка берегового обнажения №1-2014, № 24 – шурф 11/2014, № 27 – шурф 1/2002

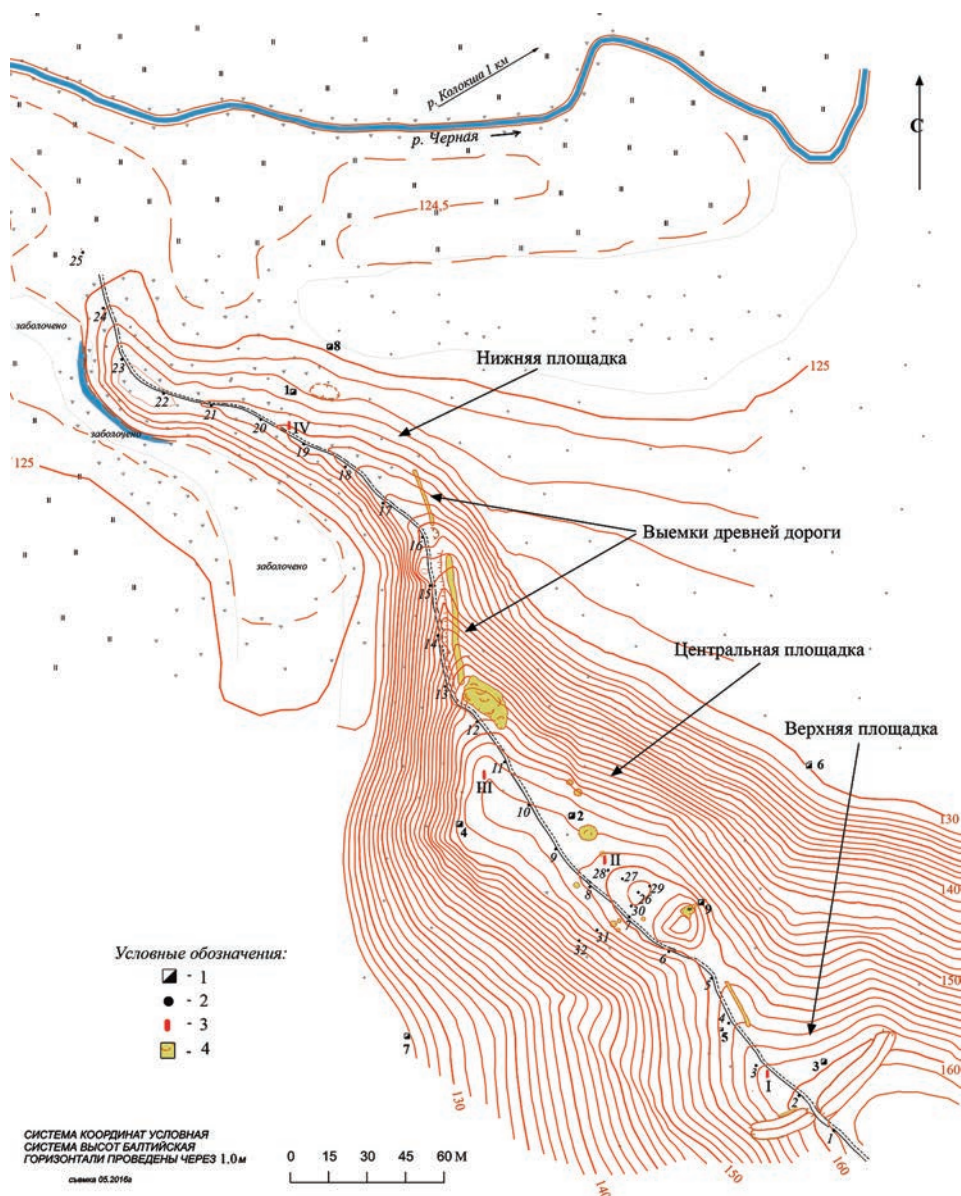

К статье С.В. Шполянского
 Рис. 4. Селище Павловское 2. Находки из цветного металла, датируемые концом
 XI – первой половиной XIII в.

К статье С.В. Шполянского

Рис. 5. Селища Павловское 1 и Павловское 2. Находки, датируемые XIII – началом XV в., и предметы вооружения: 1–3, 5–11; 13 – цветной металл; 4 – стекло; 12, 14–16 – черный металл

К статье А.Е. Леонтьева, А.Л. Александровского, Вал. В. Бейлекчи, А.В. Кашкина
Рис. 1. План городища Выгеша. Условные обозначения: 1 – шурфы (1–9); 2 – скважины бурения (1–31); 3 – реперы (I–IV); 4 – разрытия

К статье А.Е. Леонтьева, А.Л. Александровского, Вал. В. Бейлекчи, А.В. Кашкина

Рис. 5. Находки на центральной площадке городища (1, 2), отвала грабительских раскопок (3–15, 18), на восточном склоне (16, 17). 1 – поясная накладка; 2 – деформированная пластинка; 3, 4, 12, 16, 17 – наконечники стрел; 5, 7 – обломки лезвий топоров; 6 – железный предмет; 8 – язычок пряжки (?); 9 – железный пруток; 10, 11 – швейные иглы; 13 – кузнечная поковка; 14 – фрагмент ключа (?); 15 – обломок ножа; 18 – подкова

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 7

Редактор *Н.Б. Полякова*
Верстка *С.В. Кожушков*

Подписано к печати 25.12.2017. Формат 70×100/16
Усл.печ.л. 18,2. Уч.-изд.л. 15,7. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-229-2

